

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ**

Л. В. Захаровский

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ
РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.
1920–1980-е гг.**

**Екатеринбург
РГПУ
2024**

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»

Л. В. Захаровский

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ
РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.
1920–1980-е гг.**

Монография

Екатеринбург
РГППУ
2024

УДК 377.014(47+57)(09)

ББК Ч446.3(2)

3 38

Захаровский, Леонид Владимирович.

3 38 Идеологические инструменты развития советского профессионально-технического образования. 1920–1980-е гг.: монография / Л. В. Захаровский. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2024. 182 с. Текст: непосредственный.

ISBN 978-5-8050-0791-1

Исследуется спектр эффектов, получаемых системой профессионально-технического образования СССР в процессе интеграции менявшихся на различных этапах развития советского общества идеологических установок с присущими каждому такому этапу прагматическими задачами модернизации. Показано, что для системы профессионально-технического образования, являющейся важным каналом воспроизводства рабочего класса, идеология выступала значимым источником развития.

Адресована историкам, педагогам, работникам учреждений профессионального образования.

УДК 377.014(47+57)(09)

ББК Ч446.3(2)

Монография подготовлена по результатам направления исследований инновационной площадки Научного центра Российской академии образования на базе РГППУ

Рецензенты: доктор философских наук, профессор А. Г. Кислов (ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»); кандидат исторических наук, доцент С. А. Пьянков (ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук»)

ISBN 978-5-8050-0791-1

© ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2024

Оглавление

От автора	5
Введение	9
Глава 1. Проектные принципы советского профессионально-технического образования и изменение облика образовательных элит: столкновение идеологии и прагматизма	34
1.1. Формирование подходов к развитию модели профессионально-технического образования на различных этапах реализации советского проекта	34
1.1.1. Становление советского профессионально-технического образования: борьба идей и интересов. 1920-е гг.	34
1.1.2. Усиление практической направленности в условиях индустриального рывка. 1930-е гг.	38
1.1.3. Идеологические принципы системы Государственных трудовых резервов	42
1.1.4. Идеологические новации Н. С. Хрущева и реформа 1958 г.	48
1.1.5. Идеологические симулякры в 1960–1980-е гг.: консервативные попытки развития вширь	50
1.2. Акторы и принципы интеграции идеологии и практических задач в области подготовки рабочих кадров. Динамика социального облика профессионально-образовательных элит: от теоретиков к образовательной бюрократии	55
1.2.1. Специфика условий модернизационного развития как поле возникновения образовательной бюрократии.....	55
1.2.2. Возникновение и социальные характеристики образовательной бюрократии.....	59
1.2.3. Система Государственных трудовых резервов и завершение формирования иерархической структуры образовательной бюрократии	64
1.2.4. Система Государственных трудовых резервов как социальный лифт	68
Глава 2. Стационарная система подготовки молодых рабочих кадров как инструмент решения задач социально-экономического развития страны в 1920–1980-е гг.	73
2.1. Соединение идеологических установок с практическими задачами развития. 1920-е – начало 1960-х гг.: механизм агитации и пропаганды.....	73
2.1.1. Специфика увязки идеологических принципов с практическими задачами в условиях становления советского проекта модернизации	73

2.1.2. Система Государственных трудовых резервов как механизм соединения идеологии и прагматических задач в форме социального проекта.....	82
2.1.3. Начало поиска новых прагматических решений при сохранении идеологических установок. 1946–1953 гг.	85
2.1.4. Прагматическая идеология реформы 1958 г.	87
2.1.5. Взаимосвязь колебаний идеологических акцентов и прагматических задач с развитием форм подготовки рабочих кадров.....	91
2.2. Симулякр идеологии и симуляция развития: проблема средних ПТУ как опорного элемента системы профтехобразования. 1960–1980-е гг.....	93
2.2.1. Новые социально-экономические вызовы советской идеологии	93
2.2.2. Средства пропаганды и агитации в учебном заведении	106
2.2.3. Литература как идеологический механизм: литература о профессионально-техническом образовании и литература для профтеховцев.....	110
2.2.4. Идеология для профтехшколы в советском кинематографе	121
Глава 3. Социальные технологии обеспечения синергии идеологии и прагматизма в советском профессионально-техническом образовании	126
3.1. Механизмы адаптации контингентов к проблемам функционирования профтехобразования.....	126
3.1.1. Исторические условия возникновения механизмов адаптации	126
3.1.2. Идеологические и прагматические элементы механизмов адаптации	130
3.2. Социальные демпферы	139
3.2.1. Обоснование понятия «социальный демпфер».....	139
3.2.2. Социальные демпферы в практике Свердловского регионального управления Государственных трудовых резервов.....	142
3.2.3. Социальные демпферы и социально-культурные амортизаторы	149
3.3. Технологии управляемой социализации	153
3.3.1. Обоснование понятия «технология управляемой социализации»	153
3.3.2. Идеологические элементы технологий управляемой социализации	155
Заключение	157
Библиографический список.....	166
Приложение. Сводные данные о количестве молодежи, принятой в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО Свердловской области в 1940–1956 гг., чел.	177

От автора

Приступая к работе над книгой в 2021 г., автор исходил из растущей актуальности изучения роли идеологических инструментов развития системы профессионального образования. К этому времени в экспертном сообществе укрепилось понимание необходимости комплексного ответа на вызовы и риски, возникающие в процессе реализации стратегий развития России, обусловленного самим их характером. Попытки решения демографических, социально-политических, научно-технологических, кадровых и многих других задач посредством инструментов финансового планирования и чисто экономических мотиваций, как показывает современная практика, недостаточно эффективны. Как следствие, все более разумным представляется использование наработанных в советский период подходов, позволявших использовать идеологические инструменты как один из важнейших механизмов решения практических задач развития.

За последние три года обозначенные выше внутренние и внешние вызовы развитию страны приобрели еще больший масштаб. Одной из стратегически важных становится задача воспроизводства кадров, являющихся не только высококвалифицированными специалистами в своей области, но и носителями сформированных гражданственности и патриотизма. Настоящая книга – попытка исследовать советский опыт использования мотивационного и организационного потенциала идеологических инструментов в процессе развития советского профессионально-технического образования, который был неразрывно связан с важнейшими этапами модернизационного развития СССР.

Изучение динамики идеологических установок, определенных флуктуаций, новаций, находивших выражение в инструментах пропаганды и агитации, в использовании тех или иных форм имплементации идеологического материала в практику решения прагматических задач, позволило выявить ряд механизмов воздействия идеологии на эффективность организационно-управленческих усилий партийных комитетов, комсомольских организаций, профсоюзов, СМИ в развитии подготовки молодых квалифицированных рабочих кадров и их адаптации на рабочем месте. Прослежен процесс постепенной утраты советской идеологии своей способности к формулированию актуаль-

ных принципов и скатывание к практике консервации омертвевших догм в 1960–1980-е гг., значительно снизивший их «поддержку снизу», и как следствие этого, их созидательный потенциал.

Поэтому книга представляется небесполезной для всех, интересующихся подлинными механизмами достижений и проблем в развитии отечественного профессионально-технического образования в советский период, особенно, для молодых читателей – школьников, студентов, молодых рабочих. Именно им важно избавиться от укоренившихся за последние десятилетия в общественном сознании антиидеологических штампов и мифов.

Специфика языка документов, создававшихся в процессе становления профтехобразовательных учебных заведений в предвоенный период и в недрах системы Государственных трудовых резервов включает в себя и обилие аббревиатур и общепринятых в то время сокращений, которые могут затруднить понимание текста. Поэтому, для удобства читателей, привожу список таких сокращений.

ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи

ВОВ – Великая отечественная война

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

ВШЭ – Высшая школа экономики

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

Главпрофобр (Госпрофобр) – Главный комитет профессионально-технического образования Наркомпроса РСФСР

Госплан – Государственный плановый комитет

ГПТУ – городское профессионально-техническое училище

ГТР – Государственные трудовые резервы

ГУТР – Главное управление трудовых резервов

ГУУЗ – Главное управление учебными заведениями

ЖУ – железнодорожное училище

ИК – исторический коммунизм

ИТР – инженерно-технический работник
Межрабпом – Международная рабочая помощь
МТР – Министерство трудовых резервов
НКВД СССР – Народный комиссариат внутренних дел Союза
Советских Социалистических Республик
НКТП – Наркомат тяжелой промышленности
НТП – научно-технический прогресс
НЭП – новая экономическая политика
ОРС – Отдел рабочего снабжения
ПТО – профессионально-техническое образование
ПТУ – профессионально-техническое училище
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-поли-
тической истории
РГАЭ – Российский государственный архив экономики
РГППУ – Российский государственный профессионально-педа-
гогический университет
РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РКСМ – Российский коммунистический съезд молодежи
РУ – ремесленное училище
СИПИ – Свердловский инженерно-педагогический институт
СИТОР – Свердловский институт технического обучения рабочих
СНК – Совет народных комиссаров
Совмин – Совет министров
СПТУ – среднее профессионально-техническое училище
СТО – среднее техническое образование
ТПК – территориально-промышленный комплекс
ТУ – техническое училище
УВР – учебно-воспитательная работа
УГППУ – Уральский государственный профессионально-педа-
гогический университет
УМО – Учебно-методическое объединение
УМСХ – училище механизации сельского хозяйства
УПР – учебно-производственная работа
ФЗО – фабрично-заводское обучение
ФЗУ – фабрично-заводское ученичество

ЦДООСО – Центр документации общественных организаций
Свердловской области

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦИТ – Центральный институт труда

ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии
Советского Союза

ЦСУ – Центральное статистическое управление

ШУМП – школа ученичества массовых профессий

Введение

Современное российское общество переживает этап становления в своих новых исторических формах. В качестве одной из его важнейших проблем научным экспертным сообществом, а в последнее время и политическим руководством страны, все более осознается «идеологический вакуум», препятствующий формированию четких контуров перспективы развития страны, выработке нового, соответствующего современности представления об общем благе и даже сохранению традиционных форм идентичности. Между тем очевидный любому эксперту опыт успешной модернизации Китая за последние сорок лет был основан именно на фундаментальном значении, придаваемом китайским руководством сохранению идеологических принципов и их творческому соединению с новыми прагматическими задачами развития.

Несложно заметить, что не только «новая демократия» Мао Цзэдуна [48], но и все сыгравшие заметную роль идеологические системы XX в. – от чучхе Ким Ир Сена [35] до «Зеленой книги» М. Каддафи [30] – неизменно впитывали в себя национально-культурные особенности родины мыслителя, обосновывали ее самобытность и субъектность, одновременно выражая объективно стоящие перед ней задачи развития. При этом эти задачи, принципиально не сводимые к какому-либо одному интегральному целевому рубежу, будь то рост производительности труда, культурный уровень или социальная монолитность, освоение огромных территорий или рост военной мощи, в реальности всегда порождали необходимость периодической корректировки идеологических акцентов ради достижения приоритетных прагматических задач того или иного момента. Способность идеологии адаптироваться к принципиальным проблемам и вызовам конкретного периода, а значит, выступать эффективным универсальным интегратором социального развития, определяла ее способность оставаться «живой», т. е. разделяемой большинством общества.

Идеологическое многообразие, провозглашенное в нашей стране, на практике означает отсутствие какой-либо понятной обществу идеологии, что пагубно отражается на его способности вырабатывать и воспроизводить общие целостные, осмысленные и целенаправленные программы развития и механизмы их реализации. Проблема выработки национальной идеологии как одной из основных движущих

сил культурно-исторического воспроизводства и социально-экономического развития актуализирует изучение действительной роли идеологических конструкций прошлого, в том числе и в развитии такой критически важной для современного общества области, как подготовка квалифицированных кадров рабочих (работников).

Идеология – это система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности. Идеология выражает интересы и формулирует цели определенных социальных групп. Согласно «Большой российской энциклопедии», идеология определяется как «теоретически оформленная система идей, представлений, выражающая суть социальных интересов определенных классов, слоев, групп или общества в целом. Концептуально объясняет социальную реальность...; к идеологии также относят программы деятельности по достижению сформулированных в ее рамках социальных целей. На основе идеологии формируются коллективные сознание и поведение. В этом смысле идеологию можно рассматривать как инструмент социального управления, в частности как средство мобилизации людей на долгосрочные действия по реализации политических и иных программ» [77].

Связь идеологии и развития общества наиболее явно проявляется при анализе функционального значения идеологии. Одной из теоретических основ используемого в настоящей монографии подхода явились идеи выдающегося социолога первой половины XX века К. Мангейма, подчеркивавшего, что идеология вводит в повседневное сознание людей идею времени, стратегический прогноз, задает образную или понятийную панораму целей, разворачивает поле смыслов, притязаний, надежд, открытое для сознательной и рациональной проработки: оно может быть структурировано, в нем могут быть определены возможные модификации существующих культурных стандартов, точки схода различных общественных интересов, «узлы» возможных социальных конфликтов [47].

Для уточнения этих определений применительно к советскому обществу на всем протяжении его истории, на наш взгляд, принципиальное значение имеет понимание характеристик идеологии, определяющих ее потенциал в качестве ресурса конструирования новых социальных практик, а также ее жизнеспособность – от степени идеоло-

гического проникновения в социальную толщу до способности сохранять достигнутую степень такого проникновения во времени.

Советские идеологи и практики государственного строительства прекрасно знали и учитывали тезис К. Маркса из работы «К критике гегелевской философии права» (1844) о том, что теория становится материальной силой, как только она овладевает массами. В трилогии романов А. Н. Толстого, удостоенной сталинской премии в 1943 г., в художественной форме, но предельно точно выражен механизм идейного овладения массами на русской почве: «Русский мужик – точка приложения идей. Да. Но если эти идеи не связаны с его вековыми желаниями, с его первобытным понятием о справедливости, понятием всечеловеческим, то идеи падают, как семена на камень» [93, с. 6]. Следовательно, идеология жизнеспособна в случае, если она перестает быть внешней по отношению к обществу и начинает восприниматься им как органическая часть его жизни, его собственная ценность.

Факты социальной истории свидетельствуют, что такая способность была присуща советской идеологии преимущественно в довоенный и военный периоды и была практически утрачена к середине 1980-х гг. Более того, в этот период вместо нормального процесса «перенастройки», адаптации идеологии к меняющимся вызовам и задачам происходила качественная деградация значимых идеологических конструкций, превращение некоторых из них в оболочку, обертку, упаковку для совершенно иных идеологических принципов. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», размещавшийся на первой странице главной советской газеты «Правда», служил такой мертвой оболочкой для обоснования геополитически мотивированных элементов внешней политики СССР, от поддержки «социалистического выбора» ряда стран Африки до «выполнения интернационального долга» в Афганистане.

Фундаментальное значение при объяснении этой динамики имеют два фактора. Во-первых, эмоциональная насыщенность идеологии. Исследуя «Капитал» К. Маркса, академик М. В. Нечкина неслучайно посвящает отдельный параграф этому аспекту, подчеркивая, что произведение «пронизано поэзией величайшего, страстного классового гнева» [59, с. 14]. В контексте эмоциональной насыщенности идеологические конструкции раннесоветского периода (не важно, кто выступал автором – В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин и т. д.),

наполненные пафосом классовой, антирелигиозной, культурно-просветительской и всякой иной борьбы (например, сталинские идеи завершения революции, уничтожения остатков эксплуататорских классов), радикально контрастировали с выхолащенной риторикой идеологических документов 1960–1980-х гг.

Вторым фактором является способность идеологии оперативно реагировать на возникающие вызовы времени и меняющиеся потребности общества. Для иллюстрации данного тезиса представляют интерес выводы философа А. А. Зиновьева, показавшего сложный процесс формирования советской идеологии, шедший вместе с возникновением нового общества, выступавшего одним из ее творцов: «Марксистскую идеологию рассматривают как некий проект общества, по которому построено советское общество. Это предрассудок. Советское общество сложилось благодаря историческому стечению обстоятельств, благодаря опыту, стоившему огромных жертв, благодаря действию объективных социальных законов организации больших масс населения в единое целое, можно сказать, “вслепую”. Марксистские тексты дали очень удобный фразеологический материал для создания единой государственной идеологии общества. Эти тексты были приспособлены к объективным условиям исторического процесса, переработаны, определенным образом истолкованы, дополнены» [26, с. 27]. Сталинизм философ рассматривал как социальную революцию в самих основах социальной системы и начальную стадию эволюции коммунистической социальной системы, а не только явление в политике и идеологии. Советская (сталинская) идеология мыслилась им как прорастающая в основы социальной системы, эволюционирующая вместе с ней.

Утрата такого качества советской идеологии в послевоенный период, революционная риторика при нарастании консервативности практик, все более отрывавшихся от менявшегося мира и самого советского общества, приводили к снижению эффективности воздействия идеологических конструкций на массы. Данный тезис был взят нами в качестве одной из гипотез настоящего исследования.

Большевизм как социально-политическая идеология, господствующая в стране после Октября 1917 г., уже в первые послереволюционные годы продемонстрировал высокую способность к адаптации отдельных своих элементов к условиям реальной жизни. После атаки социализма в лоб в период военного коммунизма сама власть партии боль-

шевиков была поставлена под угрозу. В ответ вождем партии В. И. Лениным была выработана модель интеграции идеологии и прагматических задач сохранения власти (НЭП), а также последующие вариации этой модели.

Важно отметить, что нам представляется несколько упрощенным распространение присутствующего в современной историографии восприятие принципов интеграции идеологии и прагматики в советское время. Согласно данному восприятию, идеологические максимы находились в полном подчинении у прагматических задач: «В действительности, Сталина никогда не заботило сбережение идейного наследия марксизма, и известно немало его пренебрежительных слов в адрес Маркса и Энгельса. ...Сталин давал жизнь тем или иным формулировкам, руководствуясь исключительно прагматическими целями конкретного момента» [73, с. 187–188]. Обратным искажением представляется официальная советская трактовка этого вопроса. На съездах партии традиционно подчеркивалась руководящая роль идеологии в определении конкретных задач развития страны. Например, в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии указано: «марксистско-ленинская теория дает нам понимание исторической перспективы, помогает определить направление социально-экономического и политического развития» [51, с. 72].

Настоящее исследование базируется на ином понимании. С самого начала советской истории идеологически обусловленные направления развития могли быть реализованы, поскольку формы и темы воплощения идеологов и конечных целей, всегда остававшихся актуальными для общественно-политического сознания как образ приближаемого каждым шагом светлого будущего, интегрировались как с «вековыми желаниями народа и его первобытным понятием о справедливости», так и с реальными условиями и прагматическими задачами жизни общества. Именно такое понимание позволяет нам рассматривать идеологию в качестве источника развития применительно к одной из важнейших областей советской модернизации – развитию профессионального образования, в частности профессионально-технического, представляющего собой систему подготовки молодых квалифицированных рабочих кадров.

Отраслевая (профессионально-образовательная) оптика исследования потенциалов идеологии как источника развития обладает ря-

дом преимуществ по сравнению с традиционными подходами к изучению данного вопроса. Прежде всего, такая оптика позволяет проникнуть в одно из базовых понятий идеологии большевизма (марксизма-ленинизма) – труд, качественные характеристики которого (от социальных до экономических) находятся в прямой зависимости от технологии производства и квалификации работника. Не менее важно и то, что основные концептуальные выводы исследования подкрепляются не абстрактными доводами, но анализом возникновения и развития в СССР конкретных профессионально-образовательных практик, управленческих и педагогических технологий, реформ и реорганизаций.

Идеология как источник развития применительно к области профессионального образования выполняет довольно специфичную роль, поскольку выступает интегратором сложных комплексов разноскоростных и не всегда одновекторных задач, порождаемых процессами развития любого общества. Социальные функции профессионального образования чрезвычайно разнообразны, причем их образовательные, воспитательные, экономические, гуманистические аспекты нередко порождают одновременно зоны как взаимодополнения, так и противоречия, вследствие этого интеграция этих функций в различные социально-экономические и политические системы неизменно вызывает определенные сложности.

Опыт развития системы подготовки молодых квалифицированных рабочих кадров в СССР представляет в этом отношении огромный интерес в силу того, что служившая одной из важнейших идеологических основ построения социалистического общества культурная революция, неразрывно связанная с промышленными, научными, оборонными, территориальными и иными аспектами развития, неизбежно порождала не только новые источники роста производительных и культурных сил общества, но и множество диспропорций и противоречий. Эффективность конкретных мер в этой области зависела от степени реальной успешности постулируемой в качестве важнейшей цели культурной революции – культурной интеграции, понимаемой как преодоление культурного неравенства между различными частями и социальными группами общества: преодоление неравенства женщин, отставания деревни от города, выравнивание уровня культурного развития различных народов СССР, а также ликвидацию культурных различий между работниками умственного и физического труда.

Настоящая монография посвящена исследованию роли и механизмов практического воплощения этих идеологических установок в динамике задач развития на протяжении разных этапов модернизации СССР.

Объектом настоящего исследования является система подготовки молодых квалифицированных рабочих кадров.

Предметом исследования выступают эффекты, получаемые данной системой в процессе интеграции идеологических установок (имевших стабильное ядро и подвижную периферическую часть) с присущими каждому такому этапу прагматическими задачами экономического и социального развития.

Хронологические рамки работы – 1920–1980-е гг.

Методология. В современной исторической литературе роль идеологии в развитии советского ПТО оценивается чаще всего весьма критически. Представляется, что такой подход упрощает историческую реальность, ведет к недооценке действительной роли сложных механизмов взаимодействия идеологии и практики в процессах строительства нового советского общества. Прежде всего нельзя забывать, что идеология не только оказывала значительное влияние на целеполагание при выработке задач практического развития ПТО на этапе его социального проектирования, но и долгое время выступала эффективным мотивационным ресурсом при практической реализации сложнейших задач развития ПТО.

Второй важный момент заключается в том, что идеология создания советского общества представляла собой сложную и динамическую систему. В. И. Ленин предельно точно определил большевизм как «применение революционного марксизма к особым условиям эпохи» [44, с. 13], поэтому важным исследовательским полем монографии является та структурная часть системы советской идеологии, которую мы назвали «**проектной идеологией**». Советское общество, идеологическим фундаментом которого был провозглашен марксизм-ленинизм, в действительности столкнулось с необходимостью постоянного приспособления многих его догм к практическим потребностям развития, к ментальным и культурным архетипам народных масс. Данная необходимость предопределила формирование специфической структуры идеологии, сохранявшей ритуальное первоначальное ядро, но постоянно облекавшей его тектонической оболочкой адаптированных идеологических установок, нередко заметно отступавших от первоначальной марксистско-ленинской догматики.

Идеологические и политические элементы всегда были интегрированы и в процессы становления советского профессионального образования. 27 сентября 1920 г. ВЦИК РСФСР постановил: «Для объединения всей политико-просветительской работы республики и наиболее планомерного и согласованного применения посвященных этой работе личных сил и материальных ресурсов учредить при Наркомпросе Главполитпросвет» [39, с. 128]. 12 ноября 1920 г. был издан соответствующий декрет СНК РСФСР за подписью В. И. Ленина, определивший в качестве основной задачи Главполитпросвета «объединение всей политико-просветительской работы и сосредоточение ее на обслуживание политического и экономического строительства страны» [13, с. 133].

Наиболее важными для определения принципов такого обслуживания идеологией задач развития страны представляются две цитаты И. В. Сталина, которые разделяют три десятилетия. Первые подходы к маневрированию идеологическими принципами обозначены им в 1921 г. очень аккуратно:

«Лозунг агитации и лозунг действия. Смешивать их нельзя, опасно. <...>

Директива (общая) есть прямой призыв к действию в такое-то время, в таком-то месте, обязательный для партии. Если лозунг «Вся власть Советам» был лозунгом пропаганды в начале апреля («тезисы»), в июне он стал лозунгом агитации, а в октябре (10.X) стал лозунгом действия, то в конце октября он стал прямой директивой. <...>

Искусство стратега и тактика состоит в том, чтобы умело и своевременно перевести лозунг агитации в лозунг действия, а лозунг действия также своевременно и умело отлить в определенные конкретные директивы» [86, с. 66–67].

Вторая цитата, впитавшая опыт форсированного развития и победоносной мировой войны, значительно определеннее: «Начетчики и талмудисты рассматривают марксизм, отдельные выводы и формулы марксизма как собрание догматов, которые “никогда” не изменяются, несмотря на изменение условий развития общества. Они думают, что если они заучат наизусть эти выводы и формулы и начнут их цитировать вкривь и вкось, то они будут в состоянии решать любые вопросы, в расчете, что заученные выводы и формулы пригодятся им для всех времен и стран, для всех случаев в жизни. Но так могут думать лишь такие люди, которые видят букву марксизма, но не видят его существа, заучивают тексты выводов и формул марксизма, но не

понимают их содержания. <...> Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма» [85].

Не менее важным полем исследования, чем рациональное ядро советской идеологии, основанное на принципах марксизма-ленинизма и их последующих трактовок, является поле мистическое. Ни реализация грандиозных планов развития, ни победа в величайшей из войн были бы попросту невозможны без возрождения в новых формах традиционных имперских мистических конструкций. Их форма, разумеется, уже не могла иметь православно-мессианский облик, но вобрала в себя не менее значимый для поддержки нового идеологического проекта «снизу» государственно-патерналистский элемент. В этом контексте представляются очень точными рассуждения философа А. С. Панарина, вполне применимые и к советскому периоду отечественной истории, и к той конкретной функции, которую сыграла в ней система подготовки молодых рабочих кадров: «Государство Российское есть оружие, стоящее на стороне слабых против сильных и тем самым ломающее “нормальную” земную логику, как и логику либерального “естественного отбора”, согласно которой сильный торжествует над слабыми» [65, с. 322]. Советский проект был жизнеспособным, пока он не просто постулировал выражение интересов «сильных во Израиле», разнообразных социальных и профессиональных элит, а реально обеспечивал функционирование социальных лифтов (в том числе, в области профессионального образования), которые использовались не индивидуумами, а массами, социальными группами. При этом усилия внутри этих масс направлялись не на конкурентную борьбу, а на подтягивание отстающих до уровня передовых в целях достижения общего социального блага.

Третьим важнейшим исследовательским полем в монографии выступают конкретные инструменты, механизмы и модели интеграции идеологических принципов и установок с менявшимися прагматическими задачами развития. В отличие от ограниченной просветительскими целями пропаганды (распространения в массах общественно-политических знаний с целью формирования у них определенного мировоззрения) инструментом влияния на массы с целью побуждения их к определенным общественно-политическим действиям ленинизм рассматривал агитацию. Сжатую, ясную формулировку конкретных задач борь-

бы, которые ставятся либо на целый исторический период, либо на отдельные его стадии и эпизоды, представлял такой элемент агитации, как лозунги.

Лозунги пропаганды преследовали цель обозначить какую-либо задачу, которая исторически встала уже в повестку дня и должна быть решена. Лозунги агитации были нацелены не только на то, чтобы помочь массам осмыслить данную задачу, но и вызвать у них желание ее решать, сформировать готовность к соответствующей политической активности. Наконец, лозунги действия преследовали цель отмотивировать и двинуть массы на непосредственное решение данной задачи, поставить ее в плоскость практической реализации. Высшее выражение лозунг действия получал в *директиве*, прямой установке партии на осуществление конкретных шагов для решения задачи. Партийным органам предписывалось упорно добиваться того, чтобы взятые на вооружение лозунги прочно усваивались массами, входили в их речь и даже становились популярными народными поговорками.

В 1920-е гг., в период борьбы за становление нового общества и сохранение власти большевиков, такая тектоническая (состоящая из относительно целостных блоков, которые находятся в постоянном движении относительно друг друга) оболочка идеологии активно подпитывалась «народным идеологическим сотворчеством», нередко усиливавшим изначально присущий советской идеологии элемент аберративности. В 1930-е гг. с началом активной фазы социалистической модернизации в качестве идеологического соавтора все чаще выступала формирующаяся советская номенклатура, сообщавшая тектоническим слоям идеологии целый спектр новых принципов и проектов, от романтических соцгородов до повсеместно формировавшихся «культурков» местных партийных вождей, строивших очередную империю товарища Кабакова [91]. С конца 1930-х гг. идеологическим монополистом выступает «сталинская номенклатура», состоящая из опытных управленцев и крайне осторожных прагматиков, научившихся маскировать свои идеологические корректировки под отраслевые социальные проекты. Одним из интереснейших примеров таких проектов является создание системы Государственных трудовых резервов. В хрущевский и последующие периоды под флагом возвращения к ленинизму аберративность идеологии доводится до прямой противоречивости: провозглашение превращаемых все более в ширму высших общественных целей как доминанты развития страны (построение ком-

мунизма) происходит одновременно с внесением в программу партии задач постоянного повышения материального благосостояния трудящихся. В действительности данные задачи становятся единственно живым компонентом идеологии, формировавшим общественное сознание в русле, все дальше уходившем от идеалов коммунизма.

Методологической основой монографии выступают модернизационная теория и теория социального проектирования как наиболее адекватные теоретические инструменты осмысления сложных механизмов синергии идеологических и прагматических элементов, сопровождавшей процессы развития страны, в том числе и создания советской модели профессионально-технического образования. Теснейшая связь этой образовательной системы с потребностями индустриального развития страны, связанного с освоением новых территорий, вовлечением в хозяйственный оборот все новых природных и трудовых ресурсов, определяет необходимость опоры на теоретические положения В. В. Алексеева и И. В. Побережникова о роли пространственного развития страны и наличии различных центров модернизационных импульсов в структуре реальных модернизационных процессов [1, 68].

При этом советская модель ПТО выступала и как социальный проект, призванный воспитывать молодого строителя коммунизма, «рабочей гвардии смену» [74], что оправдывает использование в процессе его исследования наработок отечественных историков в области социального проектирования. Советские социальные проекты имели ряд особенностей, которые позволяют сделать вывод о существовании специфического советского типа социального проектирования, сочетавшего проектное творчество политической элиты и народных масс, выступавших его полноценными соавторами. В этом случае абстрактные идеологемы выступали в качестве двойников реальных целей социального проекта, маскируя их истинную значимость. Другими словами, в социальных проектах изначально закладывалось определенное отклонение (искажение) от декларируемых целей и задач.

В результате на протяжении каждого из периодов реализации советского социального проекта и составляющих его субпроектов существовали общеизвестные, но практически не замечаемые aberrации, например:

- государство советское, но правит партия, руководитель государства – Председатель Президиума Верховного Совета СССР, глава

правительства – Председатель Совнаркома (Совмина), но реальный «правитель» – Генеральный (первый) секретарь ЦК партии большевиков;

- государство социалистическое, но утверждена диктатура только пролетариата;

- провозглашена социалистическая законность, но происходят внесудебные репрессии.

Социальное проектирование советского типа характеризовалось абберративностью, прежде всего в силу существования ряда бинарных оппозиций, определявших коренные характеристики российского социума, отвечавшие за его способность к продуктивному развитию.

Важное место среди упомянутых бинарных оппозиций занимало разделение культурного пространства страны на элитарную и народную культуры (Б. Н. Миронов) в первые десятилетия XX в. и особенно после 1917 г., редуцированное под влиянием различных процессов – от стремительной урбанизации до уничтожения (вытеснения) из страны носителей элитарного типа культуры – в оппозицию городской и сельской культуры.

Не менее значимой была и сформировавшаяся еще в XIX столетии специфическая структура самих модернизационных усилий, включавшая в себя попеременно используемые методы либеральной и консервативной модернизации. Причем, если либеральные преобразования были нацелены на совершенствование институтов (от статуса верховной власти до самоуправления и судебной системы) при опоре на слой, который можно условно обозначить как «дворянская интеллигенция», то консервативные модернизационные проекты, актором которых выступала бюрократия, подчеркивали ведущую роль государства в решении конкретных задач развития (создание тяжелой индустрии, строительство железных дорог).

Кроме того, и либеральные, и консервативные модернизационные проекты XIX – начала XX вв. предусматривали развитие политических и экономических институтов, социальная база которых к тому времени еще не была достаточно сформирована.

Социальное проектирование советского периода приобретает абберративный характер именно в силу того, что оно сочетало в себе все три выделенные принципиальные оппозиции. Революцию делали романтики, вожди которых могут быть определены как носители «элитарной» культуры (от В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого до Н. И. Бухарина

и А. А. Богданова), а ее плоды пожинали прагматики (технократы), являвшиеся носителями «народной» культуры (И. В. Сталин, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, Н. М. Шверник и т. д.). Осознававшие степень незрелости социальной базы идеологических проектов романтиков, но не имевшие желания и возможности пойти на отказ от них, прагматики были обречены на сохранение ряда плохо сочетаемых с условиями периода идеологием на уровне пропагандистских клише, подменяемых в реальной практике более жизнеспособными двойниками. Причем, даже при такой неявной внутривнутрипроектной корректировке, формулируемые более адекватно прагматиками проектные задачи все равно предусматривали опору на социальную базу, которую еще только предстояло создать (от лишенного частнособственнического инстинкта колхозного крестьянства, которого не существовало в момент коллективизации, до сознательного, культурного и высококвалифицированного рабочего класса, не сформировавшегося к началу индустриализации).

Понимание исторической реальности было бы неполным без учета того обстоятельства, что аберративное проектирование прагматиков вовсе не исключало имевшего места как в имперский период, так и позднее, использования ими спроектированных мер государственной политики, внедрения необходимых государству новаций, предлагаемых «административными предпринимателями» «для достижения собственных целей» [96] – от религиозно- или культурно-миссионерских до карьерных и придворно-конъюнктурных, т. е. не вытекающих из их должностных обязанностей или указаний начальников.

Народные массы также содействовали появлению искажений в социальном проектировании, например, привнося в него национальные и региональные черты. Так, после Гражданской войны, в период провозглашенного по всей стране курса на реконструкцию промышленности, среди рабочих на Урале преобладало предвзятое отношение к промышленности как к наследию эксплуататорских, демидовских времен, доходившее до прямого разрушения старого оборудования. На Верх-Исетском заводе (Екатеринбург) рабочие в ходе коммунистического субботника разрушили старую демидовскую домну именно как такой символ. В 1930-е гг. примерами подобного искажения были проекты строительства передовых соцгородов. В реальности строились промышленные гиганты, а поселки вокруг, даже приобретая некоторые

признаки соцгорода, буквально за несколько лет скатывались на путь развития обычных рабочих окраин с временными жилыми зданиями и бытовым неустройством.

Классическим примером описанного выше аберративного социального проекта среднего уровня являлось проектирование и создание системы Государственных трудовых резервов, в которой допускался целый ряд очевидных, но официально не замечаемых аберраций:

- сочетание добровольного набора и мобилизации, при том что обеспечение ряда непрестижных отраслей (угольная, лесная и т. д.) трудовыми ресурсами, а также их территориальное перераспределение на практике давали неизбежный крен в сторону мобилизационности;

- провозглашение подготовки рабочих кадров для важнейших отраслей промышленности при массовом нежелании принимать именно таковых плохо обученных воспитанников системы ГТР;

- декларация полного государственного обеспечения в период обучения, на практике оборачивавшаяся ситуацией тотального дефицита (от продовольствия до средств личной гигиены);

- выдвижение лозунга подготовки высококвалифицированных молодых рабочих кадров при реально запланированной и реализуемой подготовке рабочих невысоких разрядов, особенно в школах ФЗО;

- использование колхозной молодежи в качестве основного источника для формирования контингента «рабочей гвардии смены»;

- официальное наименование структурных подразделений учебными заведениями, а воспитанников – учащимися при постоянном проведении тезиса о том, что ГТР не обычная образовательная система, а часть экономики;

- совмещение квазие военных методов поддержания дисциплины с поисками механизмов экономического мотивирования лояльности учащихся;

- возникновение в рамках данной «государственной» системы слоя «образовательной бюрократии», незаметно, но неуклонно увеличивавшей объем своих льгот и привилегий, при наличии проблемы качественного состава и системы подготовки кадров преподавателей и мастеров производственного обучения, остававшейся нерешенной на протяжении всего периода существования ГТР.

Преобразование на рубеже 1950–1960-х гг. учебных заведений Государственных трудовых резервов в профессионально-технические

училища, их превращение в одну из обычных образовательных подсистем означало отказ от социального проектирования. Оболочка идеологических штампов более не подкреплялась институционально, идейно и организационно. Произошло омертвление остатков прежней социально-проектной основы советского профтехобразования – комсомольских организаций училищ и т. д.

Допуская внесение коррективов социально-проектная основа формирования советской модели профтехобразования воплощалась в конкретно-исторических условиях динамично менявшихся планов и задач развития страны, определяя как достижения, так и проблемы профтехобразовательной системы, формируя различные модели интеграции (синергии) идеологии и прагматизма.

Прагматизм, понимаемый нами как стремление властных субъектов к достижению своих целей, включая и решение задач модернизационного развития страны, в конкретной области стационарной подготовки молодых квалифицированных рабочих кадров представлял собой сложно устроенное поле, взаимодействующее с идеологией. Структурирование этого специфического поля советского прагматизма позволяет выделить два важнейших пласта:

1) долгосрочные тенденции и изменения, требовавшие от системы подготовки рабочих кадров серьезного развития на структурном, содержательном и технологическом уровнях;

2) текущие, зачастую форс-мажорные (связанные с репрессивными кампаниями, войнами и т. д.) вызовы и задачи, также становившиеся условием выживания и дальнейшего развития существующей системы подготовки молодых рабочих.

Среди долгосрочных тенденций и изменений находились и такие, которые неизбежно сопутствовали осуществлению модернизационных преобразований, приводивших систему подготовки молодых рабочих к новым задачам и вызовам. Часть из них были связаны с ростом и усложнением народнохозяйственного комплекса (изменения в технологическом уровне промышленности и сельского хозяйства, территориальных и отраслевых приоритетов развития), другие – с образовательным и культурным обликом самой советской молодежи, основного «строительного материала» системы (рост уровня грамотности, сокращение доли сельских выходцев в контингенте, изменение личных и общественно-политических мотиваций, представлений о престижности рабочих профессий).

Текущие вызовы и задачи внешне представляются значительно более разрозненными и, возможно, поэтому до сих пор не рассматривались в научной литературе в качестве единого целого. Формально вызовы и задачи действительно постоянно менялись, далеко не всегда были объединены причинно-следственными связями, однако, на наш взгляд, также представляли постоянно действовавший фактор и, следовательно, могут рассматриваться как определенное единство. Более подробно они рассматриваются в п. 2.1.

Взаимодействие гибкого и обладавшего в области социального проектирования качеством аберративности поля советской идеологии со столь сложным, неоднородным полем прагматизма постоянно требовало от политического и хозяйственного руководства страны, от самой системы подготовки молодых квалифицированных рабочих кадров совершенствования моделей интеграции идеологии и прагматизма.

Возникшая в 1920-е гг. модель интеграции являлась «самодеятельно-внутриучилищной». Ее основу составляли многочисленные заявления вождей большевиков об особой роли молодежи в строительстве нового общества. В. И. Ленин в речи на III съезде комсомола сказал: «Старое разрушено, как его и следовало разрушить... и на этой почве молодое коммунистическое поколение должно строить коммунистическое общество» [44]. Ответом на подобные высказывания стала активная общественно-политическая самодеятельность учащихся и преподавателей, находившая выражение в создании в учебных заведениях широкого спектра неформальных объединений – от самоуправленческих до художественных, которые и выступали механизмами интеграции идеологических установок с реальной жизнью коллективов.

В 1930-е гг. после передачи профтехобразовательных учебных заведений в ведение наркоматов формируется «ведомственная» модель синергии идеологии и прагматизма. Сложность данной модели определялась тем, что в этот период двойной подчиненности профтехобразования Наркомпрос рассматривал профтехшколу как звено системы народного образования, а ВСНХ – как часть экономического механизма, форму подготовки рабочей силы. Ведомства, стоявшие перед необходимостью безусловного выполнения задач развития своих отраслей, корректировали идеологические установки в пользу этих задач: уменьшали количество учебных заведений и делали став-

ку на подготовку рабочих непосредственно на производстве, сокращали сроки обучения в оставшихся школах ФЗУ с двух лет до шести месяцев, исключали из программы обучения обществоведческие (идеологически важные) дисциплины.

В 1940–1950-е гг. (период существования системы Государственных трудовых резервов) сложилась «образовательно-бюрократическая» модель. В отличие от ведомственных школ ФЗУ, система Государственных трудовых резервов изначально создавалась как социально-идеологический проект, призванный готовить не просто квалифицированных молодых рабочих, а сознательных строителей коммунизма. Столкнувшись с серьезнейшими проблемами еще на этапе возникновения, особенно в военные годы, система Государственных трудовых резервов, в частности управлявшая ею образовательная бюрократия, вырабатывает целый ряд механизмов адаптации на уровне региональных управлений, начиная от распространения в училищах и школах «передового, но соответствующего идеологическим установкам прагматического опыта» и заканчивая активными преобразованиями в сети учебных заведений. Данные преобразования сохраняли видимость прежних принципов строения системы, но адаптировали ее для решения сугубо прагматических задач военного времени, колебавшихся от простого выживания коллективов до выполнения оборонных заказов государства.

В 1960-х гг. возникает «универсально-системная» модель, в рамках которой предпринимаются попытки интегрировать элементы прагматизма в общую идеологию построения профтехобразовательной системы. В выступлениях руководителей профтехобразования и даже постановлениях ЦК и Совмина все чаще проскальзывают критические оценки не просто практики деятельности отдельных училищ (как было принято ранее), а некоторых сторон самой государственной политики в области развития профессионально-технического образования.

Смена моделей интеграции идеологии и прагматизма являлась ключевым фактором в определении реального облика развития советского профтехобразования, который невозможно адекватно исследовать, опираясь в отдельности на идеологические установки или исследуя лишь эмпирические факты. Только комплексное их осмысление позволяет выявить реальные механизмы развития профтехобразовательной систе-

мы, определить возникавшие на каждом этапе потенциалы и риски, оценить социально-образовательную эффективность тех или иных моделей развития отечественного профтехобразования.

Историография проблемы

Сложный состав объекта настоящего исследования предопределяет необходимость учитывать качество современных научных концепций и эмпирических штудий, направленных на изучение двух связанных объектов – советской идеологии как источника развития и развития самой системы подготовки молодых квалифицированных рабочих кадров.

Парадоксально, но управляемая деидеологизация России последних трех десятилетий привела к тому, что изучение действительной роли советской идеологии как источника модернизационного развития страны в большей степени находилось в сфере интересов западных исследований. Из достаточно большого массива вариантов анализа советской версии модерна, осуществленного западными политологами и социологами, выделим точку зрения видного социолога Йохана Арнасона, который выступил в 2006 г. одним из основателей (совместно с В. Шпоном и В. Кнеблем) тематической группы «Историческая и сравнительная социология» Международной социологической ассоциации.

В целом Й. Арнасон, приверженец модифицированного варианта теории тоталитаризма, рассматривает большевистский проект как смесь марксистских идей и менее осознанных заимствований из российской традиции.

И наследие революции сверху как стратегии государственного строительства, и утопия радикальной революции как пути к свободе, по его мнению, были преобразованы в новые идеологические модели, которые претендовали на обладание универсальной, исключительной и окончательной истиной. В таком качестве воссозданная и заново артикулированная традиция послужила структурированию особого варианта модерна [112, р. 86–87].

Й. Арнасон разделяет точку зрения тех исследователей советского общества, которые рассматривали начавшуюся в конце 1920-х гг. сталинскую «революцию сверху» как решающий момент в формировании советской модели. В качестве особенности этого режима выделяется новая стратегия революционной трансформации сверху, объединяющая элементы большевистской традиции с более ранним проектом имперской модернизации [113, р. 44].

Коммунистическая идеология претендовала на роль подлинно научной доктрины, преодолевшей ограниченность буржуазных идей. Вместе с тем господство в обществе идеологии, представлявшей собой разновидность «политической религии», оказывало негативное влияние на сферу культуры, поскольку идеология ограничивала роль рефлексивности в общественной жизни [112, р. 68]. Тем не менее, Й. Арнасон признает, что в сфере идеологии требовалось примирить неизменные доктринальные принципы с непрерывным ростом научного знания.

Значительный интерес представляет для нас пласт историографии, посвященный опыту социального проектирования в период форсированной модернизации, в том числе такое актуальное направление современных научных разработок, как исследование механизмов и инструментов функционирования советского пропагандистского аппарата, посредством которых осуществлялась мобилизация советского социума на решение поставленных властью экономических, социальных и внешнеполитических задач (М. А. Логунова [46]; Ю. А. Петрушин, О. С. Шилова [66]). Каналы, через которые осуществлялась пропаганда в СССР, были различны: лекции и выступления агитаторов, радио, телевидение и пр. Важнейшим элементом советского пропагандистского аппарата являлись материалы печатных СМИ. Через тексты и визуальные образы, помещенные на страницах газет и журналов, транслировались идеологические и экономические императивы власти, этические и нравственные нормы, формировались образы «героев» и «врагов» советского социума. Периодическая печать является достаточно востребованным историками источником. В современных научных разработках материалы прессы являются объектом контент-анализа, направленного на получение количественной характеристики показателей, значимых для исследования.

Трудовая мобилизация советского населения в целом на материалах печатных СМИ была рассмотрена в ряде публикаций отечественных исследователей (например, М. А. Клинова, А. В. Трофимов [36]). В то же время вопросы трудовой мобилизации отдельных групп советского социума, в частности учащихся учреждений системы трудовых резервов, не были достаточно изучены.

Заметным достижением современных научных разработок является изучение языка советского периода, вобравшего в себя массу идеологем, отражающих специфику политического и социального кон-

струирования. Нельзя не отметить работы, посвященные теоретическому осмыслению проблемы влияния СМИ на формирование общественного мнения населения (Е. М. Буряк [9]; Т. В. Науменко [58]), выявление специфики и эволюции лексем, презентуемых на страницах печати (В. В. Барсукова [6]; О. Е. Чернова [105]; Т. В. Шкайдерова [108]). Важно отметить, что анализ лексем, представленных в советских печатных СМИ, реализован преимущественно в филологических разработках, в рамках которых не ставилась задача исследования форм, содержания и востребованности советских идеологем в контексте их взаимосвязи с социальной, экономической политикой периода.

Важным для понимания последующей идеологической эволюции СССР (вторая половина 1950-х – 1980-е гг.) представляется сборник работ Д. Фюрст (Оксфорд), посвященный состоянию советского общества в эпоху послевоенного сталинизма [120]. Как отмечает Д. Фюрст во введении, интерпретации этого периода в западной исторической науке долгое время определялись знаниями об истории довоенного СССР, что породило упрощенное представление о нем как о логическом продолжении довоенного периода, «апогее сталинизма», эпохе реконструкции не только экономики, но и политической системы, сложившейся в годы первых пятилеток. Авторы сборника, напротив, предлагают рассматривать советское общество 1940-х – начала 1950-х гг. как самостоятельный феномен, в исторической перспективе образующий своеобразный водораздел между довоенным сталинским режимом и постсталинским СССР, эпоху не только «реконструкции», но и «обновления» (reinvention). На этом этапе прежний революционный пафос сменился более простой и привычной имперской идеологией, в повседневную жизнь вернулся национализм, в условиях тотального дефицита начался рост коррупции, возникла теневая экономика. Массовый энтузиазм эпохи «социалистического наступления» ушел в прошлое, общество постепенно отчуждалось от власти. Появилась молодежная контркультура (стиляги) – явление, совершенно немыслимое в 1930-е гг. Довоенный проект нового общества, таким образом, оказался уже нереализуемым, несмотря на по-прежнему жесткий идеологический диктат и продолжающиеся репрессии.

Наличие прагматизма в действиях советского политического руководства, способности корректировать в соответствии с ним идеологические установки признают даже многие либерально настроенные

отечественные историки. Так, О. В. Хлевнюк оценивает тактические повороты «генеральной линии» как результат восприятия И. В. Сталиным различных сигналов с мест, взаимодействия И. В. Сталина и ведомственных руководителей, в котором он играл ведущую роль [100].

Среди отечественных ученых ранее всего интерес к изучению советской идеологии был возрожден социологами и политологами. Однако в силу своей специфики эти научные дисциплины опираются на историю лишь локально, выбирая отдельные примеры, иногда (и неслучайно) оказывающиеся в той или иной степени связанными с подготовкой рабочих кадров.

Как левый проект европейского модерна советскую идеологию рассматривает социолог Андрей Фурсов: «“Идеальный коммунизм”, т. е. коммунистические идеи, существовал в течение более чем двадцати веков (грубо говоря, с киников), а коммунизм как социально-экономическая система, как “реальный коммунизм” возник только в XX в., в капиталистическую эпоху – как антикапитализм. <...> Во-вторых, ИК (исторический коммунизм, то, что существовало в исторической реальности – Л. З.) *типологически* – это промышленное, индустриальное, в лучшем случае – индустриально-аграрное общество. Или иначе: с технологической точки зрения “реальный социализм” – одна из разновидностей индустриальной модели общества» [99, с. 88–89].

Точно также, рассуждая о роли идеологии в СССР, профессор ВШЭ Дмитрий Евстафьев использует аргументацию, опирающуюся на пример, связанный с подготовкой молодых рабочих: «...коммунизм в России прошел путь от обоснования концепции России как “вязанки дров” в период первоначального большевизма до одной из основ “красной империи” периода позднего Сталина» [20].

«Как бы высокопарно ни звучало, но России нужны символы, нужны звезды, движение “к последнему морю”, освоение Арктики, флаг государства на далеком антарктическом леднике... России нужна мечта. Почти невозможная, несбыточная. <...>

Мечта о небе гнала только что освободившегося из-под немецкой оккупации мальчика Юрку Гагарина (ему еще приходилось это указывать в анкете) из подмосковного ФЗУ с предсказуемой жизнью – в “летное”, а потом – в облака Заполярья, где сопки усыпаны хвостами самолетов как память об ушедших в свой последний полет» [19].

Не всегда удачный опыт развития страны в последние десятилетия приводит к тому, что взаимосвязь развития (от страны в целом до

конкретных отраслей и сфер, определяющих ее жизнь) с качественным состоянием идеологической сферы все больше осознается не только учеными-теоретиками, но и практиками, в том числе посвятившими жизнь развитию профессионального образования. Не случайно с фактором идеологии связывали перспективы развития профессиональной школы видные практики профессионально-педагогического образования в 2007 г.: «Построение и укрепление базовых институтов правового государства и утверждение в обществе либерально-демократических идеологических и культурных ценностей... привели к актуализации проблемы проектирования и создания моделей формирования нового социально-образовательного территориального (регионального) пространства в целом и образовательного пространства системы профессиональной подготовки и профессионального образования в частности» [56, с. 5].

Однако в целом, в силу упомянутой выше управляемой деидеологизации России последних трех десятилетий, специальный анализ роли идеологии в решении модернизационных задач развития страны в области подготовки молодых рабочих кадров в научной литературе в настоящее время фактически отсутствует. Более того, приходится согласиться с оценкой, данной в 1991 г. известным уральским историком С. П. Постниковым: «Таким образом, в 60-е – первой половине 80-х гг. было опубликовано значительное число работ по истории профессионально-технического образования, написанных как на общесоюзном материале, так и в региональном аспекте. Однако серьезным методологическим недостатком исследований следует считать то, что система подготовки рабочих кадров, как объект изучения, была оторвана от детерминирующих факторов ее развития... Не подвергались глубокому критическому осмыслению поворотные этапы в развитии профтехшколы в довоенный период, в частности, влияние свертывания новой экономической политики, перехода к форсированной индустриализации и утверждения централизованной плановой экономики на функционирование системы подготовки кадров» [69, с. 17].

К оценке видного уральского историка имеет смысл добавить лишь то, что исследования 1960–1980-х гг., написанные в историко-партийном ключе [110], имели еще одну особенность, связанную именно с идеологическим аспектом. Пытаясь опровергнуть негативные оценки опыта системы Государственных трудовых резервов, увязываемые с кон-

цепцией сталинского тоталитаризма, советские историки рассматриваемого периода предпочитали выдвигать в качестве идеологической основы советских профессионально-образовательных практик (производственных и воспитательных) идейное наследие В. И. Ленина. Подобное утверждение было искажением исторической реальности. Реалии войны были весьма наглядными, жестокими, отрезвляющими, и образ И. В. Сталина как продолжателя русской истории, наследника Александра Невского и Дмитрия Донского в структуре механизмов идеологической работы периода второй (после 1812 г.) Отечественной войны оказывался гораздо более живым и вдохновляющим, чем очевидно провалившиеся (основанные на ленинском наследии) надежды на классовое сочувствие германских рабочих и крестьян к социалистическому СССР. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться хотя бы с содержанием отчетных альбомов о работе училищ и школ ФЗО в период войны.

В советский период изучением советского профтехобразования как социальной системы, вовлеченной в динамику развития страны, первыми стали заниматься социологи. В этом отношении можно выделить работы Ф. Р. Филиппова, рассматривавшего систему профессионально-технического образования как канал социальных перемещений (например, [97]). Современные отечественные исследователи все чаще предлагают новые подходы к изучению истории профессионально-технического образования, рассматривая ее в контексте длительных исторических процессов развития советского общества, российской (советской) системы образования. В частности система подготовки кадров для промышленности на протяжении XX столетия оценивается с позиций условий и обстоятельств развития СССР, функционировавшего в условиях мобилизационной экономики [14]. Однако до настоящего времени преобладают исследования, выполняемые на региональном материале, что накладывает определенные ограничения на изучаемую проблематику. Анализ типов профессионально-технических заведений Башкортостана начального периода становления системы профессионально-технического образования изучают С. Г. Скворцова [83], Т. М. Аминов и Р. М. Асадуллин [2], комплексное исследование развития системы профессионально-технического образования в военный период и послевоенные годы в Северной Осетии и Восточном Забайкалье раскрыты, соответственно, в работах И. Т. Цориевой [103]

и В. С. Ряженовой [76]. Интересным представляется работа преподавателя Белорусского университета Е. П. Дирвук [15], посвященная рассмотрению системы профессионально-технического образования на территории Республики Беларусь как социокультурного феномена. Нормативное регулирование становления системы профессионально-технического образования в начальный ее период раскрыты в работе Е. Е. Валько [10]. По-прежнему актуальными остаются вопросы подготовки рабочих кадров в период Великой Отечественной войны в региональном разрезе, отраженные в исследованиях А. В. Силина [81], Ф. В. Драчикова [17], Г. К. Павленко [64]. Наконец, система подготовки рабочих кадров как сложное явление (процесс) в русле советской модернизационной парадигмы становится предметом исследования историков. Например, докторская диссертация П. К. Карманова [33] посвящена рассмотрению системы профтехобразования в Восточной Сибири в контексте модернизационных процессов, а в монографии екатеринбургского историка Л. В. Захаровского [25] делается вывод о том, что система Государственных трудовых резервов полностью соответствовала избранному варианту мобилизационной модернизации.

В работах целого ряда зарубежных авторов содержатся подходы, позволяющие выявить элементы расхождения официально задаваемых для советского профессионально-технического образования политико-идеологических установок, с представлениями населения, самих учащихся и преподавательского корпуса. Одной из первых попыток специального освещения истории Государственных трудовых резервов в западной научной литературе являлись работы британского ученого М. Мэтьюза [121], который предложил в целом удачную периодизацию истории системы Государственных трудовых резервов, отражающую в том числе динамику ее важнейших социальных трансформаций: 1) 1940–1945 гг. – создание данной структуры и ее деятельность в годы Второй мировой войны; 2) 1945 – начало 1950-х гг. – бурное развитие системы Государственных трудовых резервов, связанное с масштабным участием в послевоенном восстановлении экономики; 3) начало 1950-х – конец 1950-х гг. – падение значения трудовых резервов и трансформация их из чрезвычайной структуры в обычную сеть профтехобразовательных заведений.

Д. Фильцер [98], С. Коткин [120], П. Холквист [116] и Ш. Фицпатрик [115] в исследованиях, посвященных формированию советского

рабочего класса, характеризуют те принципиальные для советского государства вопросы, которые полностью относились и к сфере подготовки молодых рабочих, например, производительность труда, трудовая дисциплина, социальное происхождение и политическая лояльность как цели государственной пропаганды, направленные на решение проблем труда (С. Коткин); механизмы властного контроля, внедренные в сознание самого человека как форма общественного «дискурса», диктующего те или иные способы самовыражения и самоидентификации (П. Холквист).

Британский исследователь О. Кучеренко уделяет основное внимание изучению положения детей, оказавшихся вовлеченными в процесс индустриального развития страны. О. Кучеренко рассматривает государственные трудовые резервы как органичную часть сталинской тоталитарной системы, нацеленной на социализацию и идеологическую обработку молодежи, которая лишена права выбора профессии ради обеспечения нужд промышленности. Идеологические цели и пропагандистский образ мобилизации в Государственные трудовые резервы противопоставляются ученым реальному положению учащихся училищ и школ ФЗО, по сути, лишенных детства. Принудительная воинская повинность, отмечает О. Кучеренко, замаскированная под патриотизм, оказалась не более чем невольным рабством. Патриотизм и самопожертвование действительно руководили большинством подростков-тружеников, которые очень усердно трудились, чтобы приблизить победу. В то время как некоторые получали символическую компенсацию в виде дополнительного питания, другие выживали на пустых пропагандистских заявлениях [119].

Шведский историк М. Краг [118], британский исследователь М. Харрисон [123] трактовали массовый призыв в школы ФЗО как одну из мер по подготовке СССР к войне. Ближе всех к пониманию роли мобилизационного призыва для обеспечения модернизационного развития подошел, как представляется, французский историк Л. Кумель при изучении хрущевского периода истории трудовых резервов, оценивавший смягчение мобилизационных практик, скорее, позитивно. Таким образом, анализ современных работ позволяет сделать вывод о том, что проблема объективной оценки социальной структуры советского профессионально-технического образования, сочетавшей специфические типы иерархии и мобильности, остается недостаточно исследованной отечественными и зарубежными авторами.

Глава 1. ПРОЕКТНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОВЕТСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ ОБЛИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭЛИТ: СТОЛКНОВЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ И ПРАГМАТИЗМА

1.1. Формирование подходов к развитию модели профессионально-технического образования на различных этапах реализации советского проекта

1.1.1. Становление советского профессионально-технического образования: борьба идей и интересов. 1920-е гг.

В начальные годы становления советской системы в целом и советского профессионально-технического образования в частности отсутствовало четкое представление о долгосрочных направлениях развития общества, экономики, образования. Развитие системы подготовки рабочих кадров сопровождалось идейными дискуссиями, отражавшими попытки соединения новой идеологии, традиционного общества с низким уровнем грамотности и текущих задач укрепления советской страны, т. е. интеграции идеологии и прагматики. Член коллегии Главного комитета профессионально-технического образования Б. Г. Козелев, представляя конкретную программу в области подготовки рабочих кадров из молодежи, видел в ней главным создание краткосрочных вечерних и дневных курсов. Такое решение вопроса, по сути, сводило на нет общее образование рабочих и было подвергнуто убедительной критике. Против узкой специализации выступила Н. К. Крупская, считавшая необходимым сочетание «общего теоретического и практического политехнического образования» [41, с. 45].

Представляется, что первым потенциал интеграции идеологии и прагматических задач осмыслил В. И. Ленин. Общие рамки для определения первой советской модели соединения идеологии и прагматизма в области подготовки молодых рабочих обозначены его речью «Задачи союзов молодежи», произнесенной на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 г.: «Мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе. Вы

знаете, что этой основой является электричество, что только когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение. Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия, и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве. Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут одной простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его и к промышленности, и к земледелию, и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому все подрастающее трудящееся поколение. Вот задача, которая стоит перед всяким сознательным коммунистом, перед всяким молодым человеком, который считает себя коммунистом и ясно отдает себе отчет, что он, вступив в Коммунистический союз молодежи, взял на себя задачу помочь партии строить коммунизм и помочь всему молодому поколению создать коммунистическое общество. Он должен понять, что только на основе современного образования он может это создать, и, если он не будет обладать этим образованием, коммунизм останется только пожеланием» [44, с. 307].

На состоявшемся в апреле 1923 г. XII съезде РКП(б) была отмечена необходимость воспитания нового коммунистического поколения квалифицированных и классово сознательных рабочих. Идеологическая доминанта относилась не только к подготовке молодых рабочих, она распространялась на все уровни образования, включая и усилия по ликвидации неграмотности. 14 августа 1923 г. ВЦИК и СНК был выпущен декрет № 706, в котором уже в законодательном порядке утверждался план ликвидации неграмотности к десятой годовщине октябрьской революции [92, с. 285–287]. Для привлечения общественности к борьбе с неграмотностью осенью 1923 г. было создано массовое добровольное общество «Долой неграмотность», которое возглавлял Председатель ВЦИК М. И. Калинин. В своей деятельности общество руководствовалось идеологическими партийными принципами.

Наполнение рамок интеграции идеологии и прагматизма в области профессионального образования молодых рабочих конкретным со-

держанием сопровождалось достаточно широкими дискуссиями и образовательными экспериментами. Дискуссии затрагивали вопросы о форме подготовки (в форме единой трудовой школы I и II ступеней или в профессионально-технических учебных заведениях для подростков), о подчиненности профессиональной школы (местному самоуправлению, отраслевым ведомствам или Наркомату Просвещения), о содержании подготовки (политехнизм или монотехнизм). А. В. Луначарский, М. Н. Покровский, А. П. Пинкевич, А. Г. Калашников, С. Т. Шацкий, М. М. Пистрак обосновывали соответствие марксизму политехнического характера новой системы образования.

Определенное влияние на выработку идейной основы советской системы подготовки рабочих кадров оказывало и осмысление зарубежного опыта. Однако в 1920-х – начале 1930-х гг. в условиях зарождения советской системы подготовки рабочих кадров и ее неоднократного реформирования данный опыт изучался локально для решения определенных задач. Общие указания лидеров большевиков (В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, А. В. Луначарского) «учиться у Запада» находили выражение в конкретных проектах (концессионные договоры, договоры о технической помощи) и интересе виднейших теоретиков профтехобразования (например, А. К. Гастева) к западному опыту (фордовская школа в Ривер-Руж).

Дискуссии начального этапа становления профессионально-технического образования хорошо изучены в научной литературе. Для целей нашего исследования важно подчеркнуть, что в них был крайне слабо выражен элемент прагматизма, в результате чего принимались ошибочные решения. Например, 30 октября 1918 г. Наркомпрос издал распоряжение о преобразовании технических учебных заведений в общеобразовательные школы, что означало фактическую ликвидацию профессионально-технического образования. Утопический, нередко оторванный от реальных потребностей общества характер многих идейных платформ был неизбежным следствием разрухи в хозяйстве страны и отсутствия четкой властной стратегии ее дальнейшего развития.

С переходом к НЭПу изменялись не только принципы функционирования хозяйственного комплекса, но и положение рабочих: сформировался рынок труда со свободным наймом рабочей силы и даже безработицей. Хозяйственное оживление в условиях резкого снижения квалификационного уровня рабочих в период Гражданской войны

актуализировали более прагматические подходы к подготовке молодых пополнений рабочего класса, что выражалось в стремлении снизить расходы, а также максимально акцентировать ее направление на нужды конкретного предприятия в условиях нэповской конкуренции и текучести рабочей силы. Не только Госпрофобр, но и региональные партийные, хозяйственные, профсоюзные, образовательные структуры активно включились в разработку данного подхода.

Основной формой подготовки молодых рабочих кадров становится школа ФЗУ, внутренняя структурно-функциональная конфигурация которой и служила выражением специфической интеграции идеологических и прагматических устремлений вовлеченных в управление ею органов и организаций. Госпрофобр, отвечавший за обеспечение школ ФЗУ педагогическими кадрами, учебными планами, программами, учебниками и методическими указаниями, обеспечивал реализацию учебных задач. Промышленное предприятие отвечало за все материально-техническое обеспечение, включая стипендии учащихся и спецодежду. Вся воспитательная и идеологическая работа в школах ФЗУ должна была проводиться комсомолом.

В первой половине 1920-х гг. в управлении промышленностью существовал некий параллелизм: СТО осуществлял общее руководство экономической политикой, а Госплан вырабатывал общехозяйственный план и увязывал интересы промышленности с другими отраслями, ВСНХ на правах комиссариата проводил в жизнь утвержденные СТО планы и общехозяйственные директивы в области промышленности. Вкупе с определенной автономностью хозяйственной деятельности предприятий, принимавшей различные формы (от бартерных торговых сделок до выпуска собственных заводских временных денежных знаков), это приводило к тому, что развитие школ ФЗУ было отдано на откуп директорам предприятий, которые нередко предпочитали найм рабочей силы с рынка труда и мало интересовались своими школами. При этом руководство школами со стороны облпрофобров было формальным, а комсомольские организации часто были немногочисленны и не играли заметной роли. В этих условиях реальными соакторами выработки модели соединения идеологии и прагматизма становятся органы школьного самоуправления – от ученических комитетов до различных кружков (литературные, художественные, по изучению научной организации труда и т. д.). Активность этих организаций была живой,

связанной с действительными потребностями учащихся. Заслушивались отчетные доклады по работе учителей, звучала, невзирая на лица, критика недостатков, выдвигались собственные инициативы [72, т. 3, с. 888]. В качестве примера можно привести движение «Синяя блуза», популярное в уральских школах ФЗУ. Участники движения ставили небольшие эстрадные номера по свежим материалам прессы, рассказывали о ходе строительства новых электростанций и достижениях заводов, проводили критику недостатков в разных сферах жизни, тем самым демонстрируя неформальный, отвечающий интересам самих учащихся характер кружковой деятельности этого периода.

На этих же демократических основаниях строилась и деятельность городских методических объединений преподавателей школ ФЗУ: выборность и регулярная сменяемость председателей и секретарей, свободный обмен опытом по вопросам методики преподавания, применения дальтон-плана и свободного расписания в школах, организации выставок, форм учета знаний, обмена взаимными посещениями занятий и т. д. Сформированная в ходе низовых идейных дискуссий модель интеграции идеологии и прагматики может быть определена как «самодеятельно-внутриучилищная». Таким образом, при оценке идейных дискуссий о развитии форм подготовки молодых рабочих в 1920-е гг. необходимо учитывать не только позиции крупных деятелей большевизма и народного просвещения, но и по-настоящему живые обсуждения, основанные на опыте применения тех или иных идей, происходившие в органах школьного ученического самоуправления и городских методических объединениях.

1.1.2. Усиление практической направленности в условиях индустриального рывка. 1930-е гг.

Реформа управления промышленностью, осуществленная в сентябре 1929 г., окончательно восстановила отраслевой принцип управления, сделала предприятие основным производственным звеном и заменила прибыль показателем разницы между плановой и фактической себестоимостью. При этом предприятия фактически лишились хозяйственной самостоятельности, снижалась их заинтересованность в повышении собственной эффективности, в том числе и в вопросе подготовки рабочих кадров. В 1932 г. подготовка рабочих была передана в ведение наркоматов, для чего в их структуре создавались ГУУЗы (глав-

ные управления учебными заведениями). Вовлекая в промышленность и строительство в условиях начавшейся форсированной индустриализации огромные массы новых рабочих, наркоматы были заинтересованы в краткосрочных формах их подготовки. Заметное в 1920-е гг. участие школьного самоуправления, региональных методических объединений в осмыслении опыта развития профтехшколы было практически сведено на нет. Характерным примером этого процесса можно назвать движение женщин-общественниц, зародившееся на предприятиях НКТП в 1930-х гг. Активно поддержанное наркомом С. Орджоникидзе движение закономерно прошло путь от общественной инициативы до декоративного элемента в системе наркомата, демонстрирующего успехи решения «женского вопроса».

Идейные дискуссии о путях развития профессионально-технической подготовки рабочих стали все чаще приобретать форму выяснения степени влияния и ответственности за недостатки в обеспечении промышленности рабочими кадрами между вовлеченными ведомствами и организациями (ВСНХ, Наркомпрос, Наркомтруд, ВЛКСМ, ВЦСПС). Постановление «О ФЗУ» (прил. 2, п. 4, утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 5 июня 1931 г.) [63] персонально называет лиц, на тот момент наделенных правом принимать важнейшие в области развития подготовки молодых рабочих решения: «Весь план капитального строительства без оборудования произвести в пределах лимита, установленного Президиумом ВСНХ – 68 миллионов рублей. Обязать ВСНХ СССР обеспечить все вновь строящиеся школы ФЗУ необходимым оборудованием сверх указанного ассигнования 68 млн руб. Поручить т.т. Москвину (начальник сектора кадров ВСНХ СССР. – *Л. 3.*), Швернику (ВЦСПС. – *Л. 3.*), Кравалю (в 1928–1930 – член Президиума ВСНХ, в 1930–1932 – заместитель наркома труда СССР. – *Л. 3.*) и Косареву (ВЛКСМ. – *Л. 3.*) установить титульный список ФЗУ на 1931 год, а Президиуму ВСНХ Союза окончательно утвердить его» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 828. Л. 23–25).

Отметим, что с продвижением строительства новых промышленных гигантов, оснащенных передовой техникой, проблемы ее освоения и нехватки квалифицированных рабочих становились все более острыми.

28 января 1934 г. на вечернем заседании XVII Съезда ВКП(б), который проходил в Москве с 26 января по 10 февраля 1934 г., предо-

ставили слово секретарю ЦК ВЛКСМ А. В. Косареву, заявившему: «Комсомол в процессе борьбы за выполнение лозунга товарища Сталина о том, что большевики должны овладеть техникой, выдвинул новую форму социалистического соревнования, поднявшую это соревнование на более высокую качественную ступень. Я говорю о так называемом общественно-техническом экзамене... Несмотря на все это, данное важнейшее мероприятие не подхвачено рядом профессиональных организаций и особенно самим ВЦСПС... Они рассуждают так: подумаешь, какой-то комсомол критикнул, на это можно не отвечать. В наше время, товарищи, так не выйдет. Не только какой-то комсомол имеет право вас критиковать, но если отдельный молодой или взрослый рабочий критикует, вы обязаны прислушиваться и делать из этой критики выводы для своей работы» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 207. Л. 1–134).

После аплодисментов А. В. Косарев произнес слова, которые одновременно были косвенным продолжением критики ВЦСПС и отражали претензии амбициозного руководства ВЛКСМ на более заметную роль в процессах подготовки рабочей смены: «Придется пожелать это и работникам ВЦСПС в их дальнейшей деятельности. Общественно-технический экзамен – это, товарищи, только одно из первоначальных мероприятий по овладению техникой... В связи с задачей, поставленной в докладе товарища Сталина, а также в тезисах товарищей Молотова и Куйбышева о завершении технической реконструкции всего народного хозяйства в конце второй пятилетки, нам надлежит от поверхностного знания технологических процессов перейти к разрешению всей суммы вопросов, связанных с воспитанием технически грамотного, технически передового рабочего» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 207. Л. 1–134).

Осознавая всю серьезность избранной А. В. Косаревым для критики в адрес ВЦСПС проблемы, руководитель советских профсоюзов Н. М. Шверник на утреннем заседании 31 января ответил на нее, попытавшись уклониться от острого конфликта с ВЛКСМ: «Партия при активном участии профсоюзов создала и создает на фабриках и заводах, на наших социалистических предприятиях решительно все условия для того, чтобы рабочий мог в кратчайший срок поднять свою квалификацию и материальный уровень. ...Неправ был товарищ Косарев, когда он с трибуны XVII съезда партии обвиняет ВЦСПС и профсо-

юзы в том, что они плетутся в хвосте, не возглавляют движения масс и в лучшем случае не мешают комсомолу. Цифры, которые я здесь привел, показывают, какую роль играли ВЦСПС, центральные и областные комитеты союзов и фабзавкомы» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 207. Л. 1–134).

Бюрократизация поля дискуссий о развитии профтехшколы оставляла за рамками реальные проблемы подготовки молодых рабочих, в том числе и идейно-политической. Проводимая политика наркоматов привела к сокращению сети учебных заведений, в условиях, когда основная ставка делалась на подготовку рабочих непосредственно на производстве, при сокращении сроков обучения в оставшихся школах ФЗУ с двух лет до шести месяцев и исключении из программы обучения обществоведческих (идеологически важных) дисциплин. Фактически именно наркоматы в 1930-е гг. определяли параметры складывавшихся в их подведомственных учебных заведениях моделей интеграции советских идеологических установок и прагматики, понимаемой теперь узковедомственно.

Новые общегосударственные акценты в противовес узковедомственным в области подготовки кадров расставил И. В. Сталин в речи перед выпускниками военных академий 4 мая 1935 г.: «Теперь все признают, что мы имеем уже мощную и первоклассную промышленность, мощное и механизированное сельское хозяйство, развертывающийся и идущий в гору транспорт, организованную и прекрасно оснащенную Красную Армию. Это значит, что мы изжили уже в основном период голода в области техники. Но изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период, в период, я бы сказал, голода в области людей, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть ее вперед... Раньше мы говорили, что “техника решает все”. Этот лозунг помог нам в том отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой. Это очень хорошо. Но этого далеко и далеко недостаточно. ...Так вот, товарищи, если мы хотим изжить с успехом голод в области людей и добиться того, чтобы наша страна имела достаточное количество кадров, способных двигать вперед технику и пустить ее в действие, мы должны прежде всего научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного

принести пользу нашему общему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихсЯ в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры.

Надо понять, что при наших нынешних условиях “кадры решают все”.

Будут у нас хорошие и многочисленные кадры в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в армии, наша страна будет непобедима.

Не будет у нас таких кадров – будем хромать на обе ноги» [75].

И. В. Сталин оперирует терминами «общее дело», промышленность, сельское хозяйство, транспорт и т. д., ни разу не упомянув конкретные наркоматы, и прямо указывает главную задачу: иметь достаточное количество кадров.

Планомерно проводившееся в то же самое время сворачивание участия любых общественных сил, за исключением бюрократических, в обсуждении путей развития форм подготовки молодых квалифицированных рабочих кадров означало, что решать постоянно обострявшуюся проблему кадрового обеспечения растущей промышленности предстояло именно бюрократии.

1.1.3. Идеологические принципы системы Государственных трудовых резервов

Процесс формирования советской бюрократии, в том числе образовательной, был теснейшим образом связан не только с процессами внутрипартийной борьбы за власть, но и с тенденциями эволюции «линии партии» в вопросе хозяйственного строительства. Специфическая группа советской бюрократии – образовательная – сложилась далеко не сразу. Ее формированию препятствовали частые реорганизации системы подготовки молодых рабочих кадров, неоднократно приводившие к смене подчиненности учебных заведений. В январе 1920 г. в составе Наркомпроса был учрежден организационно-методический центр – Главпрофобр. Партийное совещание по народному образованию, состоявшееся в конце 1920 – начале 1921 г., пришло к выводу, что самой приемлемой и более всего отвечающей потребности молодежи формой обучения являются школы фабрично-заводского ученичества [16, с. 352–353]. За строительство таких школ высказался на своем III съезде (октябрь 1920 г.) и комсомол. Однако школы ФЗУ, яв-

ляясь ведущей формой подготовки рабочих в 1920-е гг., не обеспечивали и половины от общего количества обучающихся молодых рабочих. В условиях начавшейся в марте 1929 г. мобилизационной модернизации, все учебные заведения, готовившие специалистов для промышленности, были переданы в ведение ВСНХ. Реформа 1933 г., резкое сокращение сроков обучения, снижение качества подготовки рабочих, наметившиеся отраслевые и ведомственные диспропорции поставили под угрозу развитие индустрии и обеспечение экономического фундамента обороноспособности в условиях надвигавшейся на страну войны. Постановлением Совнаркома СССР от 2 октября 1940 г. для руководства подготовкой кадров рабочих профессий для промышленности и транспорта было образовано Главное управление трудовых резервов (ГУТР) при Совнаркоме СССР.

Представляется, что идеологические принципы в данном случае наиболее полно отражаются не столько в регламентирующих документах, сколько в самой модели процесса и результатов социального проектирования контингента учащихся, характерной для практики Государственных трудовых резервов.

Система Государственных трудовых резервов представляла собой типичный социальный проект. Согласно уровневой классификации социальных проектов его можно отнести к виду малых, ориентированных на создание новых социальных групп и отношений. Его номинальным субъектом выступало государство, реальным – образовательная бюрократия, взявшая на себя функции инициатора, разработчика и исполнителя проекта. Сформулированная в рамках проекта идея будущего представляла собой централизованную систему подготовки, учета и распределения молодых квалифицированных рабочих кадров, обладающих сознанием «рабочей гвардии смены». В соответствии с целью были сформулированы задачи, создан главный механизм конструирования – Главное управление трудовых резервов, располагавший конкретными инструментами конструирования (управлениями, отделами), осуществлявший в рамках процедур планирования и контроля достижение результата (планируемого и реального).

Формирование системы Государственных трудовых резервов не только с целью подготовки, учета и распределения рабочих кадров, но и создания одной из социальных опор модернизации – передового, сознательного, квалифицированного авангарда рабочих, требовало вне-

дрения в сознание учащихся строго заданного набора идеалов и принципов, ценностей и мотиваций. Реализация этой задачи опиралась на опыт раннесоветского социального проекта, включавшего в себя внедрение в общественное сознание новых принципов и установок социальной жизни. Одним из средств формирования гражданина нового типа уже в 1920-е гг. выступали педагогические технологии (системы С. Т. Шацкого, А. С. Толстова, А. С. Макаренко), имевшие в качестве одного из фундаментальных элементов систему тех или иных средств воспитания личности и формирования ее ценностных идеалов в коммунистическом духе. Данной задаче в процессе реализации раннесоветского социального проекта отводилась одна из центральных ролей, поэтому в складывавшейся новой системе образования ведущую роль играли именно известные идеологи коммунистического воспитания (Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский).

Новый тип личности, формируемый в рамках системы Государственных трудовых резервов, должен обладать такими качествами, как идейность (не только на уровне принципов, но и на уровне практики, что означало построение всех сторон собственной жизни в соответствии с идеалами коммунизма), коллективизм (общие задачи всегда выше личных целей, мнение коллектива важнее собственного), оптимизм (вера в «завтрашнюю радость»), социальная ответственность (готовность в любой момент помочь окружающим), трудолюбие, бескорыстие, советский патриотизм (гордость за Родину, являющуюся первым справедливым обществом в истории), вера в мудрость партийно-государственного руководства и готовность постоянно сверяться с «линией партии».

Незначительные, на первый взгляд, отличия в формулировках нормативных актов 1930-х и 1940-х гг., определявших задачи в области профессионального образования, на самом деле отражали фундаментальные расхождения системы Государственных трудовых резервов как социального проекта и профессионально-образовательной системы предшествующего периода. Утвержденный ЦИК и СНК СССР план развития народного хозяйства на период с 1933 по 1937 гг. ставил следующую задачу: «подготовить за второе пятилетие 5 млн работников массовых квалификаций, в том числе по школам ФЗУ 2,5 млн чел., более 1,5 млн чел. по стационарным школам и курсам сельского хозяйства (трактористов, бригадиров и т. п.) и по школам и курсам шо-

феров 700 тыс. человек» [12]. План четвертой пятилетки определял задачу подготовки «рабочих массовых профессий в количестве 2073 тыс. человек» [224, с. 343–344].

Здесь отразилась не просто терминологическая пестрота. Используемый в 1930-е гг. терминологический конструкт «подготовка рабочих массовых квалификаций» локализовал социальную роль этого процесса на стыке профессионального образования и экономики, в то время как «подготовка рабочих массовых профессий» подразумевала еще и формирование социальной структуры.

Организованность и управляемость системы Государственных трудовых резервов, эффективность решения ею учебных и производственных задач выявились в тяжелейших условиях Великой Отечественной войны. Переброска учебных заведений и контингентов учащихся, педагогов в восточные районы страны, их обустройство и включение в систему военного производства, дополнительные наборы учащихся, ускоренное освоение новых видов продукции при хронической нехватке практически всех видов обеспечения актуализировали важность идейно-политического воспитания, снова востребовав создание жизнеспособной модели интеграции идеологии и прагматических задач, адекватной чрезвычайным вызовам.

Опыт такого интегративного творчества уже изучался в советской историографии. Попытки опровергнуть «фальсификации буржуазных историков» производились при помощи изучения роли общественно-политических организаций (партии, комсомола, профсоюзов и т. д.) в мобилизации учащихся системы ГТР на ускоренное овладение профессией и самоотверженный труд. Признавая значительные заслуги советских историков 1960–1980-х гг. по изучению форм и методов идейно-политического воспитания учащихся, следует все же признать ошибочность выдвигаемого ими (с учетом наследия XX съезда КПСС) тезиса о том, что в основу перестройки страны на военный лад легли идеи В. И. Ленина о защите социалистического Отечества. На основе этого тезиса искажено описывалась и структура соединения идеологических постулатов с практикой системы ГТР. Вместо ленинского пролетарского интернационализма в условиях нашествия вермахта (с преобладанием немецких рабочих и крестьян) теперь провозглашался советский патриотизм; вместо цели мировой революции (вспомним, чем заканчивался декрет СНК от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое Отечество в опасности!»): «Со-

циалистическое отечество в опасности! Да здравствует социалистическое отечество! Да здравствует международная социалистическая революция!») – призыв к защите Отечества с именами Александра Невского и Дмитрия Донского; вместо революционной морали – традиционные, в том числе семейные, ценности (Родина-мать зовет; заменить у станков отцов и старших братьев!).

Централизованная система подготовки и распределения рабочих полностью оправдала себя в военных условиях, и поэтому она не только сохранилась в последующий период холодной войны, но ее статус в системе государственного управления был даже повышен – Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 г. ГУТР и Комитет по учету и распределению рабочей силы при Совете министров СССР были преобразованы в Министерство трудовых резервов СССР (МТР СССР), которое выполняло примерно те же функции – руководство подготовкой квалифицированных рабочих, распределением трудовых резервов, организованным набором рабочей силы, а также контроль за ее использованием в промышленности, на транспорте и в строительстве. Однако начавшаяся конкуренция с Западом, балансирующая на грани войны, потребовала от СССР реализации целого ряда передовых в технологическом отношении проектов – от атомного до космического. И здесь система Государственных трудовых резервов как в капле воды отразила тот вызов, на который Советский Союз так и не смог дать адекватного ответа. Мобилизационные механизмы развития эффективны, когда необходимо в сжатые сроки выполнить некий объем задач, подразумевающих использование массовой и быстро обучаемой рабочей силы. Там же, где требовалось сочетание высокой профессиональной квалификации и творческих способностей, умения быстро осваивать новые технологии, воплощать в металле самые смелые передовые разработки, выпускник Государственных трудовых резервов оказывался не слишком полезен. Таким образом, реформа профтехобразования действительно назрела.

И первые отголоски ее идеологической подготовки прозвучали в знаменитой работе И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» [88]. Сталин фактически сформулировал новый целевой ориентир в области профессиональной подготовки рабочих, для следования которому существующей системе ГТР требовались радикальные преобразования: «То же самое нужно сказать о проблеме унич-

тожения существенного различия между трудом умственным и трудом физическим. Эта проблема имеет для нас также первостепенное значение. До начала разворота массового соцсоревнования рост промышленности шел у нас со скрипом, а многие товарищи ставили даже вопрос о замедлении темпов развития промышленности. Объясняется это главным образом тем, что культурно-технический уровень рабочих был слишком низок и далеко отставал от уровня технического персонала. Дело, однако, изменилось коренным образом после того, как соцсоревнование приняло у нас массовый характер. Именно после этого промышленность пошла вперед ускоренным темпом. Почему соцсоревнование приняло массовый характер? Потому, что среди рабочих нашлись целые группы товарищей, которые не только освоили технический минимум, но пошли дальше, стали в уровень с техническим персоналом, стали поправлять техников и инженеров, ломать существующие нормы, как устаревшие, вводить новые, более современные нормы и т. п. Что было бы, если бы не отдельные группы рабочих, а большинство рабочих подняло свой культурно-технический уровень до уровня инженерно-технического персонала? Наша промышленность была бы поднята на высоту, недостижимую для промышленности других стран. Следовательно, нельзя отрицать, что уничтожение существенного различия между умственным и физическим трудом путем поднятия культурно-технического уровня рабочих до уровня технического персонала не может не иметь для нас первостепенного значения» [88].

Проблема видится в том, что назревшие преобразования начнут-ся уже после смерти И. В. Сталина, в условиях постепенного, но плохо продуманного свертывания проекта мобилизационной модернизации страны и нарастающего кризиса коммунистической идеологии. Одним из первых актов перестройки системы управления народным хозяйством стал закон от 15 марта 1953 г. «О преобразовании министерств СССР», в соответствии с которым произошло их укрупнение. В 1954–1956 гг. был осуществлен комплекс мер по расширению прав союзных республик: в республиканское ведение только за 1954–1955 гг. было передано более 11 тыс. предприятий. На основании упомянутого закона Министерство трудовых резервов СССР вошло в состав центрального аппарата Министерства культуры СССР в качестве Главного управления профессионального образования.

Дальнейшие непоследовательные реорганизации отражали отсутствие у послевоенного партийно-государственного руководства столь

же целостной и адекватной государственным и общественным потребностям программы развития страны, каким был проект мобилизационной модернизации. На основании постановления Совета министров СССР от 8 марта 1954 г. Главное управление профессионального образования выделилось в самостоятельное Главное управление трудовых резервов при Совете министров СССР. Параллельно шло усложнение системы Государственных трудовых резервов в попытке адаптировать ее к новым задачам развития страны. В 1949 г. для обеспечения угольной промышленности рабочими кадрами были созданы горнопромышленные училища, в 1953 г. для подготовки сельских механизаторов – училища механизации сельского хозяйства, в 1954 г. для подготовки высококвалифицированных рабочих и младшего технического персонала были организованы технические училища. Однако частные модификации не могли отменить того, что система ГТР все больше отставала как от запросов промышленности, так и от развития образовательного уровня молодежи, изменения ее взглядов, запросов и устремлений.

1.1.4. Идеологические новации Н. С. Хрущева и реформа 1958 г.

Центральное место в идеологии конца 1950-х – начала 1960-х гг. занял вопрос развития двух фаз коммунизма: достижения удовлетворения потребностей трудящихся и воспитания коммунистического отношения к труду. Они вполне определенно выражены в отчетном докладе И. В. Сталина XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б): «Социализм может быть построен лишь на базе бурного роста производительных сил общества, на базе обилия продуктов и товаров, на базе зажиточной жизни трудящихся, на базе бурного роста культурности. Ибо социализм, марксистский социализм, означает не сокращение личных потребностей, а всемерное их расширение и расцвет, не ограничение или отказ от удовлетворения этих потребностей, а всестороннее и полное удовлетворение всех потребностей культурно-развитых трудящихся людей» [87, т. 13, с. 360], в речи В. М. Молотова на XVIII съезде ВКП(б): «Теперь главное у нас состоит в коммунистически-сознательном отношении к своему труду» [124, с. 315].

При этом, опираясь на собственный тезис о постоянном усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, И. В. Сталин обосновывал не отмирание государства в обозримой перспективе, а, наоборот, возрастание его роли во всех областях общественной жизни.

Новации Н. С. Хрущева в области идеологии могут быть сведены к «разрушительным» (разоблачение культа личности И. В. Сталина) и «созидательным» (выдвижение задач развернутого коммунистического строительства, формирование общенародного государства как основного пути движения к будущему обществу), апробированным в ряде выступлений второй половины 1950-х гг. Окончательные формулировки были представлены в новой программе партии, принятой на XXII съезде КПСС (октябрь 1961 г.): «Развернувшийся процесс стирания граней между классами ведет ко все большей социальной однородности общества... Общенародное государство – это новый этап в развитии социалистического государства, важнейшая веха на пути перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление» [102, с. 80]. До введения коммунистического принципа распределения «каждому по потребностям» было еще далеко, так как ни материальные, ни духовные условия для этого не были достигнуты. Речь пока шла преимущественно о развитии государства на основе неуклонного расширения его общественной базы, включения в управление государственными делами все большей части, а затем и всего общества.

Стремление развенчавших «культ личности» И. В. Сталина партийных вождей «вернуться к Ленину» означало немедленный отказ от многих элементов сталинского стиля воплощения идеологии и в деятельности Государственных трудовых резервов. С 1955 г. начинается снижение уровня мобилизационных усилий в экономической области: отменен закон 1940 г. о прикреплении рабочих к производству и о суровых наказаниях за прогулы и опоздания, дано право трудящимся самостоятельно (при определенных формальностях) менять место работы, объявлено о прекращении выпуска государственных займов, которые ранее фактически являлись обязательными для всех работающих и зависели от размера месячного оклада.

Закон 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» означал не просто преобразование системы Государственных трудовых резервов в систему профессионально-технического образования, он явился реализацией принципов нового варианта советской модернизации, сводившего к минимуму жесткие мобилизационные механизмы и тяготевшему к поискам более эффективных управленческих моделей и способов материальной мотивации к труду [21]. В условиях проводившейся с 1957 г. ре-

формы управления промышленностью в первую очередь изменились принципы подчиненности учебных заведений. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1959 г. Главное управление было преобразовано в Государственный комитет по профессионально-техническому образованию при Совете министров СССР. Непосредственное управление учебными заведениями было передано союзным республикам. Государственный комитет по профессионально-техническому образованию СССР был обязан осуществлять методическую помощь республикам в организации учебного процесса, планировании, подготовке и распределении специалистов, а также контроль за использованием специалистов. В 1963–1965 гг. Госкомитет по профессионально-техническому образованию находился в системе Госплана СССР.

Завершение «хрущевского десятилетия» означало не отказ от новой «маломобилизационной» модели модернизации, а лишь устранение не оправдавшихся аспектов ее реализации и возвращение к централизованному управлению экономикой и образованием. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 октября 1965 г. Госпрофобр был снова возвращен в систему Совета министров СССР. При этом Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 9 сентября 1966 г. «О повышении роли Государственного комитета Совета министров СССР по профессионально-техническому образованию» были приняты половинчатые меры по возвращению к единой государственной политике в области профессионально-технического образования, так как республиканские госкомитеты по профтехобразованию имели двойную иерархическую зависимость, подчиняясь в своей деятельности как республиканским советам министров, так и Госкомитету СССР по профессионально-техническому образованию. Но созданный при Н. С. Хрущеве тип учебного заведения профтехобразования – профессионально-техническое училище – при всех его последующих усовершенствованиях остался базовой образовательной единицей вплоть до крушения СССР.

1.1.5. Идеологические симулякры в 1960–1980-е гг.: консервативные попытки развития вширь

Роль идеологии как одного из источников развития советского общества во многом определялась тем обстоятельством, что со времен В. И. Ленина вождь партии, рано или поздно становившийся и главой правительства, должен был претендовать на статус ее главного теоретика. Однако на октябрьском пленуме 1964 г., отстранившем от вла-

сти Н. С. Хрущева, было принято решение, оказавшее весьма значительное влияние на роль идеологии – совмещение двух высших должностей (Первого секретаря ЦК и Председателя Совета министров СССР) было признано нецелесообразным.

В связи с этим, на наш взгляд, в период руководства Л. И. Брежнева не случайно проявилось новое качество идеологии как важнейшего ресурса решения практических задач развития страны. Нараставшая дезинтеграция идеологии и прагматизма приводила к следующему парадоксу: рост экономики (при определенном снижении его темпа), реформа Косыгина – Либермана, активное строительство передовых предприятий (КАМАЗ, ВАЗ и др.) и транспортной инфраструктуры (БАМ), освоение территориально-промышленных комплексов в восточных районах страны получили в публицистике и научной литературе определение «эпохи застоя». Объяснение этого парадокса лежит именно в плоскости анализа качества соединения в этот период идеологических установок с практическими задачами развития.

В отечественной историографии представлены различные оценки идеологических нововведений этого периода. Согласимся с мнением Ф. Л. Сеницына о том, что «в середине 1960-х гг. насущной задачей для властей СССР стал поиск нового варианта идеологии, который обобщил бы итоги развития страны, подвел теоретическое обоснование под ее текущее состояние и одновременно дал ответ на ставшие актуальными к 1960-м гг. внутри- и внешнеполитические вызовы» [82, с. 31–32]. Представляется, что фундаментальное значение имеет вопрос о качестве такого ответа.

В течение всего брежневского периода главным идеологом партии являлся М. А. Суслов, сформировавшийся как партийный руководитель еще в позднесталинский период. Уже в 1947 г. Суслов сменил Г. Ф. Александрова на посту заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК. Он участвовал в кампании против «безродных космополитов», возглавлял комиссию, которая расследовала деятельность заведующего Отделом науки Юрия Жданова (сына А. А. Жданова), выступившего в 1948 г. против Т. Д. Лысенко. На протяжении почти двух десятилетий брежневской эпохи именно М. А. Суслов стоял во главе огромной пирамиды идеологических учреждений, охватывавших все области управления – партийно-пропагандистский аппарат, культуру, науку, армию, телевидение и кино, печать и, конечно, образование. При этом

М. А. Суслов, считавшийся крупным теоретиком партии, за всю 35-летнюю деятельность на ответственных постах в ЦК партии не написал ни одной книги, все его сочинения уместились в трех томах текущих выступлений по тем или иным поводам, лишенных и намека на попытки творческого, развивающего подхода к изложению идеологических догм.

Поскольку ни Л. И. Брежнев, ни М. А. Суслов в качестве творцов новой идеологии себя не проявляли, разработка основ идеологии фактически легла на плечи ученых из Академии общественных наук и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В силу этого, вместо волевого идейного и нравственного импульса, направленного на преобразование общества в новое качество, выработанная ими концепция «развитого социализма» представляла собой идеологический симулякр. Его нежизнеспособность определялась рядом принципиальных недостатков, которые не позволили им быть правильно понятым массами, овладеть их сознанием, тем более, вдохновить на свершения. Само понятие «развитого социализма» как идеологическая новация не было четко определено, его временные горизонты также остались размытыми, отодвигая перспективу светлого коммунистического завтра в неопределенно далекое будущее. Достаточно адекватно отображая ряд важнейших социальных и экономических процессов, идущих в обществе (окончательный отказ от «диктатуры пролетариата», учет важности НТР), данная концепция исходила из свершившегося, не намечая принципиально новых социальных, экономических или культурных целей и ориентировочных сроков их достижения.

Следствием этого на практике стала консервация некогда эффективных, но требовавших поиска совсем иных форм воплощения механизмов соединения идеологии и прагматизма, в том числе и в области развития профессионально-технического образования, закрепленная программными выступлениями Л. И. Брежнева и последующими постановлениями ЦК КПСС и Совмина СССР. Например, в речи Л. И. Брежнева на XVII съезде ВЛКСМ 23 апреля 1974 г. была предпринята попытка возродить роль комсомола как «шефа» профтехобразования, опираясь на действительно во многом удачный опыт 1920-х гг.:

«Глубокие изменения происходят сегодня в рабочем классе нашей страны. Еще 10–15 лет назад такие специалисты, как операторы лазерной технологической установки, были героями разве что только научно-фантастических романов. Но то, что вчера было фантастикой,

становится теперь реальностью. В жизнь пришло самое образованное за всю историю поколение рабочего класса. Примерно 85 процентов рабочей молодежи в возрасте до 30 лет имеют высшее, незаконченное высшее, среднее и неполное среднее образование. Это большое достижение.

Растет производитель нового типа, в нем все гармоничнее сочетается физический и умственный труд. Это человек с широким профессиональным кругозором и мастерством, с глубоким знанием политехнических основ современного производства, способный быстро осваивать новейшие машины и технологические процессы.

Все это, в свою очередь, по-новому ставит вопрос о подготовке рабочей смены. Необходимо, прежде всего, чтобы основная ее масса проходила подготовку в профессионально-технических учебных заведениях, с тем чтобы еще до поступления на работу молодые люди получали специальность. Поэтому непрерывно увеличивается количество этих учебных заведений. Мы сочли также необходимым значительно расширить сеть и таких профессионально-технических училищ, выпускники которых наряду с профессией получают общее среднее образование. К концу уже этой пятилетки число таких училищ в нашей стране удвоится.

Забота о формировании достойной смены рабочего класса, о воспитании кадров молодых специалистов всегда была кровным делом комсомола. Комсомол был шефом первых фабзаучей, где юноши и девушки 20-х гг. постигали азы образования и профессий. Комсомольцы ремесленных училищ в сорок первом заняли рабочие места отцов и трудились наравне со старшими.

Много замечательных имен встает в памяти, когда думаешь о славном пути советских трудовых резервов. Сегодня хочется назвать Сергея Павловича Королева и Юрия Алексеевича Гагарина (*аплодисменты*). Учитель и ученик. Главный конструктор космического корабля и первый космонавт планеты. Выпускник строительной школы 20-х годов и «ремесленник» трудной послевоенной поры (*аплодисменты*). Страна, где люди, начавшие свою трудовую жизнь с подручного кровельщика и ученика литейщика, овладевают высотами знаний, прокладывают человечеству путь к звездам, — замечательная страна! В судьбах Королева и Гагарина — ярчайший пример того, какие широкие просторы и возможности открывает социализм перед человеком труда, перед нашей молодежью (*продолжительные аплодисменты*).

Настанет время, и многие нынешние питомцы профессионально-технических училищ станут передовыми рабочими, новаторами производства, героями труда, руководителями предприятий, целых отраслей народного хозяйства. Помочь им подготовиться к большой жизни в первую очередь должен комсомол.

Я думаю, что по старой замечательной традиции комсомолу следует взять шефство над профессионально-техническими училищами. Окружите трудовую смену постоянным вниманием, ведите ее рабочими путями в жизнь! Страна будет благодарна вам за это! (*аплодисменты*)» [7, с. 528–544].

Такая попытка соединения идеологии и прагматизма совершенно не учитывала ни то, насколько к середине 1970-х гг. «идеологически остыли» комсомольские вожаки и массы комсомольцев, ни то, как сильно изменилась к этому времени советская молодежь. Советская общественная наука не смогла вскрыть губительные для существующего строя общественные процессы. Чаще всего научному анализу подвергались количественные показатели, характеризующие уровень «общественно-политической активности масс», позволявшие сделать успокоительные, но в действительности ложные выводы.

Видные уральские исследователи Л. Н. Коган и Б. С. Павлов, сравнивая характеристики рабочей молодежи Урала 1930-х и 1970-х гг., отмечали, что число молодых рабочих, имеющих постоянные комсомольские поручения, возросло к середине 1970-х гг. по сравнению с началом 1930-х гг. вдвое, постоянных читателей газет – втрое, подписчиков на несколько периодических изданий – впятеро и т. д. [37, с. 150].

В данном случае важно учитывать, что все эти количественные характеристики крайне формальны и не демонстрируют никакой активности «снизу», являясь лишь отражением пассивного принятия молодежью навязываемых «сверху» добровольно-принудительных практик. В действительности принципиальное значение имеют инициативы самой молодежи, направленные на решение актуальных для нее и общества в целом проблем, требующие готовности жертвовать своим временем, трудом, беззаботной жизнью. Таких инициатив молодежи было несравненно больше в 1930–1940-е гг., в 1970-е их отсутствие маскировали инициативы и призывы ВЛКСМ, т. е. инициативы «сверху». Синергетический эффект от опоры на омертвевшую идеологию, транслируемую пораженной формализмом обюрокраченной комсомольской структурой в идейно уже практически инертные массы, в данном случае был априори недостижим.

Губительные для страны тенденции омертвления идеологии как источника развития сохранились и в начале 1980-х гг. Ритуальные заверения об обратном легко опровергаются фактами. Согласно К. У. Черненко, «развивая стратегическую линию XXIV и XXV съездов КПСС, XXVI съезд дал четкие, глубоко продуманные ответы на коренные вопросы, которые встали перед нашим обществом, нашим народом на рубеже 80-х годов. Он как бы высветил наш путь в грядущие годы, творчески развил марксистско-ленинское учение применительно к текущим и перспективным задачам коммунистического созидания, выдвинул ясную, мобилизующую программу борьбы за мир и социальный прогресс» [104]. Возникает впечатление, что съезд сформулировал какие-то новые концептуальные построения, направленные на осмысление происходящих в обществе, экономике, культуре изменений, утвердил какие-то новые механизмы, адаптированные для решения в новых условиях практических задач развития. Однако в действительности решения съезда практически дословно повторяли риторику хрущевской эпохи: «Главная задача одиннадцатой пятилетки, как отмечалось на съезде, состоит в обеспечении дальнейшего подъема благосостояния советских людей на основе устойчивого, поступательного роста народного хозяйства, ускорения научно-технического прогресса и перевода экономики на интенсивный путь развития, более рационального использования производственного потенциала страны, всемерной экономии всех видов ресурсов и улучшения качества работы. Выполнить эту задачу – значит сделать серьезный шаг на пути к коммунизму» [104].

1.2. Акторы и принципы интеграции идеологии и практических задач в области подготовки рабочих кадров. Динамика социального облика профессионально-образовательных элит: от теоретиков к образовательной бюрократии

1.2.1. Специфика условий модернизационного развития как поле возникновения образовательной бюрократии

Формирование образовательной бюрократии являлось органичной частью сталинской кадровой революции, и в этом смысле образовательная бюрократия внешне неизменно воспроизводила образцы поведения, предписываемые и одобряемые И. В. Сталиным. В связи

с этим важно кратко остановиться на сталинском изводе соединения идеологии и прагматизма, транслировавшемся, в конечном итоге, и на сферу подготовки молодых рабочих кадров.

И. В. Сталин сформировался как видная фигура большевистского руководства и «кризисный управленец» в период Гражданской войны, где сыграл видную роль в изыскании хлебных резервов для снабжения армии и мирного населения. И впоследствии понимание важности наличия тех или иных резервов для политического или управленческого маневрирования становится одним из столпов его политического мышления.

Этому способствовали и присущие самому Иосифу Виссарионовичу личностные особенности. Приемный сын Сталина Артем Сергеев вспоминал: «У Сталина все жесты были очень размеренны. Он ходил размеренной походкой, как бы пружиня. Когда он говорил о важных вещах, чуть повышал голос, но всегда казалось, что при необходимости он еще может его повысить. Он никогда резко не жестикулировал. И казалось: если потребуются, он может еще шире развести руки, сделать жест более резким. Он ходил не быстро. И казалось, если потребуются – он может пойти быстрее. В выражениях он никогда не употреблял превосходных степеней: чудесно, шикарно... Он говорил “хорошо”. Выше “хорошо” он не говорил, не оценивал. Мог сказать “годится”. “Хорошо” – это было высшей похвалой из его уст. Но становилось ясно, что он имеет в виду более высокую оценку, нежели “хорошо”. То есть казалось, что он всегда и во всем имел резерв» [79].

С переходом внутривластной борьбы в острую фазу, отражавшую борьбу различных проектов дальнейшего строительства социализма в СССР, предполагавших разные варианты интеграции идеологических принципов и прагматических вариантов решения конкретных задач развития, эта особенность характера и стиля Иосифа Сталина все более выпукло проявлялась в выдвигаемых им текущих установках и программах практических мероприятий.

Рубиконом, выступившим границей начала реализации сталинского варианта модернизации страны, явился хлебозаготовительный кризис 1928 г. И здесь принцип «всеобщего резервирования» для обеспечения возможности политического, экономического и социального маневрирования получил уже весьма значительное выражение. В речи (по сути, программной) на Пленуме ЦК ВКП(б) от 9 июля 1928 г. «Об

индустриализации и хлебной проблеме», Сталин постоянно возвращается к этой мысли, во многом именно вокруг нее строит свою аргументацию [87, т. 11].

Дискутируя с оппонентами (Осинский, Сокольников) «о главных источниках развития нашей индустрии, о путях обеспечения нынешнего темпа индустриализации», называя это «вопросом первостепенной важности», Сталин прежде всего четко артикулирует особенности модернизационного пути, на который вступал СССР:

«Я думаю, что главных источников, питающих нашу индустрию, имеется у нас два: во-первых, рабочий класс и, во-вторых, – крестьянство. В капиталистических странах индустриализация обычно происходила, главным образом, за счет ограбления чужих стран, за счет ограбления колоний или побежденных стран, или же за счет серьезных более или менее кабальных займов извне. Вы знаете, что Англия сотни лет собирала капиталы со всех колоний, со всех частей света и вносила, таким образом, добавочные вложения в свою промышленность. Этим, между прочим, и объясняется, что Англия превратилась одно время в “фабрику мира”. Вы знаете также, что Германия развила свою индустрию, между прочим, за счет пятимиллиардной контрибуции, взятой у Франции после франко-прусской войны.

Наша страна тем, между прочим, и отличается от капиталистических стран, что она не может, не должна заниматься грабежом колоний и вообще ограблением чужих стран. Стало быть, этот путь для нас закрыт. Но наша страна не имеет также и не хочет иметь кабальных займов извне. Следовательно, закрыт для нас и этот путь. Что же остается в таком случае? Остается одно: развивать промышленность, индустриализировать страну за счет **внутреннего** накопления...» [87, т. 11].

И далее обосновывает необходимость создания резервов, необходимых для решения ключевых проблем: внутривнутриполитических и экономических задач, обеспечения безопасности страны. Обосновывает необходимость чрезвычайных мер отсутствием резервов хлеба:

«Было ли ошибкой применение чрезвычайных мер в условиях хлебозаготовительного кризиса? Теперь все признают, что не было ошибкой, что, наоборот, чрезвычайные меры спасли страну от общенационального хозяйственного кризиса. Что заставило нас применить эти меры? Дефицит в 128 млн пудов хлеба к январю этого года, который мы должны были восполнить до распутицы и создать вместе с тем нормаль-

ный темп хлебозаготовок. Могли ли мы не идти на чрезвычайные меры при отсутствии хлебных резервов этак миллионов в 100 пудов, необходимых для того, чтобы выждать и интервенировать рынок, в смысле снижения цен на хлеб, или при отсутствии достаточных валютных резервов, необходимых для того, чтобы ввезти из-за границы большие партии хлеба? Ясно, что не могли. А что было бы, если бы мы не восполнили этот дефицит? У нас был бы теперь серьезнейший кризис всего народного хозяйства, голод в городах, голод в армии.

Если бы у нас был резерв хлеба миллионов в 100 пудов для того, чтобы переждать и взять потом измором кулака, интервенируя рынок в целях снижения цен на хлеб, мы, конечно, не пошли бы на чрезвычайные меры. Но вы знаете хорошо, что у нас такого резерва не было» [87, т. 11].

Не было и валютных резервов:

«Если бы у нас был тогда валютный резерв миллионов в 100–150 рублей для того, чтобы ввезти хлеб из-за границы, мы, пожалуй, не пошли бы на чрезвычайные меры. Но вы знаете хорошо, что у нас не было этого резерва» [87, т. 11].

И затем формулирует два важнейших положения. Первое касается применения чрезвычайных мер: «Значит ли это, что мы должны и впредь остаться без резерва и прибегнуть вновь к помощи чрезвычайных мер? Нет, не значит. Наоборот, мы должны принять все зависящие от нас меры для того, чтобы накопить резервы и исключить необходимость применения каких бы то ни было чрезвычайных мер» [87, т. 11].

Второе положение – по источникам развития промышленности: «нам абсолютно необходим резерв для экспорта хлеба. Нам нужно ввозить оборудование для индустрии. Нам нужно ввозить сельскохозяйственные машины, тракторы, запасные части к ним. Но сделать это нет возможности без вывоза хлеба, без того, чтобы накопить известные валютные резервы за счет экспорта хлеба» [87, т. 11].

Все эти рассуждения логически дополняли часть знаменитой сталинской фразы из речи на Первом Всесоюзном совещании стахановцев (1935 г.): «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живет, работа спорится...». Работа должна спориться – это важнейший сталинский приоритет, это то, ради чего сталинский извод модернизации допускал тактические отступления от отдельных

идеологических установок, тот критерий, по которому оценивалась деятельность хозяйственных управленцев и партийных руководителей.

Эти сталинские установки, не раз получившие дальнейшее развитие, были прекрасно усвоены складывавшимся слоем – номенклатурой сталинской формации. Задачи нашего исследования требуют обращения пристального внимания на ее не самую заметную, но весьма активную, деятельную часть – образовательную бюрократию, ее состав, пути комплектования, принципы мышления и деятельности, в значительной степени оказавшие влияние на трансформацию системы стационарной подготовки молодых квалифицированных рабочих кадров в стране. Рассмотрим образовательную бюрократию как особую социальную прослойку.

1.2.2. Возникновение и социальные характеристики образовательной бюрократии

Важным параметром любой социальной системы является присущая ей степень мобильности. Причем для сложных социальных систем, являющихся элементами более крупных систем (например, общества в целом), можно говорить о наличии специфики внутрисистемной и общественной мобильности. Более того, сами типы мобильности в этих двух случаях могут отличаться, ярким примером чего выступает, в частности, советская система профессионально-технического образования.

В 1920–1940-е гг. для советского общества с его меритократической иерархией основанием вертикальной мобильности чаще всего выступали организационные способности. Именно они, наряду с безусловной лояльностью, определяли карьерные пути сталинских наркомов, директоров предприятий, значительной части партийного окружения вождя, руководителей профсоюзов и иных общественных организаций. Причем в силу ряда причин (от политики формирования новых кадров во всех областях, лояльных социализму, до масштабных репрессий) вертикальная мобильность была весьма интенсивной.

Формирование образовательной бюрократии являлось частным проявлением общего процесса возникновения советской номенклатуры. Советская номенклатура – это перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате и в общественных организациях, кандидатуры на которые предварительно рассматривались, рекомен-

довались, утверждались и отзывались партийным комитетом, от райкома, горкома до ЦК КПСС. В связи с этим важной чертой номенклатуры являлось и то, что она представляла собой назначаемую (даже в случае проведения формальных выборных процедур), а не выборную часть государственных служащих. Идеальной социальной средой для существования и воспроизводства «образовательной бюрократии» стала спроектированная ею же система Государственных трудовых резервов, руководство которой изначально строилось именно на принципе назначения – сверху донизу. Важным для понимания мировоззрения и целей субъекта будущего социального проекта – создания системы Государственных трудовых резервов фактором было то, что формирование образовательной бюрократии происходило в крайне непростых и даже опасных для руководителей самого разного уровня условиях первых пятилеток и развернувшегося «Большого террора».

Большую часть руководящих кадров системы Государственных трудовых резервов составляли выходцы из профсоюзов. Хозяйственный уклон в деятельности профсоюзов был закреплён и в решениях XVI съезда партии, состоявшегося 26 июня – 13 июля 1930 г. Съезд, осудив «правый уклон» в профсоюзах, подчеркнул их огромное значение в решении народнохозяйственных задач. В постановлении по докладу Н. М. Шверника «О задачах профсоюзов в реконструктивном периоде» съезд потребовал решительной перестройки работы профсоюзов на основе поворота их «лицом к производству» [107].

Двумя важнейшими инструментами улучшения работы профсоюзов, поворота их «лицом к производству» на протяжении 1930-х гг. выступали чистки профсоюзных (в том числе, руководящих) структур и реформы их организационного строения. Инициатором этих мер выступал непосредственно ЦК партии во главе с И. В. Сталиным.

В секретариате руководящего профсоюзного органа неизменным горячим сторонником идей высшего партийного руководства был Н. М. Шверник. Возглавив в 1929 г. орготдел ВЦСПС и одновременно являясь одним из его секретарей, Н. М. Шверник стоял у руля организационной перестройки профсоюзов, играл ключевую роль в чистке профорганов, начавшейся после разгрома группы Томского, в подборе и выдвижении новых кадров, в изменении структуры профсоюзов и их органов.

В реальности подбор, расстановка и выдвижение профсоюзных кадров в 1930-е гг. являлись исключительно прерогативой партийных

органов. В профдвижение было брошено «огромное количество проверенных борцов с партийной работы», как заявил на IX съезде профсоюзов Н. М. Шверник. Но даже он был вынужден признать, что не все они научились профработе, овладели ее техникой. Отсутствие достаточного опыта у большинства новых профсоюзных работников порождало трудности и ошибки в деятельности профсоюзов, вело к усилению командно-административных методов работы.

Примечательно, что на VI пленуме ВЦСПС в 1937 г. будут присутствовать и принимать участие в работе 60 кооптированных председателей ЦК союзов. Как признал на этом пленуме Н. М. Шверник, кооптация имела место в каждом ЦК союза, причем в некоторых случаях кооптированные составляли 1/3, а в некоторых – половину всех членов ЦК союза.

VI пленум ВЦСПС дал негативную оценку деятельности профсоюзов, указал на многочисленные ошибки и провалы в работе, среди которых названы и ослабление связи с массами, и отрыв руководящих профорганов от членов профсоюзов, и бюрократический стиль работы, и нарушения внутрисоюзной демократии, проявившиеся в кооптациях и назначенстве, принижении роли профсоюзных собраний. Нарушение сроков отчетов и выборов, созыва собраний, съездов, пленумов привело к замене принципа выборности назначенством и кооптацией. Образ бюрократа в шляпе все чаще ассоциировался в общественном сознании с профсоюзами. Одна из таких карикатур, напрямую адресованная ВЦСПС, появилась осенью 1935 г. в сатирическом журнале «Крокодил».

Набиравшая обороты бюрократизация профсоюзов становится социальной предпосылкой возникновения новой «бюрократии рабочего образования». Основной угрозой ее благополучию являлись разворачивавшиеся массовые репрессии. Логика последних не давала никому гарантий полной безопасности, но шансы на выживание повышали два фактора – абсолютной преданности вождю и высокой профессиональной компетентности, обеспечивающей существенную пользу для реализации формулируемых высшим партийным руководством конкретных задач развития страны.

Между тем, именно провал в курируемой профсоюзами в 1930-е гг. области подготовки молодых рабочих кадров, сворачивание сети школ ФЗУ и масштабов подготовки рабочих становится едва ли не главным аргументом критиков профсоюзного руководства. Об этом говорилось

в разгромном выступлении главы советского комсомола А. В. Косарева, подвергнувшего Н. М. Шверника жесткой критике. Выработка системного решения проблемы подготовки молодых квалифицированных рабочих кадров становилась вопросом выживания.

На заседании президиума ВЦСПС 21 мая 1937 г. первым секретарем был утвержден Н. М. Шверник, вторым – П. Г. Москатов. Об их ведущей роли в создании будущей системы Государственных трудовых резервов свидетельствует то, что первый станет куратором трудовых резервов в малом СНК, второй – первым начальником Главного управления трудовых резервов. Прекрасно ориентируясь в личностных качествах и управленческом стиле И. В. Сталина, руководители профсоюзов смогли предложить проект, долженствующий заменить «ведомственную» модель сочетания идеологии и прагматики в области подготовки молодых рабочих, содержащий идеологически выверенные основы воспитательной работы с будущими пополнениями рабочего класса, манифестированные в самом гимне трудовых резервов («Мы родному вождю и отчизне верны...») с жесткой практической направленностью данной системы на централизованное обеспечение квалифицированными кадрами рабочих общегосударственных проектов индустриального развития, подобрав и наиболее соответствующее установкам вождя название – Государственные трудовые **резервы**. Именно поэтому И. В. Сталин лично проинформировал Политбюро о наличии проекта создания Государственных трудовых резервов.

Вопрос о резком ужесточении трудового законодательства был поднят 19 июня 1940 г. И. В. Сталиным в ближайшем окружении. Здесь была поставлена задача о введении жестких репрессивных мер по борьбе с текучестью кадров. «После довольно жарких споров тов. Сталин предложил издать закон о запрещении самовольных переходов рабочих и служащих с предприятия на предприятие, добавив: “А тех, кто будет нарушать этот закон, надо сажать в тюрьму”».

В той же беседе И. В. Сталин предложил ввести 8-часовой рабочий день и аргументировал это следующим образом: «Наши профсоюзы развратили рабочих. Это не школа коммунизма, а школа рвачей. Профсоюзы натравливают рабочих против руководителей и потакают рваческим, иждивенческим тенденциям».

Предложения Сталина были официально выдвинуты 26 июня 1940 г. в обращении ВЦСПС к рабочим и служащим. На следующий день

был обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Согласно этому Указу, принятому, как говорилось в его преамбуле, по «представлению ВЦСПС», во-первых, существенно увеличивалась продолжительность рабочего дня – с семи до восьми часов на предприятиях с семичасовым рабочим днем и с шести до восьми часов – для служащих учреждений. Вводилась 7-дневная рабочая неделя.

Именно руководство ВЦСПС, ответственное за социальное страхование и культурное обслуживание трудящихся, является и наиболее вероятным разработчиком проекта о создании Государственных трудовых резервов. Об этом косвенно свидетельствует не только предшествующий карьерный путь Н. М. Шверника, П. Г. Москатова и многих других влиятельных членов первого руководства Государственных трудовых резервов, являвшихся выходцами из профсоюзов, но и их дальнейшая роль в управлении этой системой. Г. И. Зеленко, первый заместитель начальника Главного управления трудовых резервов, впоследствии станет руководителем советского профессионально-технического образования (в 1953–1954 гг. – начальником Главного управления профессионально-технического образования Министерства культуры СССР, в 1954–1959 гг. – начальником Главного управления трудовых резервов при Совете министров СССР).

Принятию указа от 2 октября 1940 г. предшествовало заседание политбюро ЦК ВКП(б) от 26 сентября 1940 г., где рассматривался вопрос о школах ФЗУ. Согласно дневниковым записям заместителя председателя СНК СССР В. А. Малышева, в ходе обсуждения вопроса И. В. Сталин посетовал на то, что в школах ФЗУ люди обучаются на добровольных началах и предложил принять решение о проведении ежегодной мобилизации молодежи в ремесленные и фабрично-заводские училища.

И. В. Сталин оказывал личное содействие и на этапе непосредственного создания системы Государственных трудовых резервов, лично преодолевал сопротивление отраслевых наркомов (например, наркома вооружений Б. Л. Ванникова), сопротивлявшихся передаче ведомственных школ ФЗУ новой системе.

1.2.3. Система Государственных трудовых резервов и завершение формирования иерархической структуры образовательной бюрократии

Профсоюзные традиции «образовательной бюрократии» проявились довольно быстро и в недрах новой системы Гострудрезервов. То, что критиковали участники профсоюзных съездов и конференций – персональные автомобили, выстраиваемые за государственный счет личные дачи, установленный для себя режим «свободного» присутствия на рабочем месте, освобожденный от пут табельного учета, факты «самоснабжения» – все это фиксировалось проверками контрольных органов, сохранялось для истории и самими приказами по ГУТР.

Однако пик репрессий миновал в 1938 г. Система Государственных трудовых резервов, созданная «образовательной бюрократией» в 1940 г., оказалась способной (прежде всего, за счет труда и лишений учащихся) достаточно эффективно выполнять учебные и производственные задачи в условиях начавшейся войны и массовой эвакуации. Образовательные бюрократы неизменно демонстрировали исключительную степень лояльности, вознося хвалу наркому Н. И. Ежову и репрессиям в отношении нижестоящих профсоюзных работников, обязуясь усиливать работу по выявлению затесавшихся в профсоюзы меньшевиков, бухаринцев, фашистских агентов, саботажников и вредителей.

Интересно, что в отличие от других областей управления, в рамках системы профтехобразования внутрисистемная мобильность была весьма ограниченной. Верхние и средние эшелоны управления пополнялись из профсоюзов, комсомола, с конца 1940-х – из числа руководителей с высшим техническим образованием, низшие (директора, преподаватели) – из числа командированных из промышленности. Руководство системы высшего уровня считалось союзной номенклатурой, практически приравненной к министерской, среднего уровня – областной номенклатурой, перемещаясь из системы на должности областного уровня, избираясь депутатами областных советов и т. д. Руководство низшего уровня могло рассчитывать лишь на попадание в номенклатуру райкома или горкома партии, крайне редко выше.

Как отмечал еще Х. Ортега-и-Гассет, общество с высокой вертикальной мобильностью оказывается значительно более стабильным в социальном отношении и значительно менее адаптивным к переменам во внешних обстоятельствах [122]. Наоборот, общество с низкой

вертикальной мобильностью демонстрирует социальную нестабильность и кризисы, но значительно более адаптивно к изменению среды.

Итак, в системах, где элита фактически отделена от остальных малопроезжимым барьером, обязательно возникал плюрализм иерархий. Представляется, что подобный процесс был характерен и для подсистем общества, поэтому и такие негласные иерархии де факто возникли и в советском профтехобразовании. Отличники, тысячники, спортсмены, значкисты и участники коллективов художественной самодеятельности являлись негласной элитой среди учащихся, получая доступ к интересным поездкам, премиям и подаркам, наградам и званиям. Очевидно, их выделение в сталинскую эпоху осуществлялось по меритократическому принципу. При этом дальнейшая вертикальная мобильность внутри системы профтехобразования была ограничена: у выпускника училища Гострудрезервов или последующего ПТУ не было ни малейшего шанса занять место в руководстве данной системы, внутрисистемный карьерный горизонт был ограничен рамками учебного заведения. При том, что такие элитарии отличались высокой лояльностью к идеологии, возникала проблема нарастания или консервации недовольства своим положением именно тех слоев учащихся, которые и без того были не слишком идеологически лояльны.

Среди преподавателей, директоров учебных заведений вертикальная мобильность также была крайне ограниченной. Руководство системы комплектовалось «со стороны», что, с одной стороны, создавало приток в систему кадров, отличавшихся прежде всего идеологической выдержанностью (отправлять в профтехобразование лучших профессионалов не желали ни директора предприятий, ни руководство комсомола или профсоюзов), а с другой – препятствовало консервации системы, обеспечивало появление новых взглядов и идей, повышало склонность к положительному восприятию прагматических инициатив «снизу».

В силу вышеизложенного можно сделать вывод о том, что сложившийся в иерархии советского профтехобразования тип вертикальной мобильности создавал огромную потребность в адаптационных механизмах, соединении идеологических принципов с прагматическими инициативами «снизу», обеспечивая их синергию и работоспособность системы даже в сложнейших условиях ВОВ и послевоенного восстановления, именно до тех пор, пока создание средних ПТУ не сформирует новый канал вертикальной мобильности, жестко не увязанный с идео-

логической лояльностью – получение полного среднего образования и возможности продолжить обучение в вузе. Как следствие, открывшиеся новые возможности лишают привлекательности прежние: в 1960–1980-е гг. снижается мотивация к участию в комсомольской активности, производственным рекордам и т. д. Другими словами, утрачивается интерес к формам реализации успешного карьерного роста прежних внутрисистемных элитариев, вследствие чего пассивность их преемников уже не создает противовеса скептическому и скрыто антисистемному настрою внутрисистемных маргиналов. Прагматические инициативы «снизу» уходят в прошлое, система все больше консервируется под теми же лозунгами, но уже фактически без их подлинных адептов.

Иерархия советского профессионально-технического образования как социальной системы была изначально сформирована достаточно жесткой и сохраняла такой характер на всем протяжении последующей советской истории. Причем иерархичный принцип четко прослеживается не только по линии «руководство системы – преподаватели, мастера – учащиеся», но и внутри этих основных системных звеньев.

Руководящее звено системы было наглухо изолировано от учебных заведений, исключая пополнение руководства за счет карьерного роста руководителей уровня учебных заведений или тем более воспитанников. В 1940-е гг. руководство системы комплектовалось за счет выходцев из профсоюзной, партийной и комсомольской среды, разбавленных с 1950-х гг. «технарями» (П. И. Кирпичников и др.). Внутренняя иерархия здесь определялась рядом факторов: наличием теневых привилегий, системной значимостью соответствующего управления или отдела в системе ПТО.

Несколько по-иному соотношение иерархии и внутрисистемной мобильности было выстроено на более низких ступенях системы профтехобразования. Следующим звеном иерархии являлись региональные руководители и руководство учебных заведений. По сравнению с руководством профтехобразования центрального уровня, они обладали значительно меньшим объемом привилегий, иным доступом к материальным благам, иной степенью защиты от репрессий, автономности от контроля как партийных, так и правоохранительных органов и т. д. Внутренняя иерархия определялась участием конкретных лиц в работе партийных съездов или выборных советских органов, масштабами и значимостью представляемого ими регионального управления.

Здесь существовали определенные каналы внутрисистемной мобильности, позволяя вчерашним учащимся через много лет становиться мастерами или даже директорами училищ (но также обычно после получения высшего образования): «А. И. Минеев, прошедший славный путь от учащегося до заместителя директора училища... директор городского профтехучилища № 4 Свердловска Н. Ф. Каширин – наш выпускник... директор городского профтехучилища № 28 Тавды В. И. Назаров, который в годы войны был учащимся, мастером, преподавателем... Можно было бы назвать сотни наших воспитанников, выросших до замечательных организаторов, воспитателей, мастеров, преподавателей, руководителей...» [74, с. 14–15]. Написавший эти строки для юбилейного (к 20-летию системы Гострудрезервов) издания руководитель Свердловского областного управления Гострудрезервов не упомянул, что в годы войны директорский корпус училищ, поставленный в крайне тяжелое положение, нес основную ответственность за любые просчеты и проблемы. Из-за увольнений или отдачи под суд в одном училище нередко сменялось по два-три директора.

Ниже в иерархической структуре располагались преподаватели и мастера производственного обучения, чей квалификационный уровень, наряду с уровнем текучести и способами комплектования, демонстрирует значительно более низкие стандарты обеспечения и престижности. Внутренняя иерархия определялась наличием системных наград (отличник ПТО и т. д.), участием в распространении советского опыта ПТО за рубежом, наличием в соответствующем учебном заведении передового опыта учебно-воспитательной деятельности. Чрезвычайные военные условия способствовали повышению мобильности и на этом уровне. Уже 1 октября 1941 г. начальник Главного управления трудовых резервов П. Г. Москатов издал приказ «О выделении в училищах и школах ФЗО помощников мастеров производственного обучения из числа лучших учащихся для организации подготовки из них мастеров производственного обучения».

Опыт военных лет показал, что в сложных условиях система Гострудрезервов может рассчитывать только на внутренние ресурсы. В связи с чем естественным выводом о перспективах кадрового обеспечения становится необходимость активизации каналов внутрисистемной мобильности. Поиск возможностей такой активизации приводит уже в 1943 г. к открытию первых индустриально-педагогических техникумов.

6 октября 1944 г. начальник Главного управления трудовых резервов при СНК СССР П. Г. Москатов и председатель комитета по делам высшей школы при СНК СССР С. В. Кафтанов обращаются к первому заместителю председателя Верховного Совета СССР Н. М. Швернику с проектом распоряжения «Об организации в г. Москве Индустриально-педагогического института Главного управления трудовых резервов». Реформа 1958 г. и включение профтехобразования в общую систему образования страны несколько затормозили реализацию этих намерений. Однако идея создания собственных вузов системы профтехобразования постоянно подпитывалась самым опытом подготовки молодых рабочих. Не случайно начальник Свердловского областного управления профтехобразования С. А. Заложнев в 1966 г. в своем отчете писал: «Думается, что до тех пор, пока не решим вопрос с институтами в своей системе, не удастся решить и вопрос преподавательских кадров с высшим образованием» (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 2. Д. 5. Л. 163). Учреждение в 1979 г. Свердловского инженерно-педагогического института создавало предпосылки для трансформации советского профтехобразования в систему с неограниченной внутрисистемной мобильностью, причем за счет жесткого отбора кандидатов на поступление и организованной мобильности снижало остроту проблемы престижности рабочего образования, открывало возможности разработки проблем высшего рабочего образования. Однако крушение СССР отложило реализацию этих насущных задач на будущее.

1.2.4. Система Государственных трудовых резервов как социальный лифт

Определенная внутренняя иерархия прослеживалась и в среде учащихся. Ее официальное измерение включало выделение категорий учащихся, обладающих специфическими льготами. При создании Государственных трудовых резервов было установлено, что дети железнодорожников обладают правом первоочередного приема при поступлении в ЖУ. Особые льготы устанавливались для определенных категорий учащихся и позднее: постановление Совета министров СССР от 9 августа 1956 г. № 1106 «О мерах улучшения воспитания детей, оставшихся без попечения родителей», постановление Совета министров СССР от 23 апреля 1975 г. № 315 «О льготах для учащихся профессионально-технических учебных заведений из числа круглых сирот, детей, лишившихся попечения родителей, и детей инвалидов Отече-

ственной войны I и II групп», постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 31 июля 1987 г. № 872. Более скрытым, но не менее реальным являлось выделение комсомольского актива училищ, городских выходцев и сельских и т. д.

Наличие формальной и неформальной иерархии не исключало в процессе функционирования системы элементов социальной мобильности и на этом уровне. Однако структура социальных лифтов носила все же ситуативный и ограниченный по масштабу характер.

Еще в 1930-е гг. в советском профессионально-техническом образовании формируются теневые социальные лифты. Об одном из них с негодованием сообщал журнал «Смена»: «И все же, выгнанная в одно окно гостевщина пролезает в другое. Она все еще живуча. Курсы акционерного общества “Установка” раскинулись по всей стране и беспрерывно “пекут” скороспелых “пролетариев”. Быстрота “обучения”, основанного на тренировке, на системе “Ванька, приглядывайся”, создает из гостевских курсов кратковременный этапный пункт, через который перекачивается с биржи труда на предприятия человеческий материал. И недаром на курсы эти устремились все, кто по тем или иным причинам жаждет пролетаризации. Дети “бывших”, лишенцы, деклассированный элемент видят в гостевских курсах удобный мостик для перехода на производство. И текут они из фабрик на заводы, усвоив производственные процессы, но нисколько не изменив своей антипролетарской сущности» [8].

Разоблачаемый с негодованием «мостик» в полноправные советские люди в 1940-е гг. был использован советской властью уже вполне целенаправленно. Система Государственных трудовых резервов служила социальным лифтом для детей спецпереселенцев, воспитанников детских домов, освобождаемых от наказания молодых заключенных, детей «репрессированных народов». Впоследствии попыткой развития этого опыта становится формирование специфического сегмента специальных ПТУ Министерства охраны общественного порядка (МВД), хотя и достаточно ограниченного по масштабам. Продолжилась и практика льготного приема в профтехучилища воспитанников детских домов, которая подчас сталкивалась с тихим саботажем руководства учебных заведений. Так, в сентябре 1954 г. Свердловское областное управление трудовых резервов провело в Свердловском ремесленном училище № 1 проверку выполнения приказа начальника Главного управления трудовых резервов при Совете министров СССР № 187 от 18 августа 1954 г. «О первоочередном приеме в ремесленные училища воспитанников детских домов».

Проверка показала, что руководители училища Корешков и Демина всячески старались отказать в приеме воспитанникам детдомов, имеющим образование 5–6 классов, не была создана приемная комиссия с участием общественных организаций, прием проходил не организованно. Это дало возможность руководителям производить ученический прием чиновничье-бюрократическим методом, по сути отговаривая подростков с низким уровнем образовательной подготовки поступать в училище.

Материалы проверки, осуществленной на основании приказа начальника Областного управления трудовых резервов Куркова, были переданы в Орджоникидзевский райком КПСС для привлечения руководителей училища № 1 к партийной ответственности.

В целом применительно к периоду 1950–1980-х гг. можно говорить об определенной «пробуксовке» данного социального лифта.

Важно подчеркнуть, что изменения каналов внутрисистемной мобильности советского профтехобразования сопровождались и сменой типа социальной мобильности при обучении рабочей профессии. С середины 1950-х гг. в связи с отменой мобилизации (призыва) в системе Государственных трудовых резервов вертикальная социальная мобильность все больше вытесняется горизонтальной, а организованная мобильность сменяется индивидуальной.

Возьмем в качестве примера поступление в городские ПТУ сельской молодежи. Это наиболее хрестоматийный, казалось бы, пример профтехобразования как социального лифта. Однако его заметно снижающаяся эффективность показательна для понимания природы мобильности в послевоенном советском профтехобразовании. Если в 1940–1950-е гг. для сельской молодежи система Гострудрезервов была пропуском в город, к другому образу и качеству жизни, то с 1960-х гг. ситуация изменяется: «До начала 70-х гг. в ПТУ в основном поступала сельская молодежь. Но по мере сокращения доли сельского населения и увеличения его среднего возраста роль этого социального источника стала постепенно снижаться. В 1950 г. доля сельской молодежи составила около 78 % принятых в ПТУ, в 1960 – 61,0 %, в 1965 – 58,6, в 1970 г. – 57,4 %... По данным исследований, проведенных в Свердловской и Челябинской областях в конце 1970-х гг., дети служащих и специалистов составляют более 20 % учащихся ПТУ, т. е. примерно столько же, сколько составляют служащие и специалисты в населении

индустриальных областей Урала» [97, с. 115]. Объяснить этот процесс только сокращением доли сельского населения едва ли возможно. Нельзя не заметить другую тенденцию – превращение профтехобразования в канал перемещения молодежи из маленьких неблагополучных городов и поселков городского типа в более крупные, желательные столичные города. То есть на смену организованной вертикальной мобильности, позволявшей колхозной молодежи занять гораздо более престижное социальное положение рабочих, пришла горизонтальная индивидуальная мобильность, связанная не со стремлением повысить свой общественный статус, а только занять более удобное положение в структурах строго социального статуса.

При мобилизации и межобластных перевозках призывников госрезервов инициатором и контролером таковых выступало государство, изначально предписывавшее учащемуся границы допустимого и векторы желаемого. Смена типа мобильности на горизонтальную и индивидуальную одновременно привела к тому, что при формальном сохранении прежних границ допустимого и векторов желаемого резко снизилась эффективность внешнего контроля над самой мобильностью и учащимися, приходившими (без прежнего отбора призывных комиссий) в систему профтехобразования со своими сугубо индивидуальными устремлениями, приходившими самостоятельно, не вручив свою волю внешнему актору. Общежития профтехучилищ становились лишь транзитным пунктом горизонтального социального перемещения, приобретая многие характерные признаки временного и потому малоценного для учащихся прибежища – наличие значительного количества носителей маргинальной культуры, антисоциальных проявлений, полного пренебрежения к дисциплине, учебе, будущей профессии.

Целый ряд аспектов изучения механизмов социальной мобильности в советском профессионально-техническом образовании остается до сих пор практически не исследованным. Слабо изученной в научной литературе остается проблема повышения эффективности внутрисистемных социальных лифтов за счет снижения эффективности конкурирующих социальных лифтов вне системы. Например, привлекательности системы Государственных трудовых резервов в 1940–1950-е гг. значительно способствовало введение в период 1940–1956 гг. платности обучения в старших классах средних школ. С началом массового призыва студентов вузов в армию в 1983–1988 гг. (и, соответственно, определенного сни-

жения привлекательности высшего образования) профессионально-техническое образование также получило косвенную поддержку в качестве возможной ступени карьерного пути советской молодежи.

В тщательном изучении, на наш взгляд, нуждается и мотивационная роль отдельных механизмов социальной мобильности, общих для различных уровней системы образования, например, распределения выпускников по месту работы, в частности мотивационная эффективность к успешному обучению в позднесоветских ПТУ права выпускников, получивших диплом с отличием, не трудоустроиваться по месту распределения, а поступать в вуз.

Элементы социальной мобильности присутствовали и в динамике формирования корпуса преподавателей и мастеров производственного обучения. Десятки тысяч из них были переведены на работу в профтехобразование с промышленных предприятий и даже из партийных органов. С образованием в 1979 г. Свердловского инженерно-педагогического института данный социальный лифт приобрел логическую завершенность и начал функционировать значительно эффективнее. Лучшие выпускники профтехобразования получили возможность вертикальной карьеры внутри той же самой системы.

Социальные лифты системы советского профессионально-технического образования, причем, структурно как «внутренние», так и «внешние» по отношению к ней, работали преимущественно как горизонтальные, способствуя перетоку населения из одних районов страны в другие, из сельской местности в города, из одних сфер физического труда – в другие. Вертикальные лифты (повышавшие статус в общественной структуре) практически отсутствовали. В этом положении заключалась одна из главных причин постоянного падения на протяжении 1950–1980-х гг. престижа профессионально-технического образования среди советской молодежи.

Таким образом, создание в самой системе профессионально-технического образования ее высшего звена в виде СИПИ и последующего развития подобных вузов несло в себе значительный потенциал решения не только кадровых проблем корпуса преподавателей и мастеров производственного обучения, но и важнейшей проблемы повышения престижности профессионально-технического образования за счет появления механизма вертикального социального лифта.

Глава 2. СТАЦИОНАРНАЯ СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ КАДРОВ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ В 1920–1980-е гг.

2.1. Соединение идеологических установок с практическими задачами развития. 1920-е – начало 1960-х гг.: механизм агитации и пропаганды

2.1.1. Специфика увязки идеологических принципов с практическими задачами в условиях становления советского проекта модернизации

Советский модернизационный проект, осуществлявшийся с конца 1920-х до конца 1950-х гг., представляет собой уникальный феномен мировой истории, поскольку значительно отличается и от зарубежных, и от дореволюционных отечественных вариантов преобразований как на уровне идеологии и пропаганды, так и на уровне реальных качественных изменений, которых добивалась государство.

Сталинская модель преобразований не включала в себя вестернизацию, прежде неизменно присутствовавшую в российской практике в различных формах – от культурной политики до опоры на иностранный и связанный с ним отечественный капитал. Наряду с этим вовлечение частной собственности и инициативы в качестве важного драйвера модернизационных процессов были также невозможны. Единственным мотором преобразований становилась воля государства, преобладающим методом – принуждение общества к развитию. Осуществлялось ли подобное принуждение путем перераспределения общественных ресурсов от потребления к инвестициям в производственные мощности или путем прямого тиражирования управленческих практик, оно в любом случае было направлено на решение задач развития, сформулированных высшими органами власти и конкретизированных центральными органами управления экономикой (например, ВСНХ, Госпланом СССР). Конечной же целью являлось изменение места страны в системе мирового хозяйства, в связи с чем создание системы массового профессионального образования, подготовки кадров рабочих, способных обслуживать современную промышленную технику,

имело приоритетное значение в системе государственного развития. При этом человеческие ресурсы, черпаемые прежде всего из деревни, рассматривались (особенно до Великой Отечественной войны) как почти бесконечные и нередко финансировались по остаточному принципу.

Таким образом, в отсутствие частной инициативы, а также научных инноваций или новых источников доходов (например, неэквивалентной торговли с колониями) в качестве драйверов модернизации, СССР фактически опирался только на природные ресурсы и собственное население. Для этого требовался серьезный уровень «поддержки снизу», который был недостижим без очевидности для общества положительного влияния соединения идеологических установок, зовущих вперед, с прагматическими задачами.

Во введении данной работы констатировалось, что структурирование специфического поля советского прагматизма позволяет помимо пласта долгосрочных тенденций и изменений, требовавших перед системой подготовки рабочих кадров серьезного развития на уровне структурного, содержательного и технологического совершенствования, выделить и пласт текущих, зачастую форс-мажорных (связанных с репрессивными кампаниями, войнами и т. д.) вызовов и задач, также становившихся условием выживания и дальнейшего развития существующей системы подготовки молодых рабочих.

Одним из первых примеров отливки идеологических принципов в форму практических задач развития является работа В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти», которая в рукописи называлась «Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент». «Тезисы» Ленина обсуждались на заседании ЦК партии 26 апреля 1918 г. ЦК единодушно одобрил их и постановил опубликовать в «Правде» и «Известиях ВЦИК», а также издать отдельной брошюрой. Характерно, что уже тогда, в 1918 г., большое внимание было уделено вопросам подготовки и мотивации рабочих кадров: «Создав новый, советский, тип государства, открывающий возможность для трудящихся и угнетенных масс принять деятельнейшее участие в самостоятельном строительстве нового общества, мы разрешили только небольшую часть трудной задачи. Главная трудность лежит в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, обобществить производство на деле. <...> И тут становится видно

сразу, что если центральной государственной властью можно овладеть в несколько дней, если подавить военное (и саботажническое) сопротивление эксплуататоров даже по разным углам большой страны можно в несколько недель, то прочное решение задачи поднять производительность труда требует, во всяком случае (особенно после мучительнейшей и разорительнейшей войны), нескольких лет. Длительный характер работы предписывается здесь безусловно объективными обстоятельствами.

Подъем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности. <...> Русский человек – плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и жизни остатков крепостного права. Учиться работать – эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тейлора, – как и все прогрессы капитализма, – соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д. Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма...» [43, с. 15–16].

Новые масштабные вызовы и задачи, требовавшие выработки иных подходов к интеграции идеологии и прагматики, возникли в связи с переходом к НЭПу. Формировавшаяся в 1920-е гг. модель интеграции идеологических установок и прагматических задач в области подготовки рабочих кадров имела два контура – внешний, включающий в себя попытки такой интеграции в деятельности партийно-государственных, профсоюзных, комсомольских органов, и внутренний, т. е. внутриучилищный.

Внешний контур более заметен благодаря его отражению в документах органов власти и управления. Вполне справедлив вывод, сделанный в монографии С. П. Постникова и М. А. Фельдмана о том, что

«становление и развитие новой системы рабочих кадров носили противоречивый характер, обусловленный объективными и субъективными факторами, в частности... противоречиями между программными установками партии и государства в области народного образования и реальными возможностями их выполнения в той конкретной исторической обстановке...» [69, с. 80]. Представляется, однако, что подмеченное авторами монографии противоречие создавало объективный запрос на выработку первых советских образцов интеграции идеологии (выраженной в программных установках) и прагматизма.

Поскольку сокращение сети профтехобразования по всей стране в 1921–1922 гг., коснулось Урала гораздо в меньшей степени, можно утверждать, что именно на Урале такая интеграция идеологических установок и прагматических потребностей и задач развернулась раньше, чем во многих других регионах страны.

Диктуемая идеологически пролетаризация состава учащихся школ ФЗУ и профшкол, в том числе за счет командирования на учебу общественными организациями, создавала предпосылки для прагматического регулирующего вмешательства партийно-государственных органов в деятельность хозяйственников, заинтересованных в сокращении расходов на подготовку кадров. Принятое ВЦИК 2 мая 1922 г. решение о введении процентной брони подростков на предприятиях (по отраслям в среднем 7 %) позволило в определенной степени повысить заинтересованность хозяйственников в сохранении учебных заведений, однако его реализация требовала постоянного контроля. Вследствие этого различные вопросы, касавшиеся состояния подготовки рабочих кадров, постоянно рассматривались на заседаниях Уралобкома ВКП (б), настаивавшего на недопустимости сокращения сети рабочего образования.

Экономические интересы хозорганов и предприятий диктовали и необходимость создания системы краткосрочных форм подготовки рабочих кадров. В определенной степени идеологические установки в этом вопросе воплотились в схеме профессионально-технических курсов, утвержденной Главпрофобром в 1921 г., и пересмотренной в 1924 г. Прагматические основания последней коренились в том, что структура профтехкурсов (краткосрочные – от 6 до 12 месяцев, курсы повышения квалификации рабочих – от 1 до 2 лет, курсы по подготовке мастеров из квалифицированных рабочих – от 6 месяцев до 2 лет) ба-

зировалась на дореволюционном опыте в данной области. Как и школы ФЗУ, краткосрочные формы подготовки рабочих кадров контролировались (в рамках текущей экономической политики, однако последовательно) региональными партийно-советскими органами. Благодаря принимаемым ими решениям, наряду с усилиями уральских профсоюзных и комсомольских организаций в 1920-е гг. была сформирована достаточно жизнеспособная модель интеграции идеологии и прагматизма, позволившая обеспечить процессы реконструкции и дальнейшего развития промышленности Уральской области достаточным количеством подготовленных рабочих кадров.

В конце 1920-х гг. советская идеология приобретает новые элементы, связанные с выдвинутыми И. В. Сталиным теоретическими положениями о необходимости «завершения революции», т. е. ликвидации остававшихся «эксплуататорских классов» (нэпманов и кулаков) и «построения материально-технической базы социализма», подразумевавшей проведение ускоренной коллективизации и форсированной индустриализации, а также культурной революции. Конкретизацией этих новых идеологических установок стали решения XV съезда ВКП(б), в частности предусматривавшие увязку плана культурного строительства с индустриализацией страны.

Пятилетний период планирования задач развития промышленности был достаточным для осязаемого воплощения идеологических установок. Однако реальные прагматические задачи, включавшие строительство сотен гигантов индустрии, обширной транспортной инфраструктуры, освоение множества месторождений сырья, возведение целых городов, требовали еще больших горизонтов планирования в области обеспечения этих грандиозных задач квалифицированной рабочей силой.

Ответом стал инновационный для того времени опыт планирования региональными плановыми органами (например, Уральской областной плановой комиссией) потребности в рабочей силе не только на пятилетку, но и на десятилетие – с 1929 по 1938 гг. В соответствии с этим десятилетним планом дополнительная необходимость в рабочей силе, требующей организованной подготовки, оценивалась за первую пятилетку в 342,6 тыс. чел., за вторую – в 462,2 тыс. чел., в целом за десятилетие – в 804,8 тыс. чел. При этом покрытие данной потребности через школы ФЗУ и ШУМП соответственно составляло 36,7 тыс. чел.

за первую пятилетку (10,7 %), с резким ростом до 275 тыс. чел. за вторую пятилетку (59,4 %), всего за десятилетие – 311,7 тыс. чел. (38,7 %) (ГАСО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 755. Л. 37).

Начальный этап развертывания социалистической модернизации позволил, таким образом, интегрировать идеологические установки и прагматические реалии путем отнесения подготовки львиной доли необходимой для реализации планов развития рабочей силы на следующую пятилетку.

В целом идеологические установки партийного руководства в период начала индустриального рывка (1929–1931 гг.), изложенные в постановлениях ЦК ВКП(б) («О росте кадров рабочего класса...», «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой...», «По докладу о мероприятиях по подготовке квалифицированной рабочей силы...») предписывали расширять масштабы обучения и качество подготовки рабочих. Одновременно существовала прагматическая потребность в осуществлении такой подготовки с учетом нужд конкретного производства, что оправдывало передачу руководства организацией такой подготовки хозяйственным органам. В качестве инструмента интеграции идеологических установок и прагматического подхода выступило усиление партийного контроля со стороны региональных партийных структур за профобразовательной деятельностью хозорганизаций. За указанный период Уралобком ВКП(б) обсуждал различные проблемы подготовки рабочих кадров более двух десятков раз, нередко возвращаясь к одним и тем же вопросам.

Необходимость контроля вызывалась, в частности, желанием хозорганов обеспечить выполнение планов развития (в условиях высокой текучести кадров), производя подготовку в сжатые сроки и с невысокими затратами на обучение, что привело к широкому распространению в годы первой пятилетки цитовской системы подготовки рабочих. Деятельность акционерного общества «Установка», осуществлявшего подготовку кадров по цитовской методике, была передана в ведение ВСНХ и его местных органов (Постановление ЦК ВКП(б) от 6 октября 1931 г.). Контроль осуществлялся прежде всего в виде общественно-политических кампаний, «месячников борьбы за кадры», проведения общественно-технического экзамена (инициатива ВЛКСМ), гостехэкзамена, а по особо важным строящимся предприятиям (например, Уралмашу) – в форме издания ЦК ВКП(б) специальных по-

становлений об обеспечении их рабочими кадрами. В конце 1930-х гг. появляется еще один способ интеграции идеологии и прагматики в области обучения рабочих на производстве – стахановские школы.

При всех масштабах и определенной системности работы по организации подготовки рабочих непосредственно на производстве реалии хозяйственной практики (трудности с освоением новейшей техники, частые поломки дорогостоящего оборудования, высокий процент брака) демонстрировали насущную необходимость развития стационарных форм обучения рабочих кадров. В этой области также предпринимались попытки интеграции идеологических установок и прагматических задач, использовались практически те же инструменты. Инициированный партийными органами в конце 1920-х гг. курс на резкое расширение стационарной подготовки был подкреплен объявленным ЦК ВЛКСМ «набором индустриализации». Однако выполнить планы набора в 1930–1932 гг. равно как и увеличить масштабы подготовки рабочих при сохранении сроков и содержания образовательных программ в школах ФЗУ оказалось невозможно в силу целого ряда причин: нехватки в условиях масштабного индустриального строительства средств у наркоматов, слабой учебно-материальной базы школ ФЗУ, сложностей в комплектовании контингентов учащихся, отсутствия необходимых педагогических кадров и т. д.

В 1933 г. в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР «О школах фабрично-заводского ученичества» от 15.09.1933 г. была осуществлена реформа школ ФЗУ, которую можно рассматривать как попытку интеграции идеологических установок с прагматическими задачами, поскольку она явно отражала интересы наркоматов, прежде всего НКТП. Сроки обучения в школах ФЗУ были снижены с двух лет до шести месяцев, из учебных планов исключались общеобразовательные предметы, резко усиливалась их производственно-практическая направленность. Реформа в целом дала негативный эффект. Школы ФЗУ, имевшие зачастую и курсы дозавуча (дозаводского обучения), были эффективной формой подготовки рабочих кадров из числа молодежи, наполовину сельской, именно в прежнем своем качестве. После их оптимизации для нужд наркоматов они оказались настолько проблемными (падение престижа обучения, трудности комплектования, снижение качества обучения при его более высокой стоимости относительно подготовки на производстве), что стали, по сути, ненужными самим наркоматам.

Отметим, что предпринимались попытки решать частные проблемы, например, планирование набора учащихся стало осуществляться на основании договоров хозорганов со школами вместо директивных цифр (позже, однако, вернулись к нормативам). Между тем нерешенной оставалась главная проблема – реализация общегосударственных планов развития входила во все большее противоречие с децентрализацией системы управления школами ФЗУ, подведомственными двум десяткам наркоматов. Эффективный контроль партийных органов в сфере реализации задач, качества подготовки, идейного воспитания учащихся в таких масштабах был попросту невозможен, поскольку модернизационный рывок требовал регулирования одновременно над десятками подобных направлений развития. Резкое сокращение сети школ ФЗУ, провал прежних планов по объемам подготовки в них, а главное, искажение самой идеи, воплощенной ими в 1920-е гг., поставили задачу глобальной реформы стационарной системы подготовки молодых рабочих кадров.

Идеологические инструменты оказали значительное влияние на поиск новых, более эффективных форм обеспечения бурно растущей промышленности рабочими кадрами. Важнейшую роль здесь сыграло выступление И. В. Сталина перед выпускниками военных академий 4 мая 1935 г. (Правда. 1935. 6 мая). Здесь Сталин далеко не случайно возвращается к идеологической борьбе с разгромленными «правыми»: «...были у нас товарищи, которые испугались трудностей и стали звать партию к отступлению. Они говорили: “Что нам ваша индустриализация и коллективизация, машины, черная металлургия, тракторы, комбайны, автомобили? Дали бы лучше побольше мануфактуры, купили бы лучше побольше сырья для производства ширпотреба и побольше бы давали населению всех тех мелочей, чем красен быт людей. Создание индустрии при нашей отсталости, да еще первоклассной индустрии – опасная мечта”» [75].

Указание на противодействие «правых», с одной стороны, служило оправданием гигантских проблем и издержек форсированного промышленного развития, а с другой – обосновывало правильность избранного курса и необходимость перевода его в новое качество, на новый этап: «Изжив период голода в области техники, мы вступили в новый период, в период, я бы сказал, голода в области людей, в области кадров, в области работников, умеющих оседлать технику и двинуть

ее вперед. Дело в том, что у нас есть фабрики, заводы, колхозы, совхозы, армия, есть техника для всего этого дела, но не хватает людей, имеющих достаточный опыт, необходимый для того, чтобы выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать. Раньше мы говорили, что “техника решает все”. Этот лозунг помог нам в том отношении, что мы ликвидировали голод в области техники и создали широчайшую техническую базу во всех отраслях деятельности для вооружения наших людей первоклассной техникой. Это очень хорошо. Но этого далеко и далеко недостаточно. Чтобы привести технику в движение и использовать ее до дна, нужны люди, овладевшие техникой, нужны кадры, способные освоить и использовать эту технику по всем правилам искусства. Техника без людей, овладевших техникой, – мертва. Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса. Если бы на наших первоклассных заводах и фабриках, в наших колхозах и совхозах, в нашей Красной Армии имелось достаточное количество кадров, способных оседлать эту технику, страна наша получила бы эффекта втрое и вчетверо больше, чем она теперь имеет. Вот почему упор должен быть сделан теперь на людях, на кадрах, на работниках, овладевших техникой. Вот почему старый лозунг “техника решает все”, являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, должен быть теперь заменен новым лозунгом, лозунгом о том, что “кадры решают все”. В этом теперь главное» [75]. Развивая мысль вождя, в декабре 1935 г. пленум ЦК ВКП(б) выдвинул лозунг: «Поднять культурно-технический уровень рабочего класса до уровня инженерно-технических работников» [57, с. 426].

Решением СНК СССР № 101-112 в 1936 г. был основан Свердловский институт технического обучения рабочих как отраслевой учебно-методический Центр предприятий черной металлургии. Его учебные планы по объему изучаемых дисциплин соответствовали, как минимум, учебным планам техникума. Высокая эффективность подготовки рабочих и мастеров для училищ была обеспечена благодаря сочетанию теоретической подготовки с производственным обучением, учету передового опыта крупных промышленных предприятий Урала (например, стахановских школ, межзаводских школ передового опыта, школ по внедрению новейшей техники и оборудования), акценту на умении решать реальные производственные задачи (повышение

производительности труда и качества продукции, экономия сырья и топлива, улучшение техники безопасности, достижение оптимальной загрузки рабочего времени и т. д.). В результате закономерно происходит расширение отраслевого и территориального охвата деятельности СИТОР, включившего почти все отрасли промышленности большинства областей и краев РСФСР. Важнейшей функцией института становится повышение квалификации ИТР. Таким образом, опыт СИТОР применительно к области дополнительного профессионального и отчасти профессионально-педагогического образования следует оценить как весьма интересный и во многом эффективный. Однако масштабирование подобного опыта, ориентированного на возможности и потребности крупных промышленных предприятий и объединений, на область массовой подготовки рабочих кадров для всего народного хозяйства было проблематично, особенно в конце 1930–1940-х гг.

2.1.2. Система Государственных трудовых резервов как механизм соединения идеологии и прагматических задач в форме социального проекта

В конце 1930-х гг. советское руководство вполне осознает опасность надвигающейся войны, вследствие чего предпринимает целый ряд мер по подготовке страны. Создание системы Государственных трудовых резервов и ее дальнейшее развитие вобрало в себя множество элементов интеграции идеологических установок и прагматических (образовательных и производственных) задач.

Преамбула Указа Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» от 02.10.1940 г. представляет яркий образчик соединения идеологических установок с прагматическими задачами: «Задача дальнейшего расширения нашей промышленности требует постоянного притока новой рабочей силы на шахты, рудники, транспорт, фабрики и заводы. Без непрерывного пополнения состава рабочего класса невозможно успешное развитие нашей промышленности.

В нашей стране полностью уничтожена безработица, навсегда покончено с нищетой и разорением в деревне и городе, ввиду этого у нас нет таких людей, которые бы вынуждены были стучаться и проситься на фабрики и заводы, стихийно образуя, таким образом, постоянный резерв рабочей силы для промышленности.

В этих условиях перед государством стоит задача организованной подготовки новых рабочих из городской и колхозной молодежи и создания необходимых трудовых резервов для промышленности» [72, т. 1, с. 116].

Идеологически значимым для формировавшейся модели индустриального рывка, централизованно управляемого и директивно функционирующего (нередко в режиме ручного управления вождем), являлся принцип централизованной подготовки и распределения рабочих кадров, положенный в основу системы Государственных трудовых резервов. Прагматические соображения определили сохранение на деле определенного сегмента ведомственных школ ФЗУ для небольших предприятий легкой, пищевой промышленности и т. д.

Несомненно, отпечаток идеологии и прагматизма нес на себе и установленный способ комплектования учебных заведений Трудовых резервов учащимися, представлявший собой сочетание добровольного набора и принудительного призыва (мобилизации). Мобилизация позволяла обеспечить план приема, в том числе набрать учащихся в малопrestiжные учебные заведения, готовившие кадры для лесной, строительной, угольной промышленности, осуществлять переброску мобилизованных на учебу в другие области СССР. При этом ответственность за проведение набора была возложена на секретарей городских и районных комитетов ВКП(б).

Идеологическим задачам служило и объявление учащихся Госрезервов находящимися на полном государственном обеспечении. Полувоенная структура подразумевала верность правящей партии, дисциплину, исполнительность. Кроме того, такая декларация (выполнявшаяся крайне выборочно) позволяла одновременно установить 7-часовой рабочий день для 14–15-летних учащихся и 8-часовой – для 16–17-летних.

Выработку четких цифровых параметров модернизационного развития в области подготовки молодых рабочих кадров в 1940–1950-х гг. осуществлял Государственный плановый комитет (ранее – Государственная плановая комиссия) при Совете министров СССР. Его стратегическими задачами были развитие территорий и отраслей, переброска трудовых ресурсов, увязка интересов различных государственных ведомств, анализ информации о текущем состоянии различных отраслей хозяйства и принятие корректирующих те или иные параметры их

развития решений. В полной мере Госплан решал перечисленные задачи и применительно к деятельности системы Государственных трудовых резервов по подготовке молодых квалифицированных рабочих кадров. С этой целью использовались не только непосредственные информационно-управленческие связи с самими учреждениями, входившими в систему подготовки квалифицированных рабочих кадров, но и гораздо более масштабный оперативный механизм взаимодействия. В него входили различные структуры – от Центрального статистического управления (ЦСУ), предоставлявшего собранную по своим каналам информацию о состоянии учебных заведений, которая далеко не всегда совпадала с отлакированными отчетными данными системы Государственных трудовых резервов, до аппаратов региональных плановых управлений и уполномоченных представителей Госплана в республиках и областях, принимавших прямое и непосредственное участие в планировании призывных кампаний, организации их проведения и контроле их результатов.

В целом призыв в контингент «рабочей гвардии смены» активно использовался как инструмент пространственного развития страны. Данные о наборе колхозной молодежи в аграрных регионах и переброска на обучение в промышленные в системе Гострудрезервов (1940–1950-е гг.) представлены на примере переброски контингентов в Свердловскую область в таблице (приложение).

Система Государственных трудовых резервов была выстроена под интеграцию идеологических установок и прагматических задач. Идеология диктовала необходимость преодоления культурных различий между городом и деревней, в том числе в сфере профессиональной квалификации. Прагматические задачи требовали переброски трудовых ресурсов в регионы опережающего промышленного развития. Межобластные перевозки призывников интегрировали между собой идеологию и прагматизм. В период Великой Отечественной войны подавляющее большинство учащихся были мобилизованы из сельской местности. В послевоенный период ситуация не изменилась – в 1946–1952 гг. 76 % призывников были из сельской местности.

Идеология провозглашала равенство советских мужчин и женщин. В период войны и острого дефицита мужских (и даже подростковых) рук это служило обоснованием резкой активизации привлечения девушек в учебные заведения. Во время войны женщины состав-

ляли 37 % всех учащихся. Однако условия труда в ряде отраслей подразумевали мужскую силу и выносливость, и система оперативно среагировала на запросы предприятий: с середины 1945 г. и до конца 1952 г. девушки составляли лишь 10 % всех учащихся школ Трудовых резервов. Данный пример отражает типичный для сталинского периода принцип идеологической гибкости: если приоритетные задачи развития страны требовали отступления от жестких идеологических установок, они без лишнего шума допускались.

Не менее значимым для осуществления общегосударственных планов, особенно в годы Великой Отечественной войны, было и внутриучилищное измерение интеграции идеологических и прагматических задач. Повседневная жизнь учащихся едва ли не в большей степени зависела от заместителя директора учебного заведения по воспитательной работе, обладавшего широкими полномочиями в области организации досуга, кружковой деятельности, быта, нежели от директора, фигуры административной. Неслучайно в годы войны областные партийные органы проводили совещания заместителей директоров по политической части, а на директоров воздействовали в случае необходимости через Главное управление трудовых резервов или областное управление.

2.1.3. Начало поиска новых прагматических решений при сохранении идеологических установок. 1946–1953 гг.

Охвативший многие регионы СССР В 1946 г. голод, усилившийся налоговый нажим государства на колхозы, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. о выселении по решению «собраний колхозников» лиц, не вырабатывавших минимум трудодней (затронувший десятки тысяч человек) – все это делало жизнь в учебном заведении Трудовых резервов и рабочую перспективу не худшей из альтернатив для многих подростков. Стране предстояло строить и производить, и в руководстве ГУТР закономерно вызревали планы значительного наращивания системы подготовки рабочих кадров («план Г. И. Зеленко»). Победа над фашистской Германией и ее европейскими сателлитами означала, что на первый план выходили колоссальные по масштабам и сложности задачи восстановления разрушенных войной западных районов страны, перевода хозяйства страны на мирные рельсы, реэвакуации населения, в том числе педагогов и учащихся Гострудрезервов.

Фундаментальное значение имело то, что вызовы, встававшие перед системой подготовки молодых рабочих кадров, невозможно было решить за счет ее механического наращивания. Положение страны качественно усложнялось начавшейся холодной войной, в условиях, когда США не просто создали, но и применили в Хиросиме и Нагасаки оружие принципиально новой разрушительной мощности. Поиск ответов на новые вызовы требовал реализации ряда высокотехнологических проектов, создания новых отраслей промышленности. Создание новой ракетной и космической техники и атомный проект стали серьезными испытаниями не только для советской науки и промышленности, но и для системы подготовки рабочих кадров.

Пункт 19 Постановления Совета министров СССР № 850-330сс «О непредвиденных работах» от 3 марта 1949 г. обязывал «Министерство трудовых резервов (т. Пронина) направить в 1949 г. Первому главному управлению при Совете министров СССР 7000 молодых рабочих, оканчивающих ремесленные училища и школы ФЗО по специальностям, согласованным с Главгорстроем СССР, из которых в счет плана Министерства путей сообщения – 4400 чел., Министерства вооружения – 1000 чел., Министерства авиационной промышленности – 600 чел., Министерства легкой промышленности СССР – 1000 чел.» [3].

Пункт 20 этого Постановления обязывал «Первое главное управление при Совете министров СССР приступить за три месяца до окончания учебного года (с марта 1949 г.) к отбору в вузах и техникумах молодых специалистов, а в ремесленных училищах и школах ФЗО – к отбору и оформлению молодых рабочих, выделяемых Первому главному управлению при Совете министров СССР» [5, с. 253–254].

В системе представлений руководителей хрущевской эпохи о развитии народного хозяйства значительное место также было отведено научно-техническому прогрессу. В специальном майском постановлении, а затем в июле 1955 г. на пленуме ЦК КПСС было заявлено о необходимости ускорения НТП, внедрения в народное хозяйство передового опыта и достижений науки и техники. Тогда же был образован Госкомитет Совета министров СССР по новой технике.

Проблемы в области качества подготовки молодых рабочих кадров, выявленные первыми высокотехнологическими проектами, означали, что дальнейший научно-технический прогресс, распространение механизации и автоматизации промышленного производства будут сдер-

живаться квалификационным качеством советского рабочего класса. В связи с тем, что назревавшая реформа системы Государственных трудовых резервов осуществлялась в условиях начавшейся оттепели, развенчания Н. С. Хрущевым «культы личности» И. В. Сталина, проблема соединения в облике будущего профессионально-технического образования рабочих идеологии и прагматизма становилась весьма сложной.

2.1.4. Прагматическая идеология реформы 1958 г.

Формулировка модернизационных задач развития страны все больше базировалась на утверждениях о возможности за два десятилетия создать материально-техническую базу коммунизма, для чего считалось достаточным обеспечение сплошной электрификации страны, комплексной механизации и массовой автоматизации производств, широкого использования химии и атомной энергии. Сокращение сферы использования неквалифицированного труда означало отмирание многих старых профессий, связанных с ручным трудом. В 1959 г. вместо 2888 профессий Государственный комитет Совета министров СССР по вопросам труда и заработной платы установил 318 новых укрупненных, причем 92 из них являлись сквозными [49, с. 213]. Труд рабочего мыслился властными идеологами все более творческим, предъявляющим новые требования к профессиональной подготовке рабочих.

Начиная с хрущевской эпохи, вера советского руководства в научно-технический прогресс становится фактически квазиидеологией. Заложенные в систему Государственных трудовых резервов компромиссы сталинской эпохи, отходившие от продекларированных В. И. Лениным идеалов политехнического характера образования в пользу текущих задач обеспечения промышленности рабочими кадрами преимущественно средней квалификации (с минимальным или отсутствующим теоретическим обучением), означали, что реформирование системы неизбежно. Отмена мобилизации (1955 г.) в системе Государственных трудовых резервов фактически демонтирует ее опорный механизм – возможность комплектовать контингенты, перемещать их по территории страны, распределять по специальностям подготовки.

XX съезд КПСС объявил главной задачей образования скорейшую политехнизацию средней школы. Н. С. Хрущев заявил, что «необходимо не только ввести в школах преподавание новых предметов, дающих основы знаний по вопросам техники и производства, но и си-

стематически приобщать учащихся к труду на предприятиях, в колхозах и совхозах, на опытных участках и в школьных мастерских» [125, с. 82]. Из последовавших за этим инициатив наиболее смелым является предложение первого секретаря ЦК ВЛКСМ А. Н. Шелепина сохранить общеобразовательной только семилетнюю школу, а старшее звено увеличить на год и превратить, по сути, в аналог профессионально-технического училища. В связи с этим технические училища предполагалось упразднить [23, с. 239–240].

В 1958 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Несмотря на прагматические способы аргументации, Закон в первую очередь является идеологическим документом. Он декларирует, что «советский народ, сплоченный вокруг Коммунистической партии, добился новых исторических побед в развитии промышленности и сельского хозяйства, науки и культуры, в подъеме материального благосостояния трудящихся, осуществил такие грандиозные преобразования, которые дают возможность нашей стране вступить в новый, важнейший период своего развития – период развернутого строительства коммунистического общества» [21].

Далее продекларированы процессы изменения характера трудовой деятельности: «Ускоренное развитие механизации, автоматизации и химизации производства, широкое применение электроники, счетно-решающих устройств, всемерное развитие электрификации и другие достижения науки и техники коренным образом изменяют характер труда. ...Глубочайшим заблуждением является утверждение, что вместе с автоматизацией производства в коммунистическом обществе исчезнет и физический труд. Гигантский технический прогресс будет неизмеримо облегчать физический труд, многие профессии, изнуряющие человека, исчезают и будут исчезать в дальнейшем. Но физический труд сохранится. Гармоническое развитие человека немислимо без физического труда, творческого и радостного, укрепляющего организм, повышающего его жизненные функции» [21].

Идеологический фундамент закона выражен при формулировании основной задачи профессионально-технического образования молодежи, которой была объявлена «планомерная и организованная подготовка для всех отраслей народного хозяйства культурных и технически образованных квалифицированных рабочих и тружеников сель-

ского хозяйства, коммунистическое воспитание учащихся, их идейная закалка, формирование у учащейся молодежи коммунистического отношения к труду» [21].

Различные профтехобразовательные учебные заведения, такие как школы фабрично-заводского обучения, ремесленные, железнодорожные, горнопромышленные, строительные училища и училища механизации сельского хозяйства Трудовых резервов, профтехшколы, школы фабрично-заводского ученичества и другие профессиональные учебные заведения совнархозов и ведомств были преобразованы в профессионально-технические училища. Проблема значительной разницы в сложности подготовки по различным профессиям решалась за счет ранжирования сроков обучения: в дневных и вечерних городских ПТУ – от одного года до трех лет и в сельских – от одного до двух лет.

Отход от мобилизационных принципов построения модели подготовки молодых рабочих кадров закреплен в ст. 15 указанного Закона в форме введения выплаты ученической заработной платы вместо бесплатного обмундирования и питания, а также постепенного перевода профессионально-технических училищ на частичную самооплачиваемость за счет мероприятий по расширению и повышению доходности от их производственной деятельности.

Внедрение Законом 1958 г. в систему подготовки рабочих кадров многих новых явлений свидетельствовало о переходе к практическим задачам, соответствующим снижению уровня использования мобилизационных мер, и значит, изменению самой модели модернизационного развития. Поскольку данные явления явно противоречили идеологическим новациям о начале перехода к коммунистическому обществу, вскоре принимаются решения, призванные внедрить меры пропаганды коммунистических принципов в самую ткань повседневной жизни учебных заведений. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 02.06.1959 г. № 603 «О расширении самообслуживания в общеобразовательных школах, школах-интернатах, детских домах, профессионально-технических училищах, суворовских училищах, в средних специальных и высших учебных заведениях» с целью повышения дисциплинированности, воспитания ответственности за порученное дело, чувства заботы о коллективе, бережного отношения к государственному имуществу, уважения к труду и людям труда содержало целый ряд подобных мер:

«Учащиеся могут, например, участвовать в уборке классов, сажать и выращивать деревья и цветы и ухаживать за живым уголком, следить за сохранностью учебно-наглядных пособий и книг, дежурить по школе, ремонтировать учебно-наглядные пособия, переплетать книги, дежурить в буфетах и столовых, следить за чистотой и благоустройством школьных дворов и спортивных площадок, посильно участвовать в ремонте мебели и школьных зданий. Воспитанники, проживающие в общежитиях, кроме того, должны проводить работу по уборке спален, участвовать в приготовлении и раздаче пищи в столовой, чинить одежду, стирать свои мелкие вещи. <...>

Целесообразно больше использовать труд учащейся молодежи в выращивании картофеля, овощей, ягод, фруктов и других сельскохозяйственных продуктов на пришкольных участках и в подсобных хозяйствах для улучшения питания учащихся в буфетах и столовых школ, других учебных заведений и детских домов» [61].

Оторванная от понимания подлинных процессов развития советского общества, особенно трансформации сознания и ценностей молодежи, лишившаяся поэтому прежнего умения интегрировать с ними идеологические установки, советская идеология все больше превращалась в декоративный элемент реальной жизни. О всеобщем невере в былым идеологическим максимам, о фактической гибели к началу 1980-х гг. советской идеологии как важнейшей предпосылке последующего развала важнейших социально-экономических подсистем и советского государства в целом свидетельствуют очевидцы, представлявшие совершенно разные идейные лагеря. Так, А. Зиновьев писал: «Даже в кругах самих идеологов и партийных деятелей, занятых в идеологии, стали стыдиться апеллировать к идеологии и ссылаться на нее. Появились бесчисленные статьи и книги в рамках идеологии и в около-идеологических сферах, в которых, однако, идеология третиновалась или игнорировалась совсем, в лучшем случае от нее отделялись несколькими ничего не значащими цитатками и упоминаниями. Даже бывшие ярые сталинисты оказались захваченными этой эпидемией, зачастую опережая “новаторов” (из конъюнктурных соображений, конечно). В область идеологии устремились толпы всякого рода “теоретиков”, т. е. неудачников, графоманов и карьеристов из различных наук, которые буквально заповонили идеологию модными идеями и словечками. И все это делалось под соусом творческого

развития марксизма. Причем сами эти творцы в своих узких кругах издевались над развиваемым ими марксизмом. Они воображали, будто делают духовную революцию, лишь в силу необходимости прикрываясь интересами марксизма. На самом деле они ничего другого, кроме безудержного словоблудия, производить не могли. Однако они наносили ущерб идеологии, имея за это награды и похвалы» [27, с. 282]).

Эксцентричный, но вдумчивый писатель, а также заметный российский политический деятель и идеолог в будущем Э. Лимонов утверждал: «Это не железная необходимость экономического кризиса подвинула Горбачева к перестройке, но огромное психологическое давление Запада, его общественного мнения и пропагандистской машины против советской политической системы. Перестройка, по сути дела, есть результат всех психологических “холодных войн”, результат семидесятилетней враждебности Запада к СССР. Плюс сильнейшее давление своего собственного среднего класса – советской буржуазии знания (традиционно прозападно настроенной), желающей власти. К началу 80-х гг. советское общество выработало сильнейший комплекс неполноценности по отношению к западному миру. Ментально советское общество изнемогло, перестало верить в себя, испустило дух уже тогда. Я хочу подчеркнуть, ментально, но не физически» [45, с. 16].

Таким образом, дальнейшая синергия идеологии и прагматических задач развития страны стала невозможной. И, что не менее важно, отрыв советской идеологии от реальных потребностей общества, ее тающая способность формулировать дискурс и оптимально выбирать инструменты реализации прагматических задач освобождали пространство для вызревания в толщах общественных слоев все более мощных ростков иных идеологий – от либеральных до националистических.

2.1.5. Взаимосвязь колебаний идеологических акцентов и прагматических задач с развитием форм подготовки рабочих кадров

В описанной динамике смены моделей интеграции идеологических установок и прагматических задач своей спецификой обладало их соединение в конкретной области развития – подготовке молодых квалифицированных рабочих кадров. Изучение менявшихся на протяжении советского периода приоритетов и динамики модернизаци-

онного развития страны, формировавших вызовы и стимулы соединения идеологических установок с практическими задачами развития, позволяет сделать вывод о том, что каждое фундаментальное изменение идеологических установок или прагматических программ развития в процессе поиска путей их интеграции в области подготовки рабочих кадров неизбежно приводило к формированию новой системы форм такой подготовки.

Переход к НЭПу и допущение ограниченных рыночных отношений в соединении с **прагматической задачей реконструкции разрушенной в годы революции и Гражданской войны промышленности** сформировали систему, включавшую школы ФЗУ как форму подготовки квалифицированных рабочих и специализированные для разных задач профтехкурсы (краткосрочные от 6 до 12 месяцев; курсы повышения квалификации рабочих от 1 до 2 лет; курсы по подготовке мастеров из квалифицированных рабочих от 6 месяцев до 2 лет).

Внесение во второй половине 1920-х гг. в число важнейших идеологических установок **«завершения революции» (ликвидации остававшихся «эксплуататорских классов» – нэпманов и кулаков) и «необходимости построения материально-технической базы социализма»** приводит к созданию системы форм подготовки, включавшей школы ФЗУ и профтехшколы на базе семилетки для подготовки высококвалифицированных рабочих, школы ФЗУ на базе четырехлетки для подготовки квалифицированных рабочих, школы ученичества массовых профессий (ШУМП), а также курсы и базы ЦИТа для подготовки полуквалифицированных рабочих.

Подготовка к назревавшей Второй мировой войне (в том числе понимание стратегической роли железнодорожных перевозок) вызвала к жизни централизованную систему Государственных трудовых резервов, включавшую формы подготовки высококвалифицированных рабочих кадров (РУ и ЖУ с двухгодичным сроком обучения) и подготовки рабочих массовых профессий (с продолжительностью подготовки 6 месяцев).

Начало высокотехнологичных научно-промышленных проектов (атомного, космического, химического и т. д.) привело к осознанию необходимости подготовки высококвалифицированных кадров молодых рабочих и появлению в системе Государственных тру-

довых резервов технических училищ (с 1954 г.). География их размещения была увязана с местонахождением стратегических предприятий, производивших соответствующую высокотехнологическую продукцию.

Попытка смены модели модернизационного развития со снижением мобилизационного давления на общество и провозглашением перехода к коммунизму в обозримом будущем на основе активного использования достижений научно-технического прогресса приводит к формированию нового единого типа профтехобразовательного учебного заведения – ПТУ, на единой образовательной базе восьмилетней школы, при этом сроки обучения различным специальностям варьировались от одного до трех лет.

2.2. Симулякр идеологии и симуляция развития: проблема средних ПТУ как опорного элемента системы профтехобразования. 1960–1980-е гг.

2.2.1. Новые социально-экономические вызовы советской идеологии

За период 1960–1980 гг. расходы государственного бюджета СССР на подготовку молодых рабочих кадров через систему профессионально-технического образования постоянно возрастали: с 600 млн р. в 1960 г. до 840 млн р. в 1965 г., 1313 млн р. в 1970 г., 2092 млн р. в 1975 г., 2686 млн р. в 1980 г. [89, с. 52]. Несмотря на столь значительное увеличение государственных инвестиций в развитие советского профессионально-технического образования в 1960–1980-е гг., исследователи отмечают нарастание в нем ряда кризисных явлений. Среди конкретных проблем роста системы, построенной, по сути, на иных принципах, чем система Государственных трудовых резервов, можно назвать следующие: нарушение единой системы управления в связи с передачей управления учебными заведениями совнархозам, ликвидация в начале 1960-х гг. технических училищ, ориентация училищ по традиции на подготовку рабочих массовых профессий, высокий уровень отсева уже в первый год выпускников с предприятий, куда они направлялись на работу и т. д. В нашем случае интерес представляют проблемы развития профтехобразования, вызванные нараставшим расхождением идеологических установок с реальными принципами функционирования народнохозяйственного комплекса.

Проблемы были связаны не только с самой системой профтехобразования, но и с реальными тенденциями развития советского народного хозяйства. Даже в Москве к началу 1980-х гг. доля рабочих, занятых ручным немеханизированным трудом, составляла около 40 %, средний разряд рабочего колебался от 3-го до 4-го. В ходе каждой из последних пятилеток (в 1969, 1972, 1977, 1984 гг.) неизменно принималось специальное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР по вопросам совершенствования подготовки молодых квалифицированных рабочих в системе профтехобразования.

О том, что такие рассогласования воздействовали на систему профтехобразования и были осознаны достаточно быстро в том числе и учащимися, свидетельствуют различные источники, например, письма на имя Н. С. Хрущева. Так, учащиеся Каменск-Уральского ТУ № 9 писали: «После выпуска мы хотим работать там, где мы принесем большую пользу нашей Родине. Мы хотим отблагодарить трудовыми подвигами свою Родину за то, что она нас обучила специальности. В нашем городе промышленные предприятия обеспечены своими кадрами, а потому в нас не чувствуется необходимости. В связи с этим просим Вас оказать содействие в том, чтобы наш выпуск был всесоюзного значения. Пишем мы Вам это письмо потому, что местные руководящие органы помочь нам не могут...» (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 142. Л. 92).

Представляется, что унифицированные в ПТУ, а затем в СПТУ учебные заведения столкнулись с более фундаментальными проблемами, корни которых лежали в снижении синергетических эффектов от интеграции идеологии и реальных, прагматических задач развития. Это было связано с «омертвлением идеологии», нараставшим процессом все большего отрыва идеологических установок от реальных параметров контингентов учащихся, корпуса педагогов, развития глубинных общественных процессов. Прежде всего, изменилось само «социальное поле» советского профтехобразования в следующих аспектах:

1. Роль системы профтехобразования как социального лифта. Наибольший интерес для осмысления роли отечественного профессионально-технического образования в качестве механизма социальной мобильности представляет динамика социального происхождения пополнений контингентов учащихся. Если в 1921 г. дети рабочих составляли менее половины учащихся профессионально-технических учебных

заведений Екатеринбургской губернии, то в середине 1920-х гг. дети рабочих составляли уже 82,3 % учащихся уральских школ ФЗУ [94, с. 44]. Такая динамика была связана отчасти с идеологически мотивированной политикой «пролетаризации» профтехшколы, выражавшейся в закреплении для детей рабочих в правилах приема в школы ФЗУ и профтехшколы преимуществ при поступлении, отчасти с популярностью этих учебных заведений среди молодежи и наличием конкурса, при котором дети рабочих объективно получали большие шансы, по сравнению с крестьянскими. Конкурс до двух человек на место сохранялся в уральских школах ФЗУ до конца 1920-х гг. только после реформы 1929 г. с падением престижа школ ФЗУ среди молодежи начинает расти доля крестьянских по происхождению пополнений. В 1933 г. среди учащихся школ ФЗУ тяжелой промышленности дети крестьян составляли уже 40,6 % [31, с. 132]. В 1930–1960-х гг. система выступала каналом перемещения из деревни в город, из колхозного крестьянства в рабочий класс. Красноречивые данные приводит социолог Ф. Р. Филиппов: «В 1950 г. доля сельской молодежи составила около 78 % принятых в ПТУ, в 1960 – 61, в 1965 – 58,6, в 1970 – 57,4 %. Возрастание численности рабочего класса и его доли в населении страны обусловило значительное преобладание детей рабочих среди учащихся ПТУ. Это особенно типично для индустриальных районов страны. Так, по данным некоторых выборочных исследований, проведенных в городах Свердловской области, дети рабочих составляли в начале 70-х гг. до 90 % учащихся ПТУ» [97, с. 115].

Особенно важной роль профессионально-технического образования как социального лифта становится с созданием в 1940 г. системы Государственных трудовых резервов и с началом Великой Отечественной войны. В условиях военного времени накопленный опыт борьбы с детской беспризорностью и преступностью оказался весьма ценным. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 сентября 1942 г. освобождались от наказания несовершеннолетние заключенные, осужденные по некоторым преступлениям. Предусматривалась передача из Главного управления исправительно-трудовых лагерей и трудовых колоний в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища 14905 человек. На 1 января 1943 г. в Свердловской области было принято в учебные заведения Государственных трудовых резервов 1791 человек из числа освобождаемой из лагерей моло-

дежи, в том числе 1191 – в школы ФЗО, 600 – в училища (ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 204. Л. 4). 15 июня 1943 г. вышло Постановление СНК СССР № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством», которое несколько смещало акценты государственной политики в вопросе социальной адаптации данных категорий молодежи [62]. Постановление разрешало НКВД СССР организовать в 1943 г. трудовые воспитательные колонии для содержания в них беспризорных и безнадзорных детей, а также детей и подростков, неоднократно замеченных в мелком хулиганстве и других незначительных преступлениях. Пункт 5 данного постановления обязывал Главное управление Трудовых резервов при Совнаркоме СССР передать НКВД СССР по списку, согласованному с последним, часть ремесленных училищ, годных для организации трудовых воспитательных колоний. Одним из крупнейших центров приема перевозимых из других регионов для передачи в учебные заведения Гострудрезервов воспитанников детских домов являлась Свердловская область, причем завоз контингента из детских домов других регионов страны продолжался и в послевоенные годы.

В 1930-е гг. приток крестьянской молодежи в школы ФЗО как социальный лифт был еще малоэффективен вследствие огромного отсева в период обучения, составившего в 1933 г. почти три четверти учащихся [29, с. 503]. Однако в 1940-х – первой половине 1950-х гг. призванная из деревни молодежь попадала в учебное заведение системы с жесткой дисциплиной, собственной формой, похожей на военную, гимном, полностью отражающим на микроуровне господствующую идеологию, и уже в процессе обучения ощущала причастность к интересам государства, его развития, а по завершении обучения пополняла ряды рабочего класса, провозглашенного с 1920-х гг. классом-гегемоном. Но уже в 1970-е гг. поступающие в ПТУ обнаруживали себя в обычном учебном заведении для не слишком способных сверстников. Вместо образа «рабочей гвардии смены» предлагалось ощущение себя сознательным строителем коммунистического общества, то есть таким же, как те, кто учатся в школе или в вузе. Никаких социальных синергетических эффектов от интеграции идеологии и прагматизма при таком вертикальном перемещении не возникало, отсутствовали даже символические (например, в виде красивой полувоенной формы) инструменты новой социальной самоидентификации.

2. Культурно-образовательный уровень молодежи, спектр ее интересов, ценностей и идеалов. Выдающийся советский педагог В. А. Сухомлинский (1918–1970), создавший новые методики воспитания на основе богатейшего опыта практической педагогической деятельности в сельской школе, альфой и омегой своей педагогической веры называл глубокую веру в то, что человек таков, каково его представление о счастье [90]. Это представление неразрывно связано с идеалами, формируемыми в семье и в процессе обучения. Формирование идеалов в значительной мере определяется идеологией, составляющей основу мировоззрения. Эти постулаты В. А. Сухомлинского в полной мере относятся и к профессионально-техническому образованию, которое формировало человека с определенными идеалами, и, согласно принципу обратной связи, в значительной степени определялось результатами такого формирования.

Характерной чертой профтехобразовательной подготовки молодежи в 1920-е гг. являлась ее значительная общеобразовательная направленность. Школа ФЗУ, дававшая наряду с профессиональной подготовкой образование в объеме семилетней школы, неслучайно была названа Н. К. Крупской «больше общеобразовательной, чем профессиональной школой». В ходе реформы 1933 г. был произведен перевод школ ФЗУ на 6-месячный срок обучения на базе 4-летней общеобразовательной школы. Большинство поступавших (2/3) в школы ФЗУ в годы второй пятилетки имели образование ниже семи групп общеобразовательной школы [69, с. 184]. Малограмотные подростки, осваивая в числе общеобразовательных дисциплин обществоведение, впитывали определенный партийными идеологическими установками спектр мировоззренческих принципов: основы марксизма, трактовки событий и процессов советских лет истории, линии партии и т. д. Закреплению данного материала способствовала деятельность политических кружков, которыми была охвачена большая часть учащихся. Идеологические установки и основанные на них конкретные прагматические задачи развития, возникавшие на их пути трудности, без какой-либо отсрочки транслировались населению (в том числе профтеховцам) через газеты, журналы, радио, должны были находить выражение во всех формах творческой деятельности. Красноречива в этом смысле карикатура художника А. Храповского в популярном журнале «Крокодил» № 26, 1931 г., иллюстрировавшая диалог: «— Что у тебя

с Васильевым произошло... Почему ты с ним не разговариваешь?.. – Между нами не может быть ничего общего. Я – служитель чистого, святого искусства, а он, представь себе, даже газеты читает...» [40].

Создание системы Государственных трудовых резервов привело к изменению общеобразовательной базы новых пополнений. Ремесленные и железнодорожные училища комплектовались из выпускников начальной школы, в школы ФЗО молодежь принималась без учета уровня общего образования. Причем теоретическое обучение в школах ФЗО учебными планами не предусматривалось и было введено только в 1943 г. приказом начальника ГУТР П. Г. Москатова. При этом большое внимание трансляции идеологических установок учащимся уделялось системой. Введение должности заместителя директора по политическому воспитанию, регулярное проведение при участии областных партийных руководителей областных совещаний заместителей директоров, постоянная выработка новых форм просвещения и политического воспитания и обмен опытом в этой области, активная работа кружков самодеятельности с соответствующим репертуаром составляли видимые контуры такой трансляции. Еще важнее то, что живое соединение идеологических установок с учебно-производственными задачами развития обеспечивалось патриотическим стремлением учащихся помочь фронту, обеспечившим широкое развитие инициативы, движения тысячников, фронтовых комсомольско-молодежных бригад, соцсоревнования и т. д. В послевоенный период поддержку энтузиазма «снизу» обеспечивало активное участие трудрезервовцев в восстановлении разрушенного войной хозяйства, в том числе в западных районах СССР.

В ходе реформы профтехшколы, начатой в соответствии с законом 1958 г. для профессионально-технического обучения молодежи, идущей на производство после окончания восьмилетней школы, образовывались городские и сельские профессионально-технические училища. Конечно, достичь необходимой общеобразовательной базы удалось не сразу. Например, согласно данным докладной записки к статистическому отчету по форме 11 об итогах учебной работы СПТУ № 4 Свердловской области за 1963/64 уч. г., «в училище обучались 261 человек, из них 86 женщин... Состав учащихся по образованию 4–6 классов – 33 человека, 7 кл. – 130 чел., 8 кл. – 40 чел., 10 кл. – 5 чел.» (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 669. Л. 65). Однако общеобразовательный

уровень новых пополнений неуклонно рос, и в этот период происходит заметное изменение в настроениях советской молодежи, осознававшееся руководством партии, ВЛКСМ и руководителями профтехобразования.

3. Автоматизация производства. Социология (прежде всего западная) давно констатирует, что уменьшение со второй половины XX в. расхода физической энергии в труде и растущая роль образования привели к расслоению класса наемных рабочих на «синих» и «белых воротничков». «Белые воротнички», или «работники интеллектуального труда» (knowledge-worker), демонстрировали более высокий уровень образования, чем пролетариат XIX века, наличие собственного мнения по каждому вопросу, индифферентность к идеологическому воздействию марксистских партий. В отличие от «рабочих традиционных индустриальных профессий», или «синих воротничков», «белые воротнички» идентифицировали себя, скорее, с профессией, нежели с классом, конкретной организацией или рабочим местом. Им была присуща значительная социальная мобильность.

Со второй половины XX в. вследствие автоматизации производства расход физической энергии снижался не только в процессе труда рабочего, но во время обучения рабочей профессии. Учащийся ПТУ меньше уставал, чем его предшественники, и обладал значительно большим массивом свободного времени. При этом возникла внешне парадоксальная ситуация: если много и тяжело трудившиеся учащиеся школ ФЗУ или учебных заведений Гострудрезервов активно и добровольно участвовали в разнообразных физкультурных секциях и кружках самодеятельности, учащиеся ПТУ в силу значительно большей свободы были гораздо более склонны к асоциальным и преступным проявлениям.

Об этом прямо свидетельствуют различные источники. Так, на совместной коллегии Управления охраны общественного порядка Свердловского облисполкома и методического совета Областного управления профтехобразования 3 апреля 1968 г. отмечалось, что «уровень преступности и правонарушений среди учащихся технических училищ, ГПТУ и сельских училищ профтехобразования области остается чрезвычайно высоким.

Среди несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности в 1967 году, учащиеся профтехучилищ составили 16,9 %,

среди привлеченных за мелкое хулиганство – 13,% и среди доставленных в вытрезвитель – 15,2 %. Удельный вес преступности среди данной категории лиц в три раза выше относительного уровня преступности в целом по области из расчета на 10 000 населения» (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 2. Д. 35. Л. 234–236).

Интерес представляет как верное понимание участниками коллегии фактора значительного свободного времени, которым теперь располагали учащиеся, так и характерный для периода 1960–1980-х гг. отрыв от реальности в представлениях о возможности решения проблемы и упор на недостижимый на практике уровень осуществления мер надзора и контроля:

«Методический совет и Коллегия считают, что главной причиной высокой преступности среди учащихся профтехучилищ является неудовлетворительное состояние воспитательной и профилактической работы, отсутствие должного контроля и надзора на ними в нерабочее время... Руководители училищ, педагогические коллективы... не обеспечивают планомерной индивидуальной воспитательной работы и действенного круглосуточного контроля и надзора за теми подростками, которые известны своей склонностью к правонарушениям и действиям уголовного характера» (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 2. Д. 35. Л. 234–236).

4. Содержание учебных программ. Если на прежних этапах преподавать вполне могли приглашенные (командированные) выпускники технических учебных заведений, а с функционалом мастеров производственного обучения более-менее справлялись выпускники созданных с 1943 г. техникумов ПТО, то теперь *обострилась проблема педагогических кадров.*

Статья 18 закона 1958 г. гласила: «Перестройка системы профессионально-технического образования предъявляет новые повышенные требования к уровню технической, идейно-политической и педагогической подготовки мастеров производственного обучения и преподавателей профессионально-технических училищ. Развитие сети этих училищ вызовет увеличение потребности в мастерах и преподавателях. Поэтому необходимо уделить больше внимания подготовке этих кадров в техникумах и высших учебных заведениях» [21].

До 1978 г. в профессионально-технических училищах использовалось огромное количество различных по объему, структуре и содер-

жанию учебных планов и других учебно-программных документов, объем занятий доходил до 48–50 учебных часов в неделю. Введение с 1978 г. новых планов и программ обосновывалось преимущественно идеологически – необходимостью привести программы в соответствие с требованиями социально-экономического и научно-технического прогресса [11, с. 30].

В действительности существовала острая проблема не только с учебными планами и программами, но также и с качеством и количеством педагогических кадров профтехобразования. В связи с увеличением контингента учащихся и значительной текучестью кадров потребность учебных заведений в преподавателях и в мастерах производственного обучения оставалась стабильно большой, а уровень текучести педагогических кадров – высоким. Согласно данным отчета Свердловского областного управления ПТО о проделанной работе с педагогическими кадрами в 1977 г.: «Не хватает 158 мастеров (включая вторых мастеров на группы сложных профессий). ...Принятые меры весьма незначительно сократили текучесть инженерно-педагогических кадров (17,8 % в 1976 г. и 17,2 % в 1977 г.). В 1977 г. сменилось 14 директоров. Выбыло 26 заместителей по УПР, 20 заместителей по УВР» (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 2. Д. 164. Л. 12–18).

В 1977 г. выбыло «57 молодых специалистов: по уважительным причинам – 46 чел., самовольно оставили работу 5 чел. и освобождены за нарушения трудовой дисциплины 6 чел.». Среди основных причин выбытия называются «трудности работы с молодежью, повышение требований учебно-воспитательного характера, порой неразборчивый подход к подбору педагогических кадров и недостаток жилой площади» (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 2. Д. 164. Л. 12–18).

Становилось все более очевидно, что идеологические установки о способах построения коммунизма, сохранявшие в 1960–1980-е гг. в качестве неизменного элемента опоры на достижения научно-технического прогресса в развитии промышленности и соответствующие резолюции съездов КПСС, столь же стабильно требовавшие в области профессионально-технического образования совершенствования подготовки педагогических кадров при сохранении прежних форм подготовки, в полном объеме не реализуемы. К началу 1976 г. специалистов для профтехшколы готовили уже 22 вуза страны по пяти специальностям: машиностроение, строительство, электроэнергетика, горное дело, сель-

ское хозяйство. Как правило, на открываемые инженерно-педагогические специальности ежегодный прием не превышал 25–30 человек. Как справедливо отметил известный уральский исследователь А. А. Сердюков: «При таком ограниченном контингенте студентов практически невозможно было серьезно решать многие задачи: создание необходимой учебно-материальной базы, привлечение профессоров и доцентов, развертывание научных исследований по проблемам инженерно-педагогического образования. А без этого трудно было рассчитывать на высокий уровень подготовки инженеров-педагогов» [80, с. 43]. Острота данной проблемы только увеличивалась: в 1979 г. инженеры-педагоги для профтехучилищ страны готовились уже в 34 вузах [84, с. 75].

Высшее руководство страны было хорошо информировано о состоянии корпуса педагогов профтехобразования, однако истинное положение дел признавалось в выступлениях руководителей уровня членов Политбюро ЦК КПСС лишь во время «наведения порядка» при Ю. В. Андропове. В качестве примера можно привести выступление члена Политбюро, первого заместителя председателя Совета министров СССР Г. А. Алиева на расширенном заседании Коллегии Госпрофобра СССР 5 августа 1983 г. (ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 6. Д. 2285. Л. 65).

Тупиковость прежних форм подготовки педагогических кадров для профтехучилищ обусловила необходимость создания вузов в самой системе профессионально-технического образования. Первый такой вуз – Свердловский инженерно-педагогический институт, основанный в 1979 г., дает начало прорывному развитию данного направления. С открытием в 1981 г. в СИПИ заочного отделения активизировалась деятельность по обучению кадров, уже работавших в профтехобразовании. В 1981 г. из учебных заведений Свердловского областного управления профтехобразования на заочное отделение СИПИ поступили 173 инженерно-педагогических работника (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 2. Д. 164. Л. 2). С учетом того, что только в Свердловской области в 1981 г. в училищах не хватало 480 мастеров (из них 258 вторых мастеров) и 62 преподавателей, большая работа предстояла и дневному отделению СИПИ (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 2. Д. 164. Л. 2). Позже потенциал, заложенный в высшем инженерно-педагогическом образовании, проявился еще сильнее.

Перестройка М. С. Горбачева, переход к стратегии ускорения социально-экономического развития страны вызвали к жизни одну из по-

следних попыток интеграции идеологии и прагматизма, давшую огромный синергетический эффект. Это сыграло особенно важную роль в выживании системы подготовки рабочих кадров в условиях радикальных экономических реформ и изменений в системе управления профессиональным образованием в 1990-е гг. Добавим, что это явилось потенциальным спасением для будущего отечественного профессионального образования в наши дни.

Возникшее из стремления решить кадровую проблему системы профтехобразования, его значительного усложнения с развитием СПТУ, высшее инженерно-педагогическое образование получает новое качество развития. Приказом председателя Государственного комитета по народному образованию Г. А. Ягодина от 18.09.1987 г. № 650 было создано Учебно-методическое объединение по инженерно-педагогическим специальностям. Председателем Совета УМО был назначен ректор Свердловского инженерно-педагогического института Е. В. Ткаченко. По сути, СИПИ, ставший ведущим вузом страны в области инженерно-педагогического образования, превратился в экспериментальную лабораторию. В его стенах к 1992 г. разработано, утверждено и внедрено 12 экспериментальных учебных планов, подготовлено 27 учебных программ, создан Центр новых информационных технологий обучения в профтехобразовании и т. д. Ныне РГППУ (преемник СИПИ – УГППУ) остается ведущим профессионально-педагогическим вузом страны, научно-методическим центром профессионально-педагогического образования.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что гипотеза нашего исследования, основанная на тезисе А. А. Зиновьева, подтвердилась в ходе изучения важнейших социальных изменений, связанных с процессами развития системы подготовки молодых квалифицированных рабочих кадров. Советская идеология (в сталинском изводе) действительно прорастала в саму ткань развития советского общества в виде системы работавших социальных лифтов, происходивших тектонических изменений в структуре общества и культурного уровня масс. Любая революция конечна и заканчивается переходом к фазе эволюционного развития. Изучение частного, но важного элемента советского развития как системы показывает, что именно здесь советская идеология как источник развития потерпела поражение.

Еще в XIX в. российское общество выработало собственный вариант догоняющего развития, заключавшийся в чередовании периодов реформ и контрреформ, не отрицавших принципиально, но ограничивавших в определенных сферах проведенные изменения. Переход в 1921 г. к новой экономической политике – не что иное, как такой период передышки после масштабного политического (смена режима) и социального (ликвидация классов помещиков и капиталистов) переструктурирования. Гигантский рывок в развитии в 1930-е гг., перенапряжение военных лет и периода послевоенного восстановления страны объективно требовали от послесталинского правления точечной корректировки задач развития, переводящей революционные изменения предшествующих десятилетий в этап более спокойного эволюционного движения. В этом смысле стране нужен был новый «Ленин» для нахождения контуров нового «НЭПа». Вместо этого Н. С. Хрущев, сам того не понимая, нанес удар самой советской идеологии, разрушив не столько культ личности, сколько веру во все партийное руководство. В силу подмеченной А. А. Зиновьевым специфики советской идеологии этот удар неизбежно дезорганизовал само развитие общества, вызвав нарастание кризиса во всех важнейших его элементах. Поддержка снизу была утрачена, строить абстрактный коммунизм без внятных чертежей вскоре фактически отказалось и партийное руководство, провозгласив концепцию вступления советского общества в этап развитого социализма.

В итоге реализация потенциалов, которые послесталинское общество в себе несло и вполне осознавало, стала невозможной. Новый уровень культурного развития масс, советской науки и промышленности, открывавшиеся перспективы научно-технической революции при высоком уровне веры руководства страны и масс в научно-технический прогресс могли послужить основой для перевода советского развития в новое качество. Требовалась лишь перенастройка отработавших свою роль социальных лифтов, в том числе образовательных, вышедших на первый план после завершения процессов классового структурирования и по мере завершения перемещения населения из деревни в город.

Высшее образование еще несколько десятилетий имело высокий престиж, несмотря на то, что инженер, учитель и врач по своему статусу и условиям жизни в советский период были далеки от уровня

сталинских стахановцев, летчиков, писателей. Стратегическое значение приобретало развитие имевшихся форм подготовки высококвалифицированных рабочих кадров, начало которому могли положить возникшие в 1954 г. и восстановленные в 1966 г. технические училища и даже созданные реформой 1958 г. «полу-школьные» СПТУ. Результатом данного развития могла стать *идея массового высшего рабочего образования*, впоследствии разрабатывавшаяся в УГППУ (ныне РГППУ) академиком Г. М. Романцевым. Однако в условиях стихийного рыночного развития 1990-х и начала 2000-х гг. эта идея осталась, по сути, непонятой. Между тем идея высшего рабочего образования строилась ученым и практиком Г. М. Романцевым на логике развития системы подготовки педагогических кадров для учебных заведений по подготовке рабочих кадров. И создание системы высшего инженерно-педагогического образования, вопрос о необходимости которого уже тогда постоянно ставили практики профессионально-технической школы, являлось бы и в 1960–1970-е гг. первым и неизбежным шагом на пути к высшему рабочему образованию. Повышение качества подготовки рабочих кадров, развитие их способностей к внедрению и созданию инноваций, несомненно, послужило бы более надежной предпосылкой ускорения технологического прогресса в промышленности, чем приобретение комплектного оборудования отдельных предприятий на Западе (например, ВАЗа) или экстенсивных проектов тиражирования устаревших технологий (например, в виде развития ТПК).

Такое соединение высшего и высшего рабочего образования в новом проекте развития социальных лифтов, возникновение общества инженеров в самом широком смысле (исследователей, конструкторов, производственников, социальных инженеров) вновь превратили бы советскую идеологию в живой источник развития, предоставляющий каждому равные возможности полного раскрытия своих способностей и достижения достойного положения в обществе. Для этого от руководства страны требовалось реалистичное понимание роли идеологии в советском развитии, позволяющей соотносить текущее состояние общества с народными идеалами, интегрировать разнонаправленные интересы, возвышать общие задачи над ведомственными интересами. При этом коммунизм, если бы и не был построен, то его привлекательные целевые показатели точно стали бы ближе.

2.2.2. Средства пропаганды и агитации в учебном заведении

Новые социально-экономические вызовы, описанные выше, не позволяли идеологической машине КПСС, начиная с хрущевской «оттепели», работать в полную силу, как это происходило в довоенный и военный периоды, первые послевоенные годы. На съезде ВЛКСМ в апреле 1958 г. Н. С. Хрущев, говоря о важности трудового воспитания, заявлял: «Самое главное в этом деле – надо дать лозунг и чтобы этот лозунг был священным для всех в нашем обществе» [101]. Однако хрущевские идеи броска в коммунизм и одновременно «возвращения к ленинизму» как священному образцу, принимавшие формы организации бесплатных показов для учащихся кинофильмов «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Депутат Балтики» (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 803. Л. 75) и т. д., не были связаны не только с интересами учащихся, но и с актуальными задачами развития страны. Очевидно, что была утрачена эффективная увязка идеологических установок с ежедневным информационным обеспечением, заключавшаяся в постоянном наполнении идеологической работы конкретными фактами все новых одержанных под ее знаменами побед, построенных заводов, электростанций, городов, покоренных далей, взятых высот (например, вспомним движение «Синяя Блуза» 1920-х гг., реализующее принцип «Утром в газете, вечером в куплете»). Пропагандистская практика продолжала делать упор на беззаветный энтузиазм, уважение к физическому труду, в то же время вынужденно (хоть и экстенсивно) усиливая попытки идеологического диктата, контроля над всеми формами духовной жизни при помощи устаревшего инструментария, вопреки призывам к демократизации. Чем сильнее становился такой «омертвевший» идеологический диктат, тем большее сопротивление он вызывал в среде молодежи.

Наряду с содержательными формами, не менее значимыми для понимания проблематичности интеграции идеологии и прагматических задач в 1950–1980-е гг. являются и собственно языковые формы, характерные для позднесоветской идеологии. В предшествующие периоды идеологический язык базировался на приоритете буквального смысла авторитетно-властных предписаний или иных произведений, носивших идеологические смыслы (именно поэтому И. В. Сталин лично и тщательно редактировал книги по истории, научные статьи, художественные тексты и т. д.). «Однако позже, в период позднего социа-

лизма, когда авторитетный дискурс пережил перформативный сдвиг, эта изначальная цель была потеряна. Теперь констатирующий смысл высказываний на авторитетном языке стал относительно неважен и у них появилась новая функция, заключающаяся не в представлении спорных фактов в виде неоспоримой истины, а в создании ощущения того, что именно такое описание реальности, и никакое иное, является единственно возможным и неизменным, хотя и не обязательно верным» [110, с. 161].

Утрата связи идеологических установок партийно-государственного руководства с жизнью при их трансляции по уровням идеологического аппарата приводила к стандартизации содержания и форм идеологических установок на низовом уровне. Однотипные лозунги, плакаты, транспаранты старательно избегали любых отклонений и отражения местной проблемной специфики.

Ярким примером подобной стандартизации служит официальное издание, выпущенное по заказу Трудовых резервов – фотоальбом «Золотые руки» [28]. Приведем отрывок:

«В простых словах “знать и уметь” заложен глубокий смысл. Знать и уметь – это краткая формулировка, раскрывающая существо принципа обучения молодых рабочих в системе государственных трудовых резервов СССР.

В чем же заключается этот принцип, в чем его сила?

А сила его заключается в том, что юноша или девушка – будущий металлург или горняк, связист или текстильщик, механизатор сельского хозяйства или мастер художественного литья – с первых же дней пребывания в стенах учебного заведения наряду с получением теоретических знаний приобретает практические навыки, приучается работать квалифицированно, творчески.

Основой производственного обучения и коммунистического воспитания учащихся является производительный труд. Познавая тайны профессии, овладевая мастерством, изготавливая в своих производственных мастерских нужную народному хозяйству продукцию, воспитанники трудовых резервов уже со школьной скамьи приучаются жить общенародными интересами, воспитывают в себе такие важнейшие качества, как трудолюбие, бережное отношение к социалистической собственности, инициативу.

Для решения столь важных задач, поставленных перед трудовыми резервами СССР, советское правительство оказало училищам и шко-

лам громадную помощь. Вспомним, что училищам и школам в свое время было передано свыше 2000 зданий, 20 000 современных станков и много другого оборудования.

Тысячи квалифицированных рабочих, мастеров производства, новаторов пришли в учебные заведения трудовых резервов, стали воспитателями, преподавателями и мастерами производственного обучения.

Воспитанные ими люди трудятся ныне в советской промышленности и сельском хозяйстве. Многие из них сами, накопив богатый трудовой опыт, передают его теперь молодежи, пришедшей в училища и школы.

Воспитанники государственных трудовых резервов – это знающие дело, квалифицированные рабочие, это – умеющие творчески трудиться люди, это – достойное пополнение рабочего класса нашей великой Родины» (вкладка, рис. 1, 2).

«Колоссальны запасы каменного угля в Советской стране (вкладка, рис. 3). Для работы на современной шахте нужны большие знания, умение владеть сложнейшей техникой. Шахтеров разных специальностей готовят учебные заведения государственных трудовых резервов» [28].

«На смену дедовским плотничьим инструментам пришли электрорубанок, электродрель, электродолбежник...» (вкладка, рис. 4) [28].

«Технический прогресс немыслим без систематического повышения квалификации рабочих, чем больше совершенствуется техника социалистических предприятий и сельского хозяйства, тем больше возрастает потребность в рабочих с широким кругозором и высокой технической подготовкой» (вкладка, рис. 5) [28, с. 188].

«Передовой рабочий в стране социализма должен не только хорошо овладеть своей профессией, уметь хорошо работать. Быть передовым рабочим – значит познать достижения социалистической культуры, содействовать ее процветанию» [28, с. 201].

«Потому то Коммунистическая партия и советское правительство создают условия для всестороннего развития будущих молодых рабочих, для максимального расширения их культурно-политического и технического кругозора. В этом большом, благородном деле видная роль принадлежит Ленинскому комсомолу» (вкладка, рис. 6–11) [28, с. 201].

«С большим увлечением занимаются учащиеся спортом» (вкладка, рис. 12) [28].

«Взгляни на карту нашей Родины. На ней ты найдешь тысячи названий городов, рабочих поселков. И всюду, где кипит труд, где с конвейеров сходят машины, где бурят скважины, где собирают хлеб, где проносятся локомотивы, где создаются художественные изделия, украшающие наш быт, где возводятся дома – всюду на вахте воспитанники трудовых резервов» (вкладка, рис. 13–15) [28, с. 239].

При заметной утрате способности советского идеологического аппарата к творческому соединению, в частности, в области подготовки молодых рабочих кадров идеологических принципов с прагматическими задачами развития и вызванной этим постоянной потере способности реального воздействия на советскую учащуюся молодежь, в 1950–1980-е гг. она обретает новое «внешнее приложение», вызванное к жизни тем, что в конце 1950-х гг. на политической карте Африки стали появляться независимые государства, а 1960-й г. был объявлен Годом Африки в связи с освобождением еще 17 государств.

Советские идеологические работники разрабатывали адаптированный вариант «коммунистического» будущего для освободившихся стран, оформившийся в виде теорий «некапиталистического развития» и «социалистической ориентации» [34, с. 24]. Центральной проблемой адаптации стал вопрос об отсутствии в Тропической Африке рабочего класса – неотъемлемого атрибута социализма. Несмотря на то, что в большинстве молодых стран Африки не было рабочего класса, в условиях холодной войны не могло быть и речи о том, чтобы дожидаться момента, когда он возникнет естественным путем.

В связи с этим, помимо военных специалистов, работников спецслужб и дипломатов, в Африку командировались и работники профессионально-технического образования, направлялись значительные партии учебного оборудования. В Алжирской Народной Демократической Республике, например, трудился мастер производственного обучения товарищ Костоусов. Для обеспечения необходимой материальной базы учащиеся ГПТУ № 1 г. Свердловска изготовили и отправили для учебного центра в Алжире 400 слесарных верстаков. Трагическая судьба Патриса Лумумбы, превращенного советской идеологией в одного из центральных героических образов антиколониализма, обусловила значительный интерес к судьбе Конго.

Неслучайно на выпущенной в 1964 г. марке «Профессионально-техническое обучение» заметны отдельные элементы герба советских Государственных трудовых резервов (вкладка, рис. 16). Результаты попыток

форсированного становления новых моделей в африканских странах, как и попыток использования неадаптированного советского опыта в области профессионально-технического образования, хорошо известны.

2.2.3. Литература как идеологический механизм: литература о профессионально-техническом образовании и литература для профтеховцев

Изменение идеалов и настроений молодых профтеховцев нашло отражение в советской литературе и кинематографе, которые рассматривались крупнейшими советскими идеологами в качестве важнейших инструментов формирования нового общества (от ленинского «из всех искусств для нас важнейшим является кино» до сталинского «вы — инженеры человеческих душ», адресованного советским писателям). Роль литературы в формировании образа профтеховца многомерна.

Одним из ее измерений являлось целенаправленное ориентирование учащихся на ознакомление со специально отобранным кругом литературных произведений. Как отмечалось выше, в период существования системы Государственных трудовых резервов (1940–1950-е гг.) на смену «самодеятельно-внутриучилищной» (1920-е гг.) и «ведомственной» (1930-е гг.) моделям, пришла «образовательно-бюрократическая» модель интеграции идеологии и прагматизма в профессионально-образовательной сфере. Такая модель в области идейно-политического воспитания учащихся позволяла перейти от решения текущих задач к планомерному централизованному и долгосрочному формированию «рабочей гвардии смены», что выражалось, в частности, в разработке технологий управляемой социализации (исследуются в гл. 3 монографии). Рассмотрим в качестве примера одну из таких долгосрочных технологий — формирование морально-нравственных идеалов и идейно-политических убеждений посредством специально подбираемого круга чтения профтеховцев.

В 1946 г. было создано Всесоюзное учебно-педагогическое издательство «Трудрезервиздат» Министерства трудовых резервов СССР. В 1959–1963 гг. издательство было переименовано в «Профтехиздат» Госкомитета Совета министров СССР по профтехобразованию; в 1963 г. «Профтехиздат» прекратил свое существование, присоединившись к издательству «Высшая школа» Министерства высшего и среднего специального образования СССР. В год основания издательством был выпущен рекомендательный список художественной литературы для

учащихся ремесленных и железнодорожных училищ, который содержал перечень рекомендуемой литературы [52]. Исследование данного списка позволило проанализировать сюжеты и характеры основных героев с целью выявления формируемых у читателя идейных и морально-нравственных ориентиров, отражавших направление идейно-нравственного воспитания «рабочей гвардии смены».

При всей сложности интерпретации данных рекомендательного списка художественной литературы, он, безусловно, является ценнейшим источником при изучении приоритетов воспитательной работы в системе Государственных трудовых резервов. Прежде всего, сложность представляет наличие в списке сборников, составленных в разное время, причем мотивы объединения произведений в сборник, очевидно, никак не были связаны с Гострудрезервами. Исключив 35 сборников, рассматриваем 446 произведений из указанного списка. Выделение идейной и морально-нравственной направленности произведений, ее выражение в виде отдельных порицаемых или одобряемых авторами произведений качеств личности неизбежно подвержены определенной доле субъективизма. Однако, учитывая большое количество проанализированных произведений, можно утверждать, что общие приоритеты, заложенные в содержание списка его составителем, выявлены нами достаточно точно.

Полученные результаты сведены в таблицы, исходя из частоты встречаемости того или иного признака в списке. В итоге формируемые произведениями качества были разделены на две разновидности – одобряемые и порицаемые. Одобряемые качества были разделены на 3 группы по частоте встречаемости (сверхзначимые встречаются свыше 50 раз; значимые – от 20 до 50; средней значимости от 5 до 19 раз) (табл. 1–3). Частота порицаемых качеств, встречающихся в произведениях из указанного списка, представлена в табл. 4.

Таблица 1

Сверхзначимые одобряемые качества

Формируемое качество	Встречаемость в произведениях списка
Доброта	104
Храбрость (отважность)	94
Смелость (решительность)	78
Честность	62
Искренность	60
Верность (преданность)	55

Таблица 2

Значимые одобряемые качества

Формируемое качество	Встречаемость в произведениях списка
Патриотизм	43
Стойкость (непоколебимость)	30
Целеустремленность	29
Трудолюбие	26
Принципиальность	25
Мужественность	23
Человечность (гуманизм)	23
Отзывчивость	20

Таблица 3

Одобряемые качества средней значимости

Формируемое качество	Встречаемость в произведениях списка
Справедливость	19
Настойчивость (упорство)	17
Ответственность	15
Рассудительность	15
Милосердие (сострадание)	15
Свободолюбие	14
Сила духа (воли)	13
Оптимистичность (жизнерадостность)	13
Благородство	12
Сообразительность	11
Ум	10
Самоотверженность	10
Уверенность	9
Гордость	8
Любовь	8
Чувство собственного достоинства	7
Мудрость	6
Смышленость	5
Самообладание	5
Терпение	5

Таблица 4

Порицаемые качества

Формируемое качество	Встречаемость в произведениях списка
Эгоизм	28
Глупость	20
Жестокость (бессердечность, бесчеловечность)	16
Трусость (пугливость, робость, неуверенность)	11
Жадность (алчность, корыстность)	10
Невежество	9
Несправедливость (придирчивость)	9
Легкомыслие (ограниченность)	8
Высокомерие (надменность)	7
Безответственность	6
Безнравственность (аморальность)	6
Лживость	4
Азартность	4
Доверчивость (наивность)	4
Мстительность	3
Самонадеянность (беспечность, неорганизованность)	3
Честолюбие	3
Лень	3
Смирение (слабость)	3
Уныние	3
Мечтательность	3
Рассеянность	2
Равнодушие	2
Недальновидность	2
Тщеславие	2
Лицемерие	2
Тщеславие	2
Несамостоятельность	2
Беспринципность	2
Горделивость (самодовольство)	2
Слабость	2

Анализ полученных данных показывает, что в списке рекомендованной для учащихся училищ системы Государственных трудовых резервов художественной литературы положительные герои и качества явно преобладают. Интересно также, что литература подобрана настолько умело, что частота присутствия в произведениях конкретных положительных качеств фактически коррелируется с частотой присутствия со-

ответствующих им, антагонистичных им, отрицательных. Среди встречающихся в данных произведениях героев и сюжетов находятся на первых местах, те, которые олицетворяют доброту (среди отрицательных – эгоизм), далее (по встречаемости) – смелость, храбрость, решительность, отважность, среди отрицательных – глупость, жестокость, трусость.

Помимо самих произведений, огромный интерес нередко представляют вступительные статьи, задающие молодым профтеховцам «правильные» рамки восприятия произведений. Например, в предисловии к «Робинзону Крузо» Д. Дефо К. И. Чуковский представляет главного героя не переживающим драму вынужденного одиночества, борющимся с постоянными приступами отчаяния человеком (как это сделано в переводе 1902 г. М. Шишмаревой), но бодрым и энергичным покорителем природы, ремесленником, строителем, крестьянином, оптимистом, верящим в собственные силы и смеющимся над нелепыми церковными догматами.

Другим измерением воздействия литературы являлось создание художественного образа учащегося профессионально-технического образования. Литература 1940–1950-х гг. создает однозначно идеологически выверенный образ профтеховца, например, в отрывке стихотворения «Данила Кузьмич» С. Михалкова:

В большой, не по росту, казенной тужурке,
В огромной ушанке из кроличьей шкурки,
В таких сапожищах, что я испугался,
Стоял человек и мне улыбался.
– Как звать? – я спросил.
«По работе кто знает, –
Ответил малыш, – Кузьмичом называет.
Смирновым Кузьмой был покойный папаша,
Данила Кузьмич – будет прозвище наше».
– А сколько вам лет? – я спросил у Смирнова.
«Четырнадцать минуло двадцать восьмого», –
Серdito ответил он басом солидным
(Должно быть, вопрос показался обидным).
– Да ты не сердись!
– А чего мне сердиться!
Кузьмич отмахнулся большой рукавицей. –
– Таких-то немало у нас на заводе.
И ростом другие поменее вроде!..

...

И я за работой увидел Смирнова.
И понял я, что никакой Буратино
Не смог бы стоять возле этой машины.
И что никакие волшебники-гномы,
Которые людям по сказкам знакомы,
Которые силой чудесной владеют,
Творить чудеса, как Смирнов, не сумеют.
И я, человек выше среднего роста,
Себя вдруг почувствовал карликом просто.

Прославим же юного мастерового:
Ткача, маляра, кузнеца и портного,
Сапожника, токаря и столяра.
Даниле Смирнову и прочим – «УРА!»

Еще одним примером может служить произведение С. Я. Маршака «Веселое путешествие от А до Я» [50]. Причем первоначальная редакция 1953 г. строк про учащегося ремесленного училища была такой:

Мы встретили ученика,
И на его шинели,
На уголках воротника,
Две буквы – «РУ» – блестели.

А на фуражке с козырьком
Блестящий ключик с молотком.

Нам рассказали про него,
Что он уж в комсомоле,
Что изучает мастерство
В ремесленной он школе.

А у кого над козырьком
Блестящий ключик с молотком,
Те учатся за партой,
За верстаком и за станком,
За чертежом и картой.

Ремесла разные у них –
От металлургов до портных,
От радио до кройки.
Им служит разный матерьял –

Сукно, и кожа, и металл, –
А класс строителей сдавал
Экзамен на постройке.

Всем этим юным мастерам
Любого званья, цеха
Строителям и столярам,
Электрикам и малярам
Желаем мы успеха!

А затем строки были несколько изменены с учетом полета бывшего «трудрезервовца» Ю. А. Гагарина в космос (Маршак С. Я. Веселое путешествие от А до Я / С. Я. Маршак. Москва: Детгиз, 1962. 96 с.):

Мы встретили ученика,
И на его шинели,
На уголках воротника,
Две буквы – «РУ» – блестели.

А на фуражке с козырьком
Блестящий ключик с молотком.

Такими хлопцами, как он,
Гордиться могут в школе:
Он и в работе чемпион,
И в пляске, и в футболе.
Не зря такой же ученик
Был первым, кто на свете
В просторы космоса проник
На корабле-ракете.
Всем нашим юным мастерам
Любого званья, цеха –
Строителям и столярам,
Электрикам и малярам –
Желаем мы успеха!

Тяжелейшие испытания, с достоинством вынесенные военными поколениями учащихся Государственных трудовых резервов, воссозданы классиком советской литературы А. Фадеевым, вероятно, в лучшем художественном воплощении (на грани документальности) в его незавершенном романе «Черная металлургия» (восемь глав этого произведения были опубликованы при жизни писателя в 1954 г.): «Он и Коля принадлежали к поколению учеников второго года войны, поколению,

на которое уже не хватало ни форменных фуражек, ни курточек с металлическими пуговицами, ни ремней с бляхами “РУ”. Оно училось не за партами, не в мастерских, оно училось, работая наравне со взрослыми у рудных дробилок и промывочных машин, на шихтовке материалов для агломерата, кокса, чугуна, стали, у грохотов и транспортеров, на кранах и под бункерами, у печей всех родов и видов, в литейных дворах, пролетах, канавах и у прокатных станов. Все самое черное – пыльное, мокрое, грязное, жаркое, дымное – вся преисподняя величественного производства была уделом этого поколения прежде, чем оно получило свою квалификацию. Вступая в смену, оно надевало одежду, не гнущуюся от кристаллов застарелого пота, и достойно носило эту одежду свои восемь, а то и шестнадцать, и, если нужно было, все двадцать четыре часа, и уже на десятой минуте пот сочился из одежды, как из губки. А у себя в общежитии это поколение одевалось кто во что горазд» [95].

В 1953 г. издательством «Детгиз» была выпущена повесть И. М. Меттера «Товарищи». Главный герой Митя Власов приезжает в Москву из города Лебедянь поступать в ремесленное училище. Поступление в училище и атмосфера в нем показаны И. М. Меттером возвышенно, но с большим количеством достоверных деталей, совокупность которых создает целостную картину общего праздника, даже некой новой большой игры для поступающих: «Медицинская комиссия: взвесили, обмерили, выслушали, просветили рентгеном; потом выдали обмундирование – целую кучу новеньких вещей; и названия у них были серьезные: “бушлат”, “гимнастерка”, “парадная форма”, и даже обыкновенные штаны назывались брюками.

Из бани повели строем, в ногу; Митя все время одергивал на себе гимнастерку и старался четко стучать по булыжнику училищного двора ногами, обутыми в толстокожие форменные ботинки. Это было похоже на какую-то новую, интересную игру. Потом всех построили в большом зале, и перед строем встал человек, про которого сказали, что он старший мастер, и начал делать переключку. Надо было отвечать: “Есть!”. Митя очень волновался, как это он тоже крикнет “Есть!”, когда до него дойдет очередь. Ему все кругом нравилось, на душе было торжественно-радостно. Он готов был дружить с любым мальчиком, стоявшим в этом зале, и даже улыбнулся тому верзиле, который, стоя позади, больно ущипнул его во время переключки. Старший мастер

произнес, наконец, фамилию “Власов”. Митя чужим голосом выкрикнул “Есть!”, и у него было такое ощущение, как будто он сейчас обратился ко всем с большой речью. Ему казалось, что он крикнул на весь зал: “Я здесь! Есть! Это я, Митя Власов из Лебедяни, приехал сюда работать и учиться. Я вас люблю всех, вы хорошие, я даю вам слово, что тоже буду хорошим, буду стараться...”» [54].

При таком радостно-восторженном стиле бытописания жизни в училище ни в коем случае нельзя говорить о попытке лакировки действительности, поскольку в ткань повествования умело вплетены и реальные проблемы. Автор, очевидно, хорошо знакомый с реальной жизнью в ремесленных училищах, снижает остроту таких проблем, используя накопленный в настоящих училищах опыт их разрешения: «По длинному коридору шумно пробегали второклассники, жившие в этом же этаже, иногда заглядывали в комнату, рассматривая новичков.

Митю уже предупредили, что среди второклассников иногда попадают отчаянные парни, которым ничего не стоит сорвать с новичка фуражку или, походя, смазать его по затылку. Один из них и ущипнул Митю на переключке.

Чтоб смягчить этот извечный закон школьного “гостеприимства”, в двадцать восьмом ремесленном воспитатели поступили так: в комнату, где помещались пять-шесть новичков, ставили одну постель второклассника. Он не мог бы их обидеть, даже если б захотел» [54].

Такая же реалистичность и богатство в деталях характерны и для описания бытовой стороны жизни в училище: «Вася поговорил об их мастере, потом рассказал, что в первом классе будет день теории, день практики; на теории скучновато; кормят сытно; курить не разрешается; в театры и музеи водят даром; денег в первом классе маловато, а во втором он прилично зарабатывает; от старшего мастера будет влетать; а вообще жаловаться нельзя, – учат здорово, прошлогоднего выпуска ребята уже кое-кто скоростники, и их портреты в газетах печатались...» [54].

Совершенно иное настроение характерно для повести В. И. Пистоленко с таким же названием – «Товарищи». Здесь мы встречаем неблагоприятные группы, рутинные нарушения дисциплины, скучные для учащихся лекции фронтовиков и другие реалии, немыслимые еще в середине 1950-х гг. Герой повести учащийся Бакланов, получив извещение о посылке из дома, решает утаить этот факт от товарищей. Красноречивы детали поведения Бакланова – чтобы пропустить лек-

цию фронтовика в клубе и сбегать за посылкой, без свидетелей распорядиться ею, он еще в столовой пропускает всех вперед, чтобы выйти последним, затем специально рвет шнурки ботинок, дожидается, пока построившиеся товарищи отойдут от столовой, убегает за посылкой, возвращается в общежитие, самодельным (что запрещено) ключом отпирает комнату, съедает присланные колбасу и сдобу, прячет остатки снеди в почтовый ящик, а ящик – под кровать: «Чтобы ящика не было видно из-под кровати, Егор опустил одеяло почти до самого пола, потом отошел в дальний угол, пристально оглядел конку и, довольный, шагнул к двери» [67].

Сознание и поведение Бакланова, продумывавшего мельчайшие детали своих проступков, но постепенно запутывавшегося в них, словно калька с героев-эгоистов Т. Драйзера («Сестра Керри», «Американская трагедия»). Совершил подлость по отношению к товарищам в понятиях прежних лет – и остался доволен. И потом, вынужденно признавшись товарищу в том, что не был на лекции, а был в комнате общежития, продолжал утаивать посылку, выгораживать себя и даже сообщил, что не рассказал поймавшему его директору, кто сделал самодельный ключ от комнаты. Обмануть будь то директора или товарищей, для него нормально. И пусть большинство героев повести мыслят и ведут себя совершенно по-другому, процесс разложения прежних ценностей, изменения сознания зафиксирован повестью В. Пистоленко очень точно.

Непростые условия и пути формирования характеров и идеалов профтеховцев описывал Г. Е. Баннов в повести «Ребята из Девятнадцатой» (1973): «Сегодня накинуть стоило хоть с ведерко лишнего. Сегодня пацанов заедала обида. Она заползла враз с холодом, прямо в душу. Группу не взяли в театр. Других взяли, Девятнадцатую – нет. Это как называется? Кто дал такое право? Гамаюнов, мастер-то, не спрашивал ни у кого: хотят ли? Обошел группу. Эх, мастер! Его выходка прямо расстраивала. Ну, сам еще, заодно не пошел бы – куда ни шло: и вам, и мне в наказание. Так нет, для себя исключение сделал. Пусто было теперь на душе, как и во всем общежитии. Ну, побродили по коридору, поотбивали чечетку, поизнывали душой и телом. И стали залезать под одеяла. А что делать?

Из окон тянуло холодом, белые струйки расплзались по полу, постепенно вытесняли из комнаты жилой дух.

Юрка Соболев, скрестив руки под телогрейкой, грел зад у холодной печи. Слушал, как неистощимый Шаркун, лежа на постели, исполнял новую песню с туманно-загадочным смыслом:

*В бананово-лимонном Сингапуре в бурю,
когда ревет и стонет океан...*

Далекие странствия, неизведанная любовь, тоска по обыкновенному теплу – все это было в песенке. Романтика, однако, не ослабляла воли к протесту относительно суровой реальности.

Верный друг Соболева – Евдокимыч – прохаживался вдоль коек. – Проклятье. Никакой, понимаешь, радости...» [5].

И разочарованные мастером, замерзшие учащиеся отправляются на станцию воровать уголь...

Роман в двух книгах Н. И. Дубова «Горе одному» (1967) самими их названиями – «Сирота» и «Жесткая проба» – задает непростой эмоциональный фон. Реальность здесь отличалась от газетной: «Знакомство с ним, начавшееся в детдоме, оборвалось, когда Алексей поступил в ремесленное, и возобновилось с поступлением на завод. Осваивая под строгим присмотром Семькина разметку, Алексей тяготился, как ему казалось тогда, ее кустарным характером: каждую деталь нужно размечать отдельно, никакой механизации, все от руки. А на собраниях и в газетах все время говорили о рационализации, новаторских приспособлениях, ускоряющих и облегчающих труд» [18].

В жанре детской прозы написана книга «Подростки» М. Коршунова (1975). В произведении показано, насколько улучшилась материальная база профтехобразования: «Евгений Константинович Воротников работает в училище преподавателем спецтехнологии. Он такой же старый, как и Лиханов. Когда-то они вместе начали ездить на паровозах ОВ – “овечках”. Потом Евгений Константинович поступил работать в училище, а именно – в железнодорожную школу Мосгубпрофобр – Московского губернского управления по профессиональному образованию.

Как все давно было! Но сейчас он идет в новое и самое современное училище, в свою лабораторию. Проводить занятия по новейшей технологии, по электровозам. Раз он идет к ребятам, значит, жизнь не прожита до конца, до последнего светофора» [38].

Однако люди часто совсем не похожи на идеал, который должен был формироваться в процессе строительства нового общества: «В депо Федя не любил старика Лиханова за несправедливость по отношению

к ребятам. Примитивность, жестокость. Но отец превосходил Лиханова, потому что пил, а это, по мнению Феди, предельная жестокость и к себе самому, и к окружающим тебя людям. Водка лишила Федю отца. Он приводил отца домой из подворотен, где среди склада пустых ящиков какого-нибудь магазина-гадюшника отец коротал вечер со случайными друзьями, ездил за ним в вытрезвитель, бегал по знакомым – отдавал долги, пока знакомые еще одалживали отцу деньги» [38].

Восприятие молодежью системы трудовых резервов 1940-х гг. отобразилось и в эпизоде книги в жанре военной прозы Б. Мезенцева «Опознать отказались» (1975 г.). Один из героев, Николай, вспоминает: «Родился в 1925 году... Здесь... в Константиновке. Отец работал на бутылочном заводе. Мы – бутылане. В школе учился вместе с Борисом... за одной партой с ним сидели... Потом пошел в ремесло... в ремесленное училище... – голос Николая окреп, он заговорил увереннее: – Токарем захотелось стать, люблю с железом возиться. Учился неплохо, токарное дело нравилось. Закончить училище не пришлось: война началась. Пытался эвакуироваться с ремесленным, но наш эшелон разбомбили, мы разбрелись кто куда...» [53]. Николаю приятно вспоминать «ремесленное», он говорит увереннее, голос его крепнет, учился он неплохо, токарное дело нравилось ему.

Таким образом, литература рассматриваемого периода оказывала значительное влияние на формирование образа учащегося профтехшколы.

2.2.4. Идеология для профтехшколы в советском кинематографе

В силу своей идеологической значимости кинематограф был назван В. И. Лениным «важнейшим из искусств». Именно в кино наиболее заметно проявились «зазоры» и «допуски» (выражаясь техническим языком) между идеологическими установками и прагматическими задачами развития, возникшие в период «оттепели». В связи с этим содержание наиболее популярных кинофильмов представляет собой интересный источник для исследования динамики изменения содержания транслировавшихся обществу установок, касавшихся молодежи.

Еще в 1924 г. на базе кинокомпании «Русь» М. Трофимова и кинобюро Межрабпома было создано акционерное общество «Межрабпом-Русь».

В 1926 г. В. Пудовкин снял здесь фильм «Мать». Этот фильм неистовой силы даже трудно назвать экранизацией романа М. Горького.

Великолепное произведение В. Пудовкина всецело в духе идеологических установок показывает страшную эксплуатацию дореволюционных рабочих («День проглочен фабрикой, машины высосали из мускулов людей столько силы, сколько им было нужно. День бесследно вычеркнут из жизни, человек сделал еще шаг к своей могиле, но он видел близко перед собой наслаждение отдыха, радости дымного кабака и – был доволен...») и «конфликт поколений»: сына, революционера Павла Власова, и его отца, черносотенца. Немало таких конфликтов знало общество, только что пережившее братоубийственную Гражданскую войну, и сколько еще предстояло узнать в период раскулачивания, когда противопоставление родителей (кулаков) и детей станет одним из инструментов управления кулацкой ссылкой.

Широкую популярность приобрели столь же идеологически выверенные фильмы, снятые в 1927 г.: «Октябрь» С. Эйзенштейна, «Конец Санкт-Петербурга» В. Пудовкина, «Великий путь» и «Падение династии Романовых» Э. Шуб.

Характерна идеологическая основа фильма «Конец Санкт-Петербурга» (1927), который показывает путь трудящихся в революцию: нужда приводит деревенского парня на завод, а участие в бунте – в тюрьму. Суровая школа тюрьмы и окопной жизни, общение с революционерами-большевиками открывают глаза бывшему крестьянину – и он в первых рядах солдат и рабочих идет на штурм Зимнего дворца.

Живую связь советского кино 1930-х гг. с жизнью можно увидеть в том, что сюжеты для фильмов иногда брались из газет и журналов. В 1932 г. в газете «Комсомольская правда» был опубликован призыв организовать комсомольскую зимовку в активно осваиваемом тогда Заполярье. Друг и сокурсник автора этого призыва, Константина Званцева, молодой режиссер Сергей Герасимов написал сценарий, и в 1936 г. состоялась премьера фильма «Семеро смелых», где прозвучали слова ставшей сверхпопулярной песни:

Лейся, песня, на просторе,
Не скучай, не плачь, жена –
Штурмовать далеко море
Посылает нас страна...

Буря, ветер, ураганы,
Ты не страшен океан.
Молодые капитаны
Поведут наш караван...

Строго в рамках идеологических установок об обострении классовой борьбы при приближении к социализму, утверждений о том, что колоссальные трудности и проблемы развития страны вызваны вредительством врагов, снят целый ряд картин (например, «Золотые огни» (1934)). Особо выделяется пафосом борьбы с вредителями фильм С. Герасимова «Комсомольск» (1938), посвященный одному из трудовых подвигов первых пятилеток – строительству Комсомольска-на-Амуре. В 1932 г. тысячи комсомольцев отправляются на Дальний Восток для строительства «города юности» – Комсомольска-на-Амуре. Однако среди строителей находится диверсант, взрывающий склады с горючим.

В 1940 г. в фильме «Светлый путь» звучит «Марш энтузиастов» (музыка И. О. Дунаевского, слова А. Френкеля). Само название музыкального произведения, лексический состав текста фактически приравнивают производственный труд к военной службе:

Нам ли стоять на месте?
В своих дерзаниях всегда мы правы.
Труд наш есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы.

Пожалуй, наиболее ярко «парадный портрет» Государственных трудовых резервов представлен в первом советском широкоформатном фильме, снятом молодым режиссером Э. Рязановым – «Весенние голоса» (1955). Фильм повествует о V Всесоюзном смотре художественной самодеятельности трудовых резервов республик СССР. Володя, Нина и Тигран, студенты ремесленного училища, конструируют «чудесный» телевизор, на экране которого, сменяя друг друга, проходят выступления творческих коллективов. Учащиеся Гострудрезервов талантливы во всем, весело и с оптимизмом смотрят в будущее. «Нет, я, конечно ничего не хочу сказать, ребята танцуют неплохо – произносит один из героев фильма. Но... может они артистами-то стали, а свою рабочую профессию забросили?» Однако чудо-телевизор показывает, что девушка-токарь, только что мастерски исполнявшая танец, в заводском цехе мгновенно прочитывает чертеж и столь же мастерски изготавливает деталь, вызывая восхищение опытного рабочего.

«Дух оттепели» нашел выражение в фильме 1960 г. «Прощайте, голуби!», снятом Яковом Сегелем. Его герой Генка Сахненко учится в ремесленном училище и работает, а после работы он залезает на го-

любятню. Увлечение голубями у него с детства. Генке противопоставлен образ мастера Максима Петровича, любящего брать с жильцов за работу. Поранив руку, Генка попал в больницу, где подружился с медсестрой Таней. Однако через некоторое время по комсомольской путевке Генке пришлось уехать работать в другой город, а своих голубей он подарил первокласснику. Прекрасный лирический фильм, настоящий «оттепельный» гимн свободе, вобравший в себя веру в технический прогресс и быстрое наступление светлого «завтра»:

Наступай, наше завтра, скорей!
Распахнись, небосвод!
Мы гоняли вчера голубей,
Завтра спутников пустим в полет!
Пусть летят они, летят,
И нигде не встречают преград!

Разноликим по проблематике и жанрово-стилевым решениям фильмам 1960–1980-х гг. была совершенно чужда декретированная сверху тема «коммунистического созидания и воспитания нового человека» так же, как и «классовый подход в анализе явлений общественной жизни». Кинематографисты этого ряда чутко фиксируют приходящие на смену «оттепели» приметы «застоя» и кризиса, исследуют процесс девальвации в сознании людей, живущих в ситуации безвременья, привычных социальных идеалов, утверждают на экране не узко классовые, а общечеловеческие нравственные ценности. Советский человек 1970-х гг. все чаще виделся и кинематографистам и критикам достаточно пессимистично: «Он рухнул под тяжестью истории, государства, культуры и даже собственного веса... В конце 1970-х мы имеем дело уже с героем, у которого нет опоры под ногами и который не знает, что такое целостная и осмысленная жизнь» [109, с. 24–25]. В кинематограф «семидесятых» пришел герой, уже готовый сопротивляться идеологическим нормам, выпестованным на основе коллективистской психологии. В середине 1960-х в произведениях советского кинематографа еще звучала ностальгия по пафосу ударных трудовых побед 1930-х – например, в картине М. Швейцера «Время, вперед!» (1965). Характерно, однако, что фильм М. Швейцера не столько утверждал коммунистическую утопию, сколько показывал ее принципиальную неосуществимость в реальной истории. Герои картины Швейцера напоминали своим энтузиазмом ушедших в историческое небытие бога-

тырей, на которых кинозал взирал из увядающей «оттепели» как на иллюстрацию к сказаниям о «героическом веке» предков. Лидер проката 1975 г. – фильм Г. Данелия «Афоня» показывает не только тогдашних учащихся ПТУ, но и печальные перспективы развития их личностного и карьерного пути в образе главного героя.

Фильм «Последний шанс» (1978) рассказывает об условно осужденном подростке, направленном для перевоспитания в профессионально-техническое училище и сталкивающимся с враждебностью других учащихся.

Редким исключением выглядит картина «Мальчишки» (1978, по мотивам повести Л. Кассиля), повествующая об учащихся ремесленного училища во время Великой Отечественной войны. Главный герой – Капитон Бутырев – изо всех сил трудится на заводе для нужд армии, присматривает за сестренками, он честен и справедлив.

Неприглядную обстановку в электротехническом училище показывает фильм «Когда становятся взрослыми» (1985). Учащиеся часто нарушают дисциплину, игнорируют учебный процесс, с трудом идут на контакт с педагогами. Основные события фильма «Холодный март» (1987) происходят в сельском ПТУ, учащиеся которого – абсолютно незрелые, лишенные понимания смысла учебы и жизни подростки – объединяются в неформальную группу «Экипаж». Поступление в эту группу сопровождается унижительной присягой, после чего нужно беспрекословно придерживаться неформальных правил, нарушение которых жестоко наказывается.

В фильме «Ночной экипаж» (1987) показан отрицательный герой – учащийся ПТУ Петух, водящий компанию со второгодниками, фактически становящийся виновником их гибели.

Итак, если образы молодых рабочих и других персонажей фильмов 1920–1950-х гг. полностью идеологически выверены, то в 1960-е эта выверенность требует от них отказа от себя самих, своих увлечений и чувств, а в 1970–1980-е гг. эти образы все чаще уже прямо противоречат идеологическим установкам.

Глава 3. СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИНЕРГИИ ИДЕОЛОГИИ И ПРАГМАТИЗМА В СОВЕТСКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

3.1. Механизмы адаптации контингентов к проблемам функционирования профтехобразования

3.1.1. Исторические условия возникновения механизмов адаптации

Становление системы Государственных трудовых резервов, задуманной одновременно как централизованной системы подготовки квалифицированных рабочих кадров и как социального проекта, пришлось на последние предвоенные месяцы. Находявшаяся в процессе формирования, в ситуации, когда не решены в полной мере проблемы создания материально-технической базы, в начале войны система ГТР столкнулась с необходимостью переброски значительного числа учебных заведений, преподавателей и мастеров, десятков тысяч учащихся в восточные районы страны. Анализ различных типов исторических источников показал, что применительно к деятельности региональных систем подготовки молодых рабочих кадров миграционные потоки не только усиливали существующие проблемы, но и порождали ряд новых. Рассмотрим их на примере Свердловской области.

Во-первых, проявились проблемы, связанные с низким уровнем мотивации к обучению профессии у многих учащихся (в основном, школ ФЗО), мобилизованных в Свердловскую область из других регионов СССР. Это были преимущественно сельские жители с невысоким уровнем образования, отобранные по остаточному принципу и принудительно отправленные за сотни километров от дома для обучения и использования на непривычных им, физически тяжелых или неквалифицированных, невостребованных среди местной молодежи работах. Так, ребята из Кировской области, привезенные в ноябре 1945 г. в школу ФЗО № 36 Первоуральского динасового завода, хотели бы «учиться на более высокую квалификацию, чем прессовщики огнеупора», а среди молодежи из Башкирии, мобилизованной в шахтерскую школу ФЗО № 10, «было распространено мнение, что в шахте

погибают ежедневно люди по несколько человек, о чем они писали письма на родину, мотивируя этим свое намерение оставить школу» (ЦДООСО, Ф. 236. Оп. 5. Д. 82. Л. 67–68, 71). В отчете мобилизационного отдела Свердловского областного управления трудовых резервов за 1949 г. отмечалось, что «прибывшая [из Тамбовской области] молодежь отказывалась спускаться в шахты», так как при наборе была ориентирована на профессии токаря и слесаря (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 44. Л. 5). Заместитель директора по политчасти ремесленного училища Шалаев в декабре 1941 г. отмечал: «Наше училище металлургическое, а мы получаем в него контингент из сельской местности <...> и сколько мы первое время не разговаривали, каждый желает идти или на слесаря, или на токаря, на электрика, но с первых разговоров он не соглашается с мыслью, что ему придется быть сталеваром, горновым, прокатчиком и т. п. И эта мысль у него надолго засаживается в голове. Он на протяжении большого промежутка времени все соображает, как бы ему отделаться от училища, сбежать» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 53).

Во-вторых, прибытие в Свердловскую область эвакуированных училищ и школ ФЗО негативно отразилось на дисциплине и политико-массовой работе в местных учебных заведениях трудовых резервов. Это отмечала в ходе совещания в декабре 1941 г. заместитель директора по политчасти одного из ремесленных училищ Неклеенова: «Мы находимся сейчас в очень затруднительном положении. На первый взгляд, казалось бы, что с прибытием московских училищ они нам привезут культуру, образцы поведения. Получилось наоборот, завезли азартную игру, воровство, продажу государственных вещей». И в ответ на возмущенную реплику из президиума: «Словом, громилы к вам приехали», она подтвердила: «Да, громилы». Заместитель директора по политчасти Ново-Лялинского РУ № 20 Горш подтверждал: «Приехало новое училище <...> у нас появились кражи в общежитии, наблюдаем курение, карточную игру, причем это в массовом размере». Это, по его мнению, было связано с более чем трехмесячным перерывом в трудовой деятельности эвакуированных учащихся (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 26, 33).

Приведенные выше фрагменты официальных стенограмм совещания заместителей директоров по политчасти ремесленных училищ свидетельствуют, по нашему мнению, о сложившейся в среде местной

образовательной бюрократии тенденции к разделению учащихся на «наших» и «не наших». Так, инспектор Свердловского управления государственных трудовых резервов Тынтеров, критикуя (и одновременно косвенно поддерживая) такое разделение, отмечал: «Возьмите 5-е ФЗО <...>, приехали эвакуированные учащиеся, ребят нужно было принять, зам. директора по политчасти сидит у себя в кабинете <...>, а ребята с сумками ходят около общежития. Какое настроение может быть у ребят, когда мы их приняли не как наших учащихся. И большинство, которые удирают, это не наши учащиеся. У нас начался отсев тогда, когда стала эвакуация» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 33).

Заместитель директора по политчасти Дегтярской школы ФЗО № 3 Шарипова приводила руководителям системы Государственных трудовых резервов П. Г. Москатову и А. Ф. Путинцеву примеры напряженности в отношениях между местными и эвакуированными учащимися: «Были случаи антагонизма между эвакуированными и местными. Сидит в столовой мальчик эвакуированный, ему подали обед. Подходит мальчик из местных ребят к нему, берет его за шиворот и отбросил, а сам сел обедать, говоря, что он работал, а ты – два месяца бездельничал и не имеешь права в первую очередь обедать». При этом П. Г. Москатов подтвердил, что подобные настроения «есть не только среди учащихся, но и [среди] руководителей, что эвакуированные – это чужие люди» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 93–94).

В ряде случаев эта напряженность выливалась в открытые столкновения между большими организованными группами учащихся. Документы различных ведомств фиксируют факты нескольких массовых драк, например, между московским РУ № 9, эвакуированным в Нижний Тагил, и тагильским РУ № 4. Несколько фактов массовых драк между учащимися учебных заведений, эвакуированных в Свердловскую область из различных регионов страны, приводились в письме заместителя наркома юстиции РСФСР И. Перлова начальнику ГУТР П. Г. Москатову. Так, 29 января 1942 г. в Свердловске произошла массовая драка между учащимися Московского ремесленного училища № 1 и РУ № 18, эвакуированного из г. Калинин, в ходе которой использовались ножи, топоры, зубила, молотки, палки со свинцовыми набалдашниками. В результате был зверски убит учащийся РУ № 1 комсомолец Алексей Кузнецов, ранены и избиты еще пять учеников.

В-третьих, на состояние дисциплины во многих школах ФЗО и ремесленных училищах влиял специфический состав контингента

учащихся, среди которых значительную долю могли составлять ранее судимые подростки (например, в конце 1942 г. в Серовское ремесленное училище № 5 из 1200 человек 500 были приняты из мест заключения). В справке ГУТР о передаче освобождаемых несовершеннолетних заключенных в школы ФЗО, РУ и ЖУ (январь 1943 г.) содержалась информация о том, что в Свердловской области «из принятой молодежи 1700 чел. – 200 чел. оказались сильно истощенными, в том числе из принятых в школу ФЗО № 5 (Верхняя Салда) 186 чел. – 40 чел. оказались рецидивистами, которые занялись воровством. Из 150 чел., принятых в Асбестовскую школу ФЗО № 13 – 50 человек вновь были арестованы за квартирные кражи, за кражи домашнего скота и обворовывание магазинов» (ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 204. Л. 2 об.). Как отмечалось в отчетах Свердловского областного управления трудовых резервов за 1947–1949 гг., среди отчисленных за нарушение правил внутреннего распорядка «значительный процент падает за счет совершения воровства и хулиганства, особенно эти проступки проявляются со стороны молодежи, прибывшей из трудовых колоний и детприемников Министерства внутренних дел. Так, например, в январе месяце 1947 г. из колонии имени Матросова Башкирской АССР в Алапаевские школы ФЗО прибыло 85 человек, которые с первых же дней начали заниматься воровством и хулиганством. В школу ФЗО № 6 прибыло 30 чел., из которых за кражу и подлом склада было привлечено к ответственности 15 человек... В Свердловской школе ФЗО из прибывших 14 человек на занятия систематически не выходили, а занимались воровством и пьянством, впоследствии часть из них была посажена, а часть самовольно ушли» (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 44. Л. 70–71).

Четвертая группа проблем связана с нехваткой материальных ресурсов для нормального функционирования учебных заведений, вызванной интенсивным миграционным воздействием. Множество частных случаев, приведенных представителями училищ, резюмировал начальник отдела снабжения Свердловского областного управления трудовых резервов Черепанов: «По части обуви, одежды и т. п., благодаря тому, что у нас большой наплыв, в нашу область, из эвакуированных областей из прифронтовой полосы, мы полностью обеспечить людей не можем. Мы располагали фондами Урала, у нас 30 тыс. чел., и то их обеспечить не могли. Сейчас к нам еще приехали 15 тыс. человек, мы их должны обуть, одеть нашими же фондами, никаких дополнительных фондов мы не получили» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 77).

Таким образом, имевшиеся в довоенный период проблемы в деятельности системы профессионально-технического образования Свердловской области на этапе массовой эвакуации значительно обострились, а некоторые приобрели критический характер.

3.1.2. Идеологические и прагматические элементы механизмов адаптации

К решению многих обозначенных проблем система Государственных трудовых резервов была совершенно не готова, но не имела возможности отменять или существенно изменять утвержденные планы своего развития. Сложившаяся ситуация привела к тому, что руководителям среднего и нижнего звена пришлось вырабатывать механизмы адаптации к возникшим неотложным проблемам, с тем чтобы не допустить срыва учебного процесса и выполнить производственные задания (в том числе оборонные). Многие из принимаемых решений не вписывались в установленные для системы трудовых резервов правила и процедуры, что потребовало их корректировки: конкретные найденные способы решения частных проблем обсуждались на различных совещаниях регионального уровня (директоров училищ и школ, помощников директоров по политической части), а затем тиражировались в виде распорядительных документов областного управления трудовых резервов. Автор назвал такой способ решения частных, но массовых, характерных для многих училищ и школ проблем *механизмами адаптации*, которые можно условно разделить на несколько групп: информационные, организационные, экономические и социокультурные. Далее рассмотрим практику применения каждого механизма.

Информационные механизмы – система взаимосвязанных мероприятий по популяризации призыва в Государственные трудовые резервы среди молодежи, проводимых региональными управлениями трудовых резервов, районными органами власти и конкретными учебными заведениями.

Данные архивных источников свидетельствуют, что одним из наиболее распространенных мероприятий такого рода являлась *отправка агитбригад, «докладчиков» в районы призыва* (из числа руководящих работников училищ). Только в 1949 г. в другие области было отправлено 200 работников-агитаторов (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 44. Л. 8).

Повышению привлекательности системы Государственных трудовых резервов и конкретных учебных заведений путем прямой аги-

тации способствовало также *централизованное изготовление и распространение в районах призыва агитационных материалов* (плакатов и воззваний). Так, к призыву в ремесленные и железнодорожные училища в 1950 г. Свердловское областное управление трудовых резервов напечатало и разослало в 35 училищ 20 000 экземпляров объявлений о приеме, открыток и листовок (дополнительно к агитационным материалам, полученным из Москвы).

Широко применялись *радиовыступления, доклады учащихся и руководящего состава* областного управления, в том числе «выступление по радио со статьей, посвященной набору» (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 44. Л. 29) начальника управления, направление в районы призыва опытных докладчиков из числа руководящих работников училищ и школ ФЗО. Однако в докладах и выступлениях зачастую не акцентировалось внимание аудитории на ключевых вопросах призыва, что не способствовало повышению мотивации призываемой молодежи. Так, при проведении призыва в школы ФЗО угольной промышленности, металлургии и строительства в феврале-марте 1948 г. в Кировской области «молодежь слабо была ознакомлена с вопросами значения трудовых резервов в новой Сталинской пятилетке, с условиями и бытом школ ФЗО, о преимуществах и льготах для рабочих угольной промышленности и металлургов и т. д.» (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 48. Д. 1084. Л. 120). В ходе призыва для школ ФЗО Свердловской области в марте-апреле 1949 г. в Удмуртской АССР «разъяснительная работа <...> проводилась недостаточно, особенно среди молодежи, направляемой в школы горно-рудной промышленности» (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 48. Д. 1084. Л. 83), в Кировской области – «постановление правительства о льготах, установленных для рабочих угольщиков и металлургов, не разъясняется» (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 48. Д. 1084. Л. 11).

Использовались для привлечения учащихся и более тонкие, исподволь воздействовавшие на настроения молодежи механизмы популяризации соответствующих учебных заведений, в частности, *проведение выставок изделий учащихся* ремесленных училищ и школ ФЗО (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 44. Л. 67).

Руководством областного управления трудовых резервов было инициировано *массовое написание учащимися училищ и школ ФЗО писем на места* – своим товарищам и землякам с призывом поступать в училища и школы. В то же время на адресатов подобных писем, осо-

бенно за пределами Свердловской области, гораздо большее влияние оказывали негативные отзывы дезертиров из прежних призывов, самовольно покинувших уральские школы ФЗО и вернувшихся на свою «малую родину». Например, из 921 чел., отправленного в 1946 г. из Чувашской АССР в школы ФЗО Свердловской области, самовольно вернулись обратно более 800 чел. Как отмечалось в докладной записке уполномоченного Госплана по республике, «эта молодежь <...> при попустительстве местных органов власти безнаказанно проживает в своих семьях, работает в учреждениях и колхозах, оказывая отрицательное влияние на молодежь, подлежащую очередному призыву» (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 48. Д. 1087. Л. 115). Уполномоченный Госплана по Тамбовской области в апреле 1949 г. отмечал, что «отрицательное влияние на ход призыва» оказала молодежь, самовольно вернувшаяся в 1948 г. из школ ФЗО Свердловской и Кемеровской областей (от 30 до 50 % призванных) по причине неудовлетворительных учебно-производственных и бытовых условий (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 48. Д. 1087. Л. 71).

Информационные механизмы адаптации призывников из других регионов страны использовались и непосредственно в период обучения. Недостаточная эффективность призывов и воззваний как средства мотивации побуждала к поиску более сложных ее форм, одной из которых стало включение в состав мероприятий по политической пропаганде и агитации *«производственно-технической пропаганды»*, целью которой являлось привитие любви к выбранной профессии (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 53).

Практика показала, что наиболее эффективно информационные механизмы адаптации работали там, где они применялись обдуманно и точно. Именно оценка практических результатов использования информационных механизмов адаптации востребовала перенос центра агитационной работы в общежития, считавшиеся рассадниками хулиганства и антисистемных настроений, что предполагало периодические обходы общежитий агитаторами, мастерами производственного обучения и руководителями учебных заведений «с беседами и читками [газет]» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 34, 62).

Организационные механизмы – управленческие практики (как закрепленные в распорядительных документах, так и неформальные традиции), направленные на приспособление стандартных для Государственных трудовых резервов процедур к специфическим проблемам, возникающим в деятельности конкретных учебных заведений.

Резкий рост контингента учащихся в учебных заведениях системы Государственных трудовых резервов на территории Свердловской области за счет призывников из других регионов, которые не всегда в достаточной степени владели русским языком, обусловил необходимость увеличения количества работников областного управления и пополнения штатов мастеров кадрами, способными обеспечить обучение такого контингента. В связи с этим в областях и республиках, принимавших наибольшее количество призывников из других районов страны, была начата *подготовка кадров мастеров из представителей тех национальностей, которые завозились из других регионов*, производилось увеличение штатов ряда региональных управлений Государственных трудовых резервов «в связи с увеличением контингентов учащихся РУ, ЖУ и школ ФЗО». В 1941 г. штат Свердловского облуправления был увеличен до 41 человека – наибольшее количество среди всех 17 упомянутых в приказе ГУТР региональных управлений (ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 18. Л. 131).

Увеличение контингента учащихся значительно превышало реальные возможности областных учебных заведений. В связи с этим *мероприятия по оптимизации сети учебных заведений*, такие как слияние маломощных училищ одного профиля, создание при эвакуированных в область заводах новых учебных заведений и др., сопровождались проведением занятий в 2–3 смены из-за нехватки аудиторного фонда.

Тяжелые условия обучения и проживания, особенно в период создания системы Государственных трудовых резервов и первые годы Великой Отечественной войны, обостряли проблемы сохранения контингента учащихся и обеспечения дисциплины.

Среди практических мер, направленных на сохранение контингента, наибольший масштаб имела *отправка представителей областного управления и учебных заведений в районы призыва для возвращения самовольно ушедших учащихся*. Например, в марте 1941 г. представитель Свердловского управления трудовых резервов находился в Башкирии, осуществляя призыв 70 человек вместо сбежавших до этого 70 учащихся (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 908. Л. 24); заместитель директора по политчасти Первоуральской школы ФЗО № 24 Рукомойникова осенью 1941 г. посетила «26 человек родителей в Казахстане, была у председателей колхозов, МТС» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 36. Д. 908. Л. 15). Подобные меры не всегда были достаточно эффектив-

ными. Так, школа ФЗО № 71 в начале 1946 г. направила в Кировскую область делегацию в составе 5 сотрудников и 3 лучших учеников, которая за два месяца пребывания истратила 8000 р. (весь лимит командировочных расходов, отпущенных школе на год) и смогла вернуть назад только шесть человек из 176 учащихся – уроженцев Кировской области, сбежавших из школы в ноябре 1945 – марте 1946 гг. (ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 82. Л. 36–37).

Сложность и невысокая эффективность подобной меры, особенно в послевоенный период, побудила руководство областного управления Государственных трудовых резервов ходатайствовать в Главное управление о *закреплении за Свердловской областью конкретных регионов призыва учащихся в школы ФЗО* (Тюменская, Кировская и Омская области), поскольку «призванные оттуда хорошо закрепляются на стройках и предприятиях после выпуска из школ ФЗО». В 1945–1947 гг. мобилизация молодежи в школы ФЗО Свердловской области производилась в 16 различных регионах СССР, что делало невозможным налаживание «планомерной и систематической разъяснительной работы» с призывниками и создание «кадров мастеров и воспитателей из числа тех национальностей, из которых завозят молодежь» (ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 44. Л. 71).

Не менее сложной и требовавшей применения различных адаптационных мер являлась проблема обеспечения дисциплины в учебных заведениях. Особого внимания требовали такие категории учащихся, как воспитанники детских домов и освобожденные от наказания молодые заключенные, переданные на обучение в трудовые резервы. Одной из наиболее эффективных адаптационных мер оказалась *дифференциация количественного состава учебных и производственных групп для различных категорий учащихся*. В учебных заведениях трудовых резервов применялась практика сокращения состава производственных групп, в которых преобладали освобожденные от наказания молодые заключенные, до 15–20 человек, а также выделения воспитателя «на каждые 40–50 человек, что необходимо из следующих соображений: опыт работы показал, что ребята охотно слушали беседы, читки газет, но как только воспитатель отошел, все газеты рвут и делают свое дело, и на 100 человек воспитатель не может находиться все время с ребятами, он переходит из группы в группу» (ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 240. Л. 114).

Наиболее сложной проблемой являлось обеспечение дисциплины в ученических общежитиях. Для этого широко применялось *введение комендантских постов на каждом этаже общежитий*: «медицинских сестер, комендантов, военно-физкультурных работников и техничку – раскрепили по этажам. За этаж отвечает комендант, т. е. за постельные принадлежности, за то, чтобы ребята своевременно ходили в баню» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 97). Для решения проблемы обеспечения дисциплины, обострившейся в связи с массовым прибытием нового контингента, в РУ № 3 была апробирована *практика привлечения учащихся к организации караульной службы в учебном заведении* (в том числе в общежитии) на основе устава РККА. Опыт организации 7 караульных постов на 12 человек, которые «дежурят по 6 часов и после дежурства они имеют возможность отдыхать 8 часов до вступления на работу», был признан успешным (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 40).

Помимо этого, практиковалось *расселение контингентов из разных регионов призыва по разным комнатам в общежитиях*: «все учащиеся, приехавшие вновь <...> расселены по производственному принципу <...>, оказались в самых различных комнатах» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 33).

В значительной степени дисциплина среди учащихся зависела от способности руководства училищ и школ, а также мастеров установить личные контакты с учащимися, основанные на взаимном уважении. Этому способствовала *подготовка мастеров и помощников мастеров производственного обучения* из среды «учащихся, закончивших школы через семинары и курсы, вместо ушедших на фронт мастеров старших возрастов». Приказом ГУТР от 20.11.1941 г. № 691 была утверждена «Программа семинара для помощников мастеров школ ФЗО, РУ и ЖУ», рассчитанная на 90 учебных часов (ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 18. Л. 143–152). В результате к 1945 г. в школах ФЗО Свердловской области работали мастерами учебно-производственных групп 193 выпускника (что составляло 37 % от общего числа мастеров) (ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 402. Л. 41).

В декабре 1941 г. на совещании заместителей директоров по политчасти училищ и школ ФЗО Свердловской области в нескольких выступлениях была поднята проблема призыва военруков учебных заведений в РККА и предложено (по аналогии с мастерами) готовить воен-

руков из среды учащихся (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 40). В 1943 г. широко распространилась практика подготовки «из лучших учащихся помощников военруков», которые «проводят занятия с учащимися вполне удовлетворительно» (ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 294. Л. 24).

Экономические и материально-бытовые механизмы – система мероприятий, направленных на обеспечение для учащихся минимально необходимых жизненных стандартов в целях мотивирования их учебной и производственной активности.

На протяжении всего рассматриваемого в данной работе периода материально-бытовое обеспечение учебных заведений оставалось весьма скудным. Особенно сложной ситуация была в период Великой Отечественной войны. В целом ряде учебных заведений возникали трудности с обеспечением минимального уровня питания учащихся. Выход был найден в *организации подсобных хозяйств*. В соответствии с постановлением СНК от 02.04.1942 г. № 433 Главному управлению трудовых резервов разрешалось «в целях улучшения питания учащихся <...> организовать подсобные картофельно-овощные хозяйства при ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО», при этом половина продукции подсобных хозяйств должна была передаваться столовым Наркомторга СССР в счет установленных норм питания учащихся, а другая половина, сверх этих норм, для улучшения питания учащихся. Все работы в подсобных хозяйствах должны были проводиться учащимися в свободное от производственного обучения время. Значимость этого механизма показывает тот факт, что для сохранения трехразового питания учащихся в 1943 г., помимо привлечения дополнительных фондов, использования «собственной» части продуктов подсобных хозяйств и децентрализованных закупок, учебные заведения трудовых резервов Свердловской области (в г. Нижний Тагил, Первоуральск и т. д.) были вынуждены использовать и предназначенную для отделов рабочего снабжения (ОРС) часть урожая подсобных хозяйств на дополнительное питание учащихся (ГА РФ. Ф. Р-9507. Оп. 1. Д. 294. Л. 37).

Недостаточность фондов областного управления трудовых резервов, не получившего никакой дополнительной поддержки, несмотря на резкий рост контингента в 1941–1942 гг., вынуждала к максимальному использованию имеющихся скудных ресурсов. В соответствии с радиосхемой начальника Государственного управления трудовых ре-

зервов П. Г. Москатова от 7 октября 1941 г. директорам школ ФЗО и училищ предписывалось «проявлять в связи с войной инициативу в порядке децзакупа (децентрализованных закупок материально-технических средств. – Л. 3.)»; кроме этого, широко использовалась практика самостоятельного изготовления в училищах и школах одежды, головных уборов, обуви, использование в качестве кружковой деятельности учащихся в свободное время занятий по ремонту обуви и белья (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 41), прикрепление училищ к пошивочным и сапожным мастерским промартелей (для обеспечения одеждой и обувью).

Одна из наиболее острых проблем, вызываемых миграционными потоками в рассматриваемый период, – нехватка жилой площади для размещения учащихся – нередко вынуждала *использовать под общежития помещения иного назначения*. Так, в г. Серове часть заводских бараков была освобождена от проживавших там заключенных и предоставлена под размещение учащихся; завод № 707 разместил общежития школы ФЗО на площадях, предоставленных ему Индустриальным институтом только для производственных целей, вопреки неоднократным требованиям горсовета освободить эти площади (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 221. Л. 33).

Социокультурные механизмы – комплекс организационных, воспитательных и педагогических мер, нацеленных на сплочение различных категорий учащихся в процессе решения производственных и учебных задач.

Миграционные потоки, воздействовавшие на сеть учебных заведений Государственных трудовых резервов Свердловской области, вызвали ряд проблем, имевших социокультурный характер. Среди них наиболее распространенными оказались конфликты между местными призывниками и учащимися из других регионов, доходившие до массовых драк и поножовщины, а также распространенное среди призывников из сельской национальной глубинки нежелание работать в промышленности. Необходимость решения данных проблем обусловила разработку целого спектра адаптационных механизмов, наиболее эффективные из которых широко тиражировались в учебных заведениях. Для нормальной коммуникации местных контингентов с приезжими оказалась полезной *практика немедленной организации знакомства* под контролем преподавателей и мастеров, предотвращение конфликтов из-за юношеской стеснительности или максимализма. Эффек-

тивным было признано и осуществление воспитательной работы в виде *совместной полезной деятельности призывниками из разных мест*. Ряд эффективных мер был отвергнут региональным управлением по причине их излишней жесткости. Так, в нескольких училищах «за грубость в отношении призванных из других регионов» местных учащихся *лишали талонов на питание* (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 95).

В целом, поиск границы допустимой жесткости по отношению к учащимся, механизмов, используемых при адаптации региональной сети учебных заведений к массовым миграционным потокам, представляется одним из наиболее сложных элементов процесса наработки соответствующего управленческого и педагогического опыта. Ино-региональным учащимся, не желавшим работать на заводе (из-за непривычного климата; профессий, не соответствующих их предпочтениям), предлагалось *выполнять непрестижную работу в общежитии* (мыть полы, выхлопывать матрасы и т. д.), что признавалось эффективным методом мотивации (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 95–96).

Таким образом, необходимость приспособления учебных заведений Государственных трудовых резервов Свердловской области к миграционному воздействию и выработка соответствующих адаптационных механизмов приобретают особое значение в начальный период Великой Отечественной войны в связи с массовой эвакуацией учебных заведений и учащихся из прифронтовой полосы, увеличением межобластных перевозок и доли призывников из других регионов страны в контингенте учащихся, масштабной передачей в учебные заведения освобождаемых от наказания молодых заключенных.

Механизмы адаптации к миграционному воздействию не меняли основные принципы функционирования системы Государственных трудовых резервов. Данные механизмы, как правило, исходили из практики конкретных учебных заведений, носили ситуативный характер (*ad-hoc*), для утверждения и тиражирования требовали одобрения областного управления Государственных трудовых резервов. Механизмы адаптации обладали рядом следующих общих характерных черт:

- нацеленность преимущественно на повышение лояльности учащихся к системе трудовых резервов, на предотвращение прогулов, невыходов на работу, нарушений дисциплины, побегов учащихся, на создание равных условий учебы и быта прибывшим из других регионов и местным учащимся;

- охват всех основных локаций в жизни учащихся (училища и школы ФЗО, общежития, производственные мастерские, рабочие места на предприятиях);

- отсутствие необходимости в дополнительных материальных ресурсах, эффективность при распределении имеющихся ресурсов;

- задействование механизмов самомотивации, т. е. содействие активизации участия самой молодежи в организации учебно-воспитательной работы и производственной деятельности;

- внутрисистемный характер, невозможность привести к изменению внешних по отношению к системе правил;

- более эффективная альтернатива карательным и принудительным механизмам, позволявшая отказаться от сплошного применения последних (что зачастую было объективно невозможно).

Выработка системы взаимосвязанных механизмов адаптации свидетельствует о попытках Государственных трудовых резервов обеспечить поддержку снизу выполнения учебных и производственных задач в тяжелых условиях войны и послевоенного восстановления.

3.2. Социальные демпферы

3.2.1. Обоснование понятия «социальный демпфер»

Не опираясь на частную инициативу, не используя в качестве драйверов модернизации ставку на научные инновации или новые источники богатства, вроде неэквивалентной торговли с колониями, СССР фактически черпал источники развития из собственного населения и природы. В процессе ускоренного развития любая модернизация порождает противоречия и диспропорции, вызывая определенные социальные издержки, конфликты и даже жертвы. Описанный нами выше мобилизационный вариант модернизации, реализованный в СССР, неизбежно должен был порождать их в значительно больших масштабах. Следовательно, проблема определения качественных характеристик социальных аспектов модернизации, социальных цены и эффективности ускоренного развития (решенная крайне недостаточно даже применительно к модернизации либерального типа) в нашем случае приобретает принципиальное значение и требует разработки научного инструментария для объективного измерения социальных параметров модернизационных процессов, выявления методов разрешения противо-

речий, ликвидации диспропорций и определения социальной эффективности перемен.

Важнейшими для общества социальными аспектами модернизационных изменений в области образования представляются:

- миграционные потоки;
- процессы урбанизации;
- изменение профессионально-квалификационного потенциала общества;
- изменение состава рабочего класса с точки зрения социального происхождения;
- смешивание различных национально-культурных групп в составе учебных коллективов;
- «социальная стандартизация» воспитанников училищ и школ;
- возникновение новых социальных лифтов и механизмов ресоциализации маргинализированных групп;
- возникновение системы профессионального образования для инвалидов;
- масштабное вовлечение в промышленное производство девушек;
- формирование специфической субкультуры учащихся, локализованной, прежде всего, в стенах общежитий.

Все это в конечном счете несло в себе как драйверы роста производительных и культурных сил общества, так и социальную цену такого роста, порождало своеобразное «поле однотипных проблем», вызываемых социальными спутниками ускоренного развития – диспропорциями (например, между темпами и масштабами изменений и выделяемыми на их осуществление ресурсами), противоречиями (например, между декларируемыми и реальными задачами развития, что выражалось, в частности, в явных диспропорциях между инвестициями в материальную среду (здания, сооружения, оборудование) и экономией на человеческих ресурсах), зачастую низким качеством управленческих практик (когда недостатки организации компенсировались произволом над учащимися).

Проведенный нами анализ сложного комплекса прямых и обратных связей между различными социальными аспектами модернизации в области подготовки молодых рабочих выявил, что наибольшее интегративное выражение они приобретали в связи с постоянно сопровождавшим модернизационное развитие советского типа мигра-

ционными потоками разной направленности и масштабов. Добровольные и принудительные миграции (дети спецпереселенцев периода коллективизации, воспитанники детских домов, дети колхозников, перебивавшихся в города, эвакуированные учащиеся и сотрудники училищ и школ ФЗО во время Великой Отечественной войны, передававшиеся в учебные заведения молодые заключенные, перевозимые между регионами призывники Государственных трудовых резервов) сталкивались с порождаемыми изменениями государственной политики подготовки рабочих кадров социальными издержками в самой экстремальной степени.

В связи с этим выработка концептуальных подходов к определению конкретных возникавших диспропорций, проблем и противоречий и использовавшихся механизмов их сглаживания, была сфокусирована нами именно на этом направлении.

Советский мобилизационный вариант модернизации, при всем значении государственного принуждения к развитию, опирался далеко не только на него. Достигнутые успехи однозначно доказывают, что «модернизация сверху» опиралась на «поддержку снизу», следовательно, обладала значительным потенциалом сопряжения с традиционным социальным укладом. Применительно к вовлеченным в процессы развития системы подготовки молодых рабочих социальным группам это выражалось (на примере перевозимых из других регионов для обучения в Свердловскую область призывников Государственных трудовых резервов, представителей колхозной молодежи) в следующих аспектах:

1. Понятный и в целом приемлемый для большинства молодых людей вектор изменений жизненного пути. Физический труд в колхозе заменялся на столь же тяжелый труд на заводе, но в перспективе обеспечивал более высокий уровень образования и культуры, более комфортную городскую жизнь и минимальные социальные гарантии (чего не было в колхозах).

2. Отсутствие принципиальных изменений в социальной роли. Исторически россиянин всегда был жестко вписан в те или иные отношения социальной зависимости (от государства, церкви, помещика, заводчика, в 1930-е – от колхоза), привык перекладывать ответственность за свою судьбу на внешнего субъекта. Поэтому столь печальны итоги либеральных вариантов русских модернизаций, пытавшихся востребовать самостоятельность усилий, инициативу и ответственность за ее

результаты (например, столыпинская аграрная реформа). Мобилизационная модернизация 1930-х – середины 1950-х гг. была психологически приемлемой для большинства именно потому, что личность оставалась в жесткой подчиненности, транслируя при этом ответственность за свою судьбу на внешнего субъекта.

3. Сталинская модернизация СССР несла в себе исторически крайне важный для мессианской по характеру народной психологии элемент – чувство сопричастности великому делу – строительству нового общества.

4. Сохранение, по крайней мере, на период обучения, принципиальных основ привычного коллективистского жизненного уклада (коллектив учащихся как аналог общины или колхоза).

5. Сохранялся и привычный уровень потребления и место в общественной иерархии потребления.

Таким образом, многие перемены, происходившие с призывниками Государственных трудовых резервов, выглядели значительно радикальнее, чем являлись на самом деле. Изучение материалов о протестных выступлениях учащихся показывает, что сопротивление вызывали, скорее, не сами перемены, а экстремальные ситуативные проблемы, нередко их сопровождавшие.

Именно поэтому протестные явления как отражение диспропорций и противоречий развития чаще всего могли быть сглажены (демпфированы) властью с помощью относительно недорогих с точки зрения расходования ресурсов механизмов – демпферов, не вынуждая власть (в отличие от эпохи Петра I) использовать прямое государственное насилие в значительных масштабах.

3.2.2. Социальные демпферы в практике Свердловского регионального управления Государственных трудовых резервов

Первые подходы к выявлению социальных демпферов наметились в процессе изучения миграционных потоков, влиявших на развитие региональной системы подготовки рабочих кадров Свердловской области в 1920–1950-е гг. (в рамках работы над грантом РФФИ № 19-09-00396). Прежде всего, изучение больших массивов источников различных видов выявило, что миграционные потоки, являясь одним из инструментов достижения конкретных задач модернизации образова-

ния и экономики, не только усиливали имеющиеся проблемы региональной образовательной системы, но и порождали ряд новых. Нехватка материальных ресурсов (одежды, обуви, гигиенических средств, постельных принадлежностей, продовольствия), мест в общежитиях, столовых, площадей для проведения учебных занятий и мастерских для организации практического обучения, учебников, канцелярских принадлежностей, а также преподавателей и мастеров соответствующей квалификации значительно обострилась, в некоторых случаях приобретая критический характер. К уже обозначенным проблемам добавились новые: перемещаемые контингенты призывников не имели теплой одежды и обуви, привыкли к жизни в другом климате, иной трудовой деятельности, нередко не владели в достаточной степени русским языком, не имели достаточного уровня грамотности. Между местными призывными контингентами и прибывшими из других регионов, оказавшимися в одном общежитии или по соседству, постоянно возникали конфликты, доходившие до массовых драк между различными группами внутри учебных заведений или между целыми училищами в крупных городах – Свердловске, Нижнем Тагиле и др. Враждебная по отношению к инорегиональным призывникам культурная, социальная и психологическая среда становилась еще тяжелее, поскольку изначально предполагалось их использовать на самых тяжелых и непрестижных направлениях работы (в лесной, угольной отраслях и т. д.). Оторванные от родных прибывшие не могли получать поддержку из дома, высока была мотивация к побегам на малую родину. Сюда же (в и без того раскаленную социальную микросреду) вливались и передаваемые на обучение в трудовые резервы контингенты воспитанников детских домов и освобождаемые от наказания несовершеннолетние заключенные, приносившие с собой специфическую субкультуру и настроения. И, самое главное, все эти многообразные проблемы становления новой системы подготовки молодых рабочих возникали почти одновременно и в условиях начавшейся Великой Отечественной войны, что означало не только перемещение в Свердловскую область дополнительно 20 000 эвакуированных учащихся из западных областей, но и возникновение целого ряда новых учебных и производственных задач в условиях истончения и без того скудного материального обеспечения. Обеспечение государственных интересов при этом имело безусловный приоритет перед созданием минимальных приемлемых

условий для эвакуируемых. Нередко эвакуация проводилась в последний момент, не позволяя в принципе провести осмысленные подготовительные мероприятия. Так, по данным из объяснительной записки директора школы Бондаренко, учащиеся Криворожской школы ФЗО № 3 до последнего дня работали на спецработах на шахте имени Фрунзе: «Школа ФЗО 12 августа до 8 час. вечера еще работала на отгрузке шахтного оборудования на шахте им. Фрунзе треста «Октябрьруда». В 8 час. 30 мин. вечера секретарь шахты бюро т. Яловских подал команду бросать все и немедленно уходить. Старший мастер Береусной и старший комендант Плахтиенко дали команду ученикам разобрать чемоданы и бежать на станцию» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 338. Л. 111–112). Даже в этих обстоятельствах именно ученики оказались в самом плохом положении – всем сотрудникам выдали зарплату за август полностью, ученики же не получили ничего. Кроме этого, денег на эвакуацию школой получено не было.

О том, что данный случай не является единичным, свидетельствует то, что в такое же положение, несмотря на существенно более спокойные условия эвакуации, попали и учащиеся ремесленного училища № 25, эвакуированного из подмосковного Климовска. В объяснительной записке директора училища Шадриной сообщается: «При эвакуации все бухгалтерские и др. документы счетного характера были сожжены. Всем работникам, эвакуированным с училищем, было выплачено на месте отпускные и за месяц вперед. По приезде в Н-Тагил было выплачено училищем № 25 всем подъемные и зарплата с 15 ноября по 26 включительно. При эвакуации завод, при котором были наши мастерские, не выплатил деньги учащимся старого набора, работающим в цехах. Точную сумму указать трудно, но около 4.000 рублей» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 342. Л. 79).

Эвакуированные учащиеся на новом месте оставались в той же структуре отношений с руководителями, что и остальные. В направляемых наркоматом юстиции РСФСР в адрес Главного управления трудовых резервов материалах содержится немало примеров бесправия учащихся даже перед самым низшим звеном руководителей – мастерами производственного обучения. Так, в 1941 г. заместитель Народного Комиссара Юстиции РСФСР И. Перлов сообщил в Главное управление трудовых резервов об одном таком трагическом случае: «В августе месяце 1941 г. из Николаева в Свердловск эвакуировалась шко-

ла ФЗО в количестве 130 человек. Ученики этой школы были разбиты на бригады, причем одна из них в количестве 30 человек, под начальством мастера Лучко К. Ф. была направлена для работы на Мясохладстрой. Вскоре в эту бригаду прибыли еще 2 ученика. Это были сбежавшие ранее из Свердловска Нивель и Пальчевский. Таким образом, в бригаде оказалось два лишних человека. Мастер бригады Лучко, вместо того, чтобы сообщить директору школы Эстину фамилии действительно лишних учеников дал сведения, что в бригаде лишними являются эвакуированные из Николаева Данченко и Проценко. После этого Данченко и Проценко к работе не допустили, в течение 3–4 дней не давали питания и в конце концов – при помощи милиции выселили из общежития. Уходя из общежития и прощаясь с товарищами, Данченко заявил, что ему надоело голодать и что он идет броситься под поезд, а в ночь с 1 на 2 сентября 1941 г. труп Данченко с разбитой головой был обнаружен на полотне железной дороги на перегоне между станцией Уктус и 75 разъездом. В кармане убитого был обнаружен его комсомольский билет и записка: “Умер через мастера Лучко”. В процессе следствия был установлен ряд ненормальностей в работе школы ФЗО, и в частности, такая недопустимая вещь, как практика лишения учеников питания за те или иные проступки» (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9057. Оп. 5. Д. 52. Л. 82). Директор школы Энтин в итоге был осужден на 2 года лишения свободы.

Важно подчеркнуть, что учащиеся нередко попадали в чрезвычайно сложные условия не по причине объективных трудностей военного времени, а по причине элементарной нерадивости руководителей. Характерен пример директора ремесленного училища № 8 г. Красноуральска, снятого 25 декабря 1942 г. решением городского комитета партии с должности с формулировкой «за безответственное и бездушное отношение к бытовым нуждам учащихся ремесленного училища». В докладной записке заведующему отдела кадров областного комитета партии от Красноуральского городского комитета сообщалось: «Многие учащиеся оставались без пищи, не в состоянии были по несколько суток умываться из-за отсутствия в общежитиях умывальников и мыла... вынуждены были спать на голых досках (при наличии в училище постельных принадлежностей)». Более того, здесь же признавалось, что вмешательство горкома произошло только после того, как вспыхнул скандал с участием родителей учащихся, окончив-

ших обучение в августе 1942 г., но не получивших в дорогу к месту трудоустройства никаких продуктов, даже хлеба (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 215. Л. 19). В материалах НКВД, подписанных наркомом госбезопасности СССР Меркуловым, отправленных в ноябре 1943 г. заместителю начальника трудовых резервов Г. И. Зеленко, приводятся самые необычные действия руководителей, являвшиеся в действительности нарушениями законных прав учащихся, приведшие к их массовому бегству. Так, директор одного из Нижнетагильских ремесленных училищ Борзенко выдавал учащимся хлеб на 2–3 дня, предлагая на хлеб купить обувь (ГА РФ. Ф. Р-9057. Оп. 5. Д. 51. Л. 85). Здесь же цитируется письмо учащегося РУ № 4 Нижнего Тагила Серебрякова, называемое самой цензурой НКГБ СССР одним из наиболее характерных: «Кормят нас гнилой картошкой и капустой. В общежитии холодно. Обувки не дают, на завод хожу чуть ли не босиком. Кожа вся в болячках и нарывах, как ночь, так и реву. Все равно убегу, если не убегу, то сам себя прикончу, только жить здесь не буду» (ГА РФ. Ф. Р-9057. Оп. 5. Д. 51. Л. 87).

Не меньшие проблемы возникали у молодых «гвардейцев труда» и в отношениях с руководителями на производстве. В своем заявлении ученики ремесленного училища Москвы № 6, эвакуированные в г. Карпинск в РУ № 31, прямо называют действия директора Карпинского завода в своем отношении «зверствами», обвинив его в систематических избиениях (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 157. Л. 78). В обращении Володарского райкома партии Ленинграда в Главное управление трудовых резервов и Свердловский обком партии приведен ряд подобных фактов, имевших место с молодыми рабочими, только что окончившими школу ФЗО строителей Ленинграда, эвакуированными на Криолитстрой (ст. Сысерть, Свердловская область): «Мастера не выписывают наряды на работы, расцененные по 4[-му] разряду только потому, что ученики... не выпивают вместе с мастерами и бригадирами... бригадиры, мастера сами не работают, а только сидят и покуривают – поэтому у молодых рабочих складывается мнение, что они их обрабатывают...» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 35. Д. 299. Л. 91). Примечательны отдельные детали из в целом бравурного отчета «Состояние учебы по заводу № 356 по состоянию на 10 мая 1943 г.». В частности, в нем признавалось, что «нет учета выполняемой работы, так как цех перед началом работы выписывает карту-наряд в одном экземпляре, кото-

рые очень часто теряются и создают неразбериху в оплате ученикам и молодым рабочим» (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 215. Л. 64). К весне 1943 г. относятся и заявления от выпускников ремесленного училища № 18, работающих на заводе № 474, обвиняющие в своем тяжелейшем положении директора завода Алешина и начальника ОРСа Голубева (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 38. Д. 221. Л. 33).

Указанные факты бездушного и преступного отношения к учащимся были возможны еще и потому, что последние обладали весьма ограниченным набором средств для отстаивания своих прав. Как правило, разбирательство нарушений начиналось партийными или государственными органами лишь в случаях, когда «поднимался шум», т. е. когда учащимся удавалось доставить письмо в партийные комитеты, родители устраивали скандалы в училищах, о случаях нарушений сообщала пресса. Либо в случаях, приводивших к нарушению интересов самой системы трудовых резервов, – побег, совершение противоправных действий, самоубийства. Важной для учащихся и их родственников проблемой нередко становилось информирование родных о местонахождении эвакуированных с училищами учеников. Данная проблема вновь проявляет бездушие, механистичность системы власти и управления сталинской эпохи, органичной частью которой стала система Государственных трудовых резервов, поскольку вопреки мнению известной исследовательницы эвакуационных процессов М. Н. Потемкиной об особом, привилегированном положении в эвакуации семей партийной номенклатуры [74, с. 134], даже партийные работники областного уровня не всегда могли добиться информации о судьбе своих детей – учащихся трудовых резервов. 24 мая 1942 г. на имя секретаря Свердловского обкома ВКП(б) по кадрам поступило письмо от инструктора Куйбышевского обкома по кадрам Шутько И. С. с просьбой помочь найти сына, эвакуированного вместе с ремесленным училищем № 3 Харькова в Свердловскую область. Заявитель неоднократно обращался в справочные бюро Свердловска и Нижнего Тагила, но никакого ответа не получил (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 37. Д. 157. Л. 104).

Самым острым моментом в структуре отношений учащихся с системой Государственных трудовых резервов в послевоенное время являлся призыв. Здесь, стремясь к выполнению установленного плана призыва контингента, призывные комиссии нередко шли на различные ухищрения. Докладные записки и отчеты уполномоченных Гос-

плана СССР по областям и республикам приводят массу примеров такого рода. Призывали больных, без документов, несоответствующего возраста, с явно выраженными дефектами (эпилепсия, нарушение шейных позвонков) (Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 48. Д. 1084). Широкое распространение в ходе проведения призывов учащихся получила практика обмана учащихся призывными комиссиями. Проведение призыва в трудовые резервы под видом призыва в Советскую Армию, дача ложных обещаний призывникам расценивались самой системой трудовых резервов как нарушение установленных правил, но такие нарушения не влекли за собой отмену произведенного с ними призыва (РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 49. Д. 859. Л. 91).

Самым серьезным фактором ущемленного положения учащихся, заложенным в принципы системы трудовых резервов, являлось одно из ее главных достоинств с точки зрения обеспечения интересов государства – ее полувоенный характер. То, что нередко отношение к учащимся называется самими государственными органами бездушным, на наш взгляд, далеко не случайно. Система в таком виде, и встроена в такую модель управления экономикой и обществом, и могла быть, с точки зрения интересов этой модели, эффективной только в том случае, если была бездушной. В системе трудовых резервов, равно как и в армии, колхозе и т. д. выполнение поставленных задач никогда не соизмерялось и не могло соизмеряться с тяготами и лишениями исполнителей. План призыва, план выпуска ученической продукции, план передачи выпускников по отраслям и предприятиям – должны были безусловно выполняться, несмотря ни на какие трудности и объективные условия. Ученик на каждом этапе своего ученического пути (призыв, следование к месту учебы, обучение, трудоустройство на предприятие) не обладал никакой самостоятельностью в определении своей судьбы, располагал минимальными средствами отстаивания своих прав перед установленными системой полновластными начальниками (членами призывных комиссий, начальниками эшелонов, директорами и мастерами в училищах, директорами и даже кадровыми рабочими на предприятиях). Его интересы всецело зависели от профессиональных качеств, порядочности, просто доброй воли других людей.

Изучая большие массивы данных о масштабах и сложности возникших проблем, трудно поверить, что их удалось решить. Особенно

с учетом того факта, что система Государственных трудовых резервов к решению многих обозначенных проблем была совершенно не готова, но отменять (или серьезно корректировать) планы развития, утвержденные правительством, не могла. В результате руководителям нижнего звена – от преподавателей и мастеров до директоров училищ и руководителей регионального управления трудовых резервов – для обеспечения недопущения срыва учебного процесса и выполнения производственных заданий (в том числе оборонных), пришлось вырабатывать механизмы адаптации к возникшим неотложным проблемам на ходу, на свой страх и риск. Многие из принимаемых решений не вписывались в установленные для системы трудовых резервов правила и процедуры, что потребовало их корректировки. Такая корректировка являлась крайне сложным процессом. Для некоторых частных решений она была возможна путем обсуждения конкретных найденных способов решения частных проблем на уровне региональной системы трудовых резервов и закреплялась через одобрение различными совещаниями регионального уровня (директоров училищ и школ, помощников директоров по политической части) и затем могла тиражироваться. Нами такой способ решения частных, но массовых, характерных для многих училищ и школ проблем, был назван механизмами адаптации.

Однако некоторые проблемы носили столь масштабный характер, что не могли быть решены без частичной корректировки принципиальных основ, заложенных в основание трудовых резервов или установленных практик их взаимоотношений с органами власти или хозяйственного управления. Они могли требовать комбинации ряда механизмов адаптации, или придания им нового качества. Сглаживание остроты таких проблем требовало вынесения соответствующих предложений на уровень центральных органов власти и принятия соответствующих постановлений, директив, резолюций центральных органов власти, управления и планирования. Способ решения сложных, затрагивающих интересы различных структур и организаций проблем, автор назвал социальными демпферами.

3.2.3. Социальные демпферы и социально-культурные амортизаторы

Социальный демпфер для сферы подготовки молодых рабочих – это властно-распорядительный, организационный или педагогический механизм (практика) или их совокупность, главным предназначением

(основной социальной функцией) которого является сглаживание диспропорций и(или) противоречий, возникающих в ходе модернизационных процессов в обществе [24].

В науке есть отчасти сходная концепция социального амортизатора, принадлежащая философу А. С. Ахиезеру. Он определяет амортизаторы социальные как социокультурные институты, способные воспринимать сигналы о развитии *социокультурных* противоречий и принимать меры по их преодолению, стимулировать способность общества следовать социокультурному закону. Социальные амортизаторы фиксируют рост скрытого или явного недовольства, рост массового дискомфорта, актуализируют программы соответствующих мер [4].

Отличия социальных демпферов от социальных амортизаторов:

- демпфер – механизм (практика), сформированный в результате планирования, реализации или контроля государственных модернизационных мероприятий; тогда как амортизатор – социальный институт, самостоятельно воспринимающий сигналы о социокультурных противоречиях и принимающий меры по их преодолению;
- демпферы направлены на технологическое регулирование социальных процессов; амортизаторы ориентированы на общественное или индивидуальное сознание и культуру;
- демпферам присуща уникальная способность снижать негативный эффект сразу нескольких противоречий, порожденных модернизационными процессами;
- возникновение демпфера как результата осуществления других социальных функций или механизмов (управленческих, контрольных, правоохранительных).

Примеры демпферов:

- элементы хозрасчетных отношений в практике функционирования системы СПО (хозрасчетные отделы в структуре ГУТР, хозрасчетная база снабжения в Свердловске в годы ВОВ, контроль рентабельности обучения учебных групп). Поскольку государство не смогло обеспечить предусмотренное для системы Государственных трудовых резервов материально-техническое снабжение, то по распоряжению начальника ГУТР П. Р. Москатова в начальный период ВОВ директорам училищ было разрешено самостоятельно приобретать (заказывать) недостающее продовольствие, одежду и иные товары у предприятий и иных поставщиков в порядке «децентрализованной закупки»;

- система льгот учащихся и сотрудников (прикрепление учащихся к ОРСам предприятий, бесплатное питание, снабжение обмундированием). Первоначально ученическая форма, напоминающая военную, была предусмотрена только для учащихся ремесленных училищ. Она придавала обучению больший престиж. Однако отчеты с мест показывали, что самые серьезные проблемы с комплектованием школ ФЗО уже в 1941 г. были связаны в том числе и с низкой престижностью этих учебных заведений среди молодежи. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 204 от 27 января 1941 г. «О дополнительных мерах по подготовке государственных трудовых резервов в школах фабрично-заводского обучения в 1941 году» для учащихся школ ФЗО вместо прежней спецодежды была установлена форменная одежда, также напоминавшая военную;

- изменение географии проведения призыва для учебных заведений Свердловской области с учетом опыта использования призывников из разных регионов. Например, Тюменская, Кировская и Омская области были признаны более желательными, чем национальные республики, и география призывов была скорректирована Госпланом СССР;

- создание условий для ресоциализации маргинальных элементов через вовлечение в подготовку рабочим профессиям молодежи из детских домов, освобожденных молодых заключенных, молодежи из числа «репрессированных народов» и т. д. Так, Указом Президиума ВС СССР от 29 сентября 1942 г. об освобождении от наказания несовершеннолетних заключенных по некоторым преступлениям, ГУ исправительно-трудовых лагерей и трудколоний предусматривалась передача в школы ФЗО, РУ и ЖУ десятков тысяч таких подростков. Во многом данная практика опиралась на опыт выработки механизмов адаптации, использованный в работе с инообластными и эвакуированными контингентами;

- сохранение наряду с трудовыми резервами сегмента ведомственных училищ и школ. Обеспечение многообразных потребностей развития страны, особенно в период войны, требовало подготовки самых разных по квалификации и направлениям подготовки молодых рабочих. Обеспечить такое разнообразие в централизованной системе трудовых резервов было крайне сложно. Поэтому на протяжении всего рассматриваемого периода в качестве демпфера сохранялись ведомст-

венные учебные заведения (школы ФЗУ), обеспечивавшие, кроме прочего, и значительный процент вовлеченных в процесс подготовки молодых рабочих девушек;

- процедура (технология) планирования каждого призыва в трудовые резервы, включавшая не только обязательное участие региональных и районных плановых и партийно-государственных органов, но и возможность районов добиваться корректировки (снижения) планов призыва. Такие решения требовали соответствующей позиции райкомов партии, транслировавшихся соответствующим отделам областного комитета партии, и только с одобрения последнего планы призыва по районам корректировались;

- синхронизация территориального распространения сети учебных заведений с освоением новых промышленных районов (доказано на материалах развития сети трудовых резервов в западных и восточных районах Иркутской области);

- использование внутренних резервов и резервов ГТР в случае необходимости (изготовление целого ряда товаров – обмундирования, обуви, спецодежды, инструмента и т. д. в самих учебных заведениях; подсобные сельские хозяйства в училищах и школах в годы ВОВ);

- практика реагирования региональных партийно-государственных органов на жалобы и обращения учащихся и сотрудников системы ПТО. По заявлениям проводились инспекторские проверки силами областного управления трудовых резервов, но полномочий воздействия, например, на директоров предприятий, не использовавших надлежащим образом учащихся и выпускников или не заботившихся об обеспечении минимальных условий для их жизни и работы, областное управление не имело. Как следствие, сложилась практика обращений областного управления в партийные и хозяйственные инстанции, а также надзорно-караательные органы для корректировки поведения конкретных директоров или привлечения их к ответственности.

На наш взгляд, новая концепция предоставляет как минимум две важнейшие возможности. Первая относится к определению степени важности для успеха «модернизации сверху» ее «поддержки снизу», т. е. способностью и желанием общества разделить цели модернизационных преобразований, принять активное участие в их адаптации к конкретным условиям и творческому развитию. Нами рассматривалась соответствующая научная проблема применительно к сталин-

ской модернизации, и мы пришли к выводу, что степень ее «поддержки снизу» была достаточно высокой, т. е. достаточной для решения поставленных задач развития в установленные сроки при имеющихся ресурсах. Вторая возможность видится в потенциале совершенствования научных понятий и методов, позволяющем продвинуться в решении крайне актуальной до сих пор задачи – создании инструментов объективного измерения социальной эффективности (соотношения социальной цены и роста культурных и производительных сил общества) модернизационных преобразований. Социальные демпферы количественно измеряемы: по динамике важнейших показателей, характеризующих проблемы, на решение (сглаживание) которых они были направлены, измеряемо время их возникновения и функционирования, измеряема их эффективность, по соотношению демпфированных и проигнорированных властью социальных диспропорций и противоречий объективно измеряема социальная эффективность той или иной модернизации в целом.

В рамках нашей теории выделяются 2 типа демпферов: демпферы-механизмы (организационные, экономические, юридические и т. д.) и демпферы-практики (педагогические, профессиональные, профориентационные), которые соответствуют двум типам диспропорций и противоречий, возникающих в ходе модернизационного рывка в развитии системы подготовки квалифицированных рабочих кадров. Совокупность демпферов и интенсивность их использования могут выступать в качестве инструмента измерения эффективности модернизационных процессов в сфере ПТО, определяемой как соотношение масштабов желаемых изменений и их социальной цены.

3.3. Технологии управляемой социализации

3.3.1. Обоснование понятия «технология управляемой социализации»

Более масштабные задачи социализации учащихся Государственных трудовых резервов решались посредством системного применения более долгосрочных (по сравнению с механизмами адаптации и социальными демпферами) стратегий целенаправленного формирования личности – технологий управляемой социализации.

Основываясь на субъект-субъектном подходе, социализацию можно трактовать как развитие и самоизменение человека в процессе усвое-

ния и воспроизводства культуры, что происходит во взаимодействии человека со стихийными, относительно направляемыми и целенаправленно создаваемыми условиями жизни на всех возрастных этапах.

Методы социализации всегда предполагают внешнее вмешательство в деятельность объекта социализации в целях ее коррекции в необходимом направлении. Отраслевые технологии управляемой социализации являлись таким их развитием, которое было призвано сформировать личность, сознательно стремящуюся на протяжении всей жизни приносить обществу своим рабочим трудом наибольшую пользу, претендуя на достаточно скромное материальное вознаграждение. Если социальные демпферы были призваны сглаживать проблемы, угрожавшие выполнению системой планов подготовки квалифицированных рабочих и их централизованного распределения, производства учащимися продукции в рамках государственных заказов в мастерских училищ или цехах предприятий, то технологии управляемой социализации имели более масштабные и долгосрочные задачи, были нацелены на выработку у учащихся всего спектра социально-психологических характеристик и настроений, который рассматривался системой как оптимальный для обеспечения достаточного уровня поддержки модернизационного развития «снизу».

Главной задачей технологий управляемой социализации в области подготовки молодых рабочих, безусловно, являлось формирование у учащихся стойких коммунистических убеждений, которое осуществлялось на основе специально разработанных и утвержденных методик [32]. Точно также специально утверждалась и тиражировалась тематика политбесед и лекториев в училищах и школах, ее содержание чутко реагировало на изменения идеологических акцентов высшего руководства страны [42]. Эта технология, зародившаяся в системе Гострудрезервов, оказалась наиболее «долгоиграющей», сохранилась вплоть до последних лет советской власти. Например, цитата из речи товарища Л. И. Брежнева на декабрьском 1977 г. пленуме ЦК КПСС: «Сегодня работать лучше, чем вчера, завтра – лучше, чем сегодня. Таков лозунг дня», была немедленно (в сокращенном виде – «Сегодня работать лучше, чем вчера, завтра – лучше, чем сегодня») на практике превращена в лозунг, украсивший многие профтехучилища СССР. Рабочий должен был стать носителем особой морали, призванной обеспечить устойчивость впитанных идеологических установок. «Мораль-

ный кодекс строителя коммунизма», созданный по инициативе Н. С. Хрущева в 1961 г., на деле не был новацией – уже в системе Государственных трудовых резервов была разработана и содержательная, и технологическая основы формирования рабочей морали. Они включали в себя специальные методы формирования сплоченности и коллективизма (например, в рабочие бригады старались брать учащихся, проживающих в одной комнате в общежитии), и методики формирования представлений о приоритете мер морального стимулирования над материальными (от индивидуальных мер морального поощрения – внесение лучших учащихся в книгу почета, на доску славы училища, вручение правительственных наград, до коллективных – переходящее знамя училища – победителя соцсоревнования, присвоение почетного имени знакового советского героя). Этому же способствовала регулярная практика бесплатной общественно-полезной деятельности учащихся (субботники, чистка улиц, строительство оборонительных сооружений и т. д.).

3.3.2. Идеологические элементы технологий управляемой социализации

Необходимым элементом идеологически верной рабочей социализации было формирование особой «рабочей гордости», начинавшееся с формирования мифологии и «привлекательных образов» самой системы Гострудрезервов. В обращениях к учащимся руководителей партии и государства, в журнальных и газетных статьях, радиопередачах был выработан целый спектр сильно мифологизированных привлекательных образов трудрезервовцев: «рабочей гвардии смена», «мастер – золотые руки», «кузница кадров», «воспитанники училища», «знатный кузнец», «рядовой трудовой гвардии», «самоотверженный труд», «рабочая слава», «питомцы трудовых резервов», «славный путь», «рабочая смекалка», «гордость коллектива» и т. д.

Целый ряд технологий управляемой социализации был направлен на формирование такого важного качества будущего рабочего, как дисциплина.

В системе Государственных трудовых резервов ее формированию способствовало введение полувоенной формы. Первоначально такая красивая форма полувоенного вида была введена только в ремесленных и железнодорожных училищах, что стало одним из факторов их престижности среди молодежи. Неброская рабочая одежда учащихся

школ ФЗО выступала как дополнительный (к тяжелым и не требовавшим особой квалификации профессиям подготовки в них) фактор их непопулярности. Поэтому введение красивой полувоенной формы сначала в РУ и ЖУ, а затем и в школах ФЗО являлось социальным демпфером. Установление строгого порядка ношения этой формы, ежедневно приучавшего учащихся к дисциплине, можно рассматривать уже как технологию управляемой социализации [60]. Другой такой технологией, нацеленной на формирование дисциплинированности, являлось использование военно-учебной организации для поддержания дисциплины вне учебного и производственного процессов (перемещения строем по городу, в столовую и т. д.).

Еще В. И. Ленин предупреждал, что коммунизм нельзя построить, ограничиваясь изучением коммунистической литературы, для этого необходим широкий кругозор. Широкий, но правильно сориентированный кругозор стремилась формировать система Гострудрезервов. Технологическими основами здесь выступали утверждение репертуара художественной самодеятельности [78], составление списков рекомендуемой для трудрезервовцев литературы [52], издание художественной литературы определенной направленности издательством «Трудрезервиздат» (с 1960 г. «Профиздат»), утверждение перечня фильмов для бесплатного показа в учебных заведениях профтехобразования и т. д.

Сильной стороной советского подхода к управляемой социализации будущих рабочих являлось, таким образом, пристальное внимание к управлению и свободным временем учащихся. Свободное время старались максимально запланировать (кружки, клубы интересных встреч, клубы выходного дня), праздники включить в общую логику социализации [106].

Прагматическим задачам было подчинено и физкультурно-спортивное развитие учащихся. Особое внимание среди культивировавшихся видов спорта уделялось тем, которые развивали физическую силу, выносливость, имели военное приложение: бокс, лыжи, стрельба, гимнастика, плавание.

Заключение

Исследование роли идеологии как источника развития целой страны или отдельных областей общественной жизни представляется делом крайне необходимым и полезным. За тысячелетнюю историю России сменились сотни правящих персон, повлиявших на нее далеко не одинаково. Их энергичность, ум, добродетель, народолюбие далеко не всегда приводили к получению значительного и долгосрочного положительного эффекта для российского общества. Владимир Святой, Иван Грозный, Петр Первый, Владимир Ленин и Иосиф Сталин обладали различными личностными и политическими качествами. Объединяет этих в наибольшей степени определивших развитие страны деятелей одно – они фундаментально изменяли идеологические основы общественной жизни.

Становление новой идеологии всегда требовало социальной опоры, обладавшей передовыми, с ее точки зрения, социальными характеристиками. В этом смысле как идеология Иоанновой «Грозы» не может быть полноценно осмыслена без учета фактора общественного значения дворянства, так и идеологические основы советской модернизации не могут исследоваться вне фактора воспитания нового, передового советского рабочего класса. Поэтому идеологические установки развития системы подготовки квалифицированных рабочих кадров в советский период истории играли роль одной из движущих сил развития страны.

Несомненная эффективность развития достигалась именно в периоды наивысших синергетических эффектов вырабатываемых моделей интеграции идеологии и прагматизма, а его кризис со второй половины XX в. стал следствием все большего расхождения идеологических установок с тенденциями и потребностями развития общества, в том числе в области подготовки молодых рабочих кадров.

Общие рамки для определения первой советской модели соединения идеологии и прагматики в области подготовки молодых рабочих обозначены речью В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи», произнесенной на съезде 2 октября 1920 г. Все многочисленные дискуссии 1920-х гг. о путях развития профессиональной подготовки рабочих так или иначе отныне находились в границах идейного коридора, выстроенного вождем пролетариата.

Существовавший в первой половине 1920-х гг. параллелизм в управлении промышленностью (если СТО осуществлял общее руководство экономической политикой, а Госплан вырабатывал общехозяйственный план и увязывал интересы промышленности с другими отраслями, то ВСНХ (на правах комиссариата) проводил в жизнь утвержденные СТО планы и общехозяйственные директивы в области промышленности), определенная автономность хозяйственной деятельности предприятий, принимавшая различные формы – от бартерных торговых сделок до выпуска собственных заводских временных денежных знаков, приводили к тому, что развитие школ ФЗУ было отдано на откуп директорам предприятий, нередко предпочитавшим найм рабочей силы с рынка труда, мало интересовавшимся своими школами.

В конце 1920-х гг. советская идеология приобретает новые элементы, связанные с выдвинутыми И. В. Сталиным теоретическими положениями о необходимости «завершения революции» (ликвидации остававшихся «эксплуататорских классов» – нэпманов и кулачества) и «необходимости построения материально-технической базы социализма» (проведение ускоренной коллективизации и форсированной индустриализации, а также культурной революции). Конкретизацией этих новых идеологических установок стали решения XV съезда ВКП(б), в частности предусматривавшие увязку плана культурного строительства с индустриализацией страны.

Бюрократизация поля дискуссий о развитии профтехшколы в 1930-е гг. совершенно оставляла за ее рамками реальные проблемы подготовки молодых рабочих, в том числе и идейно-политической, вызванные политикой наркоматов, приведшей к сокращению сети учебных заведений в условиях, когда основная ставка делалась на подготовку рабочих непосредственно на производстве, при сокращении сроков обучения в оставшихся школах ФЗУ с двух лет до шести месяцев и исключении из программы обучения обществоведческих (идеологически важных) дисциплин.

Предпринятая в 1933 г. в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР «О школах фабрично-заводского ученичества» (15.09.1933 г.) реформа школ ФЗУ может рассматриваться как попытка интеграции идеологических установок с прагматическими задачами (поскольку явно отражала коренные интересы наркоматов), оказавшейся не слишком удачной именно в свете доминирования ведомственно-бюрократического понимания прагматических задач развития.

Новые общегосударственные акценты в противовес узковедомственным в области подготовки кадров расставил И. В. Сталин в речи перед выпускниками военных академий 4 мая 1935 г. Одновременно ускорился процесс формирования советской образовательной бюрократии, который был теснейшим образом связан не только с процессами внутрипартийной борьбы за власть, но и с тенденциями эволюции «линии партии» в вопросе хозяйственного строительства. Большую часть руководящих кадров системы Государственных трудовых резервов составят именно выходцы из профсоюзов.

Идеальной социальной средой для существования и воспроизводства «образовательной бюрократии» стала спроектированная ею же система Государственных трудовых резервов, руководство которой изначально строилось именно на принципе назначения – сверху донизу. Руководящее звено системы будет наглухо изолировано от учебных заведений, исключая пополнение руководства за счет карьерного роста руководителей уровня учебных заведений или, тем более, воспитанников. В 1940-е гг. руководство системы комплектовалось за счет выходцев из профсоюзной, партийной и комсомольской среды, разбавленных с 1950-х гг. «технарями».

Важным фактором для понимания мировоззрения и целей субъекта будущего социального проекта – создания системы Государственных трудовых резервов – было то, что формирование образовательной бюрократии происходило в крайне непростых и даже опасных для руководителей самого разного уровня условиях первых пятилеток и развернувшегося «Большого террора».

Идеологически значимым для формировавшейся модели централизованно управляемого и директивно функционирующего (нередко в режиме ручного управления вождем) индустриального рывка являлся принцип централизованной подготовки и распределения рабочих кадров, положенный в основание системы Государственных трудовых резервов. Прагматические соображения определили сохранение на деле определенного сегмента ведомственных школ ФЗУ – для небольших предприятий легкой, пищевой промышленности и т. д.

Начальный этап формирования системы Государственных трудовых резервов пришелся на начало Великой Отечественной войны, которая резко усугубила проблемы комплектования контингентов учащихся и преподавателей, снабжения, материальной базы, организации

обучения и практики. К такому валу проблем система была совершенно не готова, но не имела возможности отменять или существенно изменять утвержденные планы своего развития. Сложившаяся ситуация привела к тому, что руководителям среднего и нижнего звена для недопущения срыва учебного процесса и выполнения производственных заданий (в том числе оборонных) пришлось вырабатывать механизмы адаптации к возникшим неотложным проблемам. Многие из принимаемых решений не вписывались в установленные для системы трудовых резервов правила и процедуры, что потребовало их корректировки, которая производилась посредством обсуждения конкретных найденных способов решения частных проблем на различных совещаниях регионального уровня (директоров училищ и школ, помощников директоров по политической части) и последующего тиражирования в виде распорядительных документов областного управления трудовых резервов. Автор назвал такой способ решения частных, но массовых, характерных для многих училищ и школ проблем, механизмами адаптации.

Однако некоторые проблемы носили столь масштабный характер, что не могли быть решены без частичной корректировки принципиальных основ, заложенных в фундамент трудовых резервов или установленных практик их взаимоотношений с органами власти или хозяйственного управления. Они могли требовать комбинации ряда механизмов адаптации, или придания им нового качества. Сглаживание остроты таких проблем требовало вынесения соответствующих предложений на уровень центральных органов власти и принятия соответствующих постановлений, директив, резолюций центральных органов власти, управления и планирования. Способ решения сложных, затрагивающих интересы различных структур и организаций проблем, автор назвал социальными демпферами. В монографии сформулировано понятие социального демпфера для сферы подготовки молодых рабочих – это властно-распорядительный, организационный или педагогический механизм (практика) или их совокупность, главным предназначением, основной социальной функцией которого является сглаживание диспропорций и (или) противоречий, возникающих в ходе модернизационных процессов в обществе.

Более масштабные задачи социализации учащихся Государственных трудовых резервов решались посредством системного применения

более долгосрочных (чем механизмы адаптации и социальные демпферы) стратегий целенаправленного формирования личности – технологий управляемой социализации.

Целью отраслевых технологий управляемой социализации в системе Гострудрезервов было формирование личности, сознательно стремящейся на протяжении всей жизни приносить обществу своим рабочим трудом наибольшую пользу, претендуя на достаточно скромное материальное вознаграждение. Если социальные демпферы были призваны сглаживать проблемы, угрожавшие выполнению системой планов подготовки квалифицированных рабочих и их централизованного распределения, производства учащимися продукции в рамках государственных заказов в мастерских училищ или цехах предприятий, то технологии управляемой социализации имели более масштабные и долгосрочные задачи, были нацелены на выработку у учащихся всего спектра социально-психологических характеристик и настроений, который рассматривался системой как оптимальный для обеспечения достаточного уровня поддержки модернизационного развития «снизу». К сожалению, в дальнейшем (в 1960–1980-е гг.) способность советского профессионально-технического образования продуцировать новые и модифицировать старые социальные демпферы и технологии управляемой социализации постоянно снижалась.

Централизованная система подготовки и распределения рабочих полностью оправдала себя в военных условиях, и поэтому в условиях начинавшейся холодной войны, требовавшей новых мобилизационных усилий, она не только сохранилась, но ее статус в системе государственного управления был даже повышен – Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 г. ГУТР и Комитет по учету и распределению рабочей силы при Совете министров СССР были преобразованы в Министерство трудовых резервов СССР (МТР СССР), которое выполняло примерно те же функции: руководило подготовкой квалифицированных рабочих, распределением трудовых резервов, организованным набором рабочей силы, а также осуществляло контроль за ее использованием в промышленности, на транспорте и в строительстве.

Начавшаяся со второй половины 1940-х гг. конкуренция с Западом, балансировавшая на грани войны, потребовала от СССР реализации целого ряда передовых в технологическом отношении проектов – от атомного до космического. И здесь система Государственных

трудовых резервов как в капле воды отразила тот вызов, на который Советский Союз так и не смог дать адекватного ответа. Мобилизационные механизмы развития в изучаемой области хороши, когда необходимо в сжатые сроки выполнить некий объем задач, подразумевающих использование массовой и быстро обучаемой рабочей силы. Там же, где требовалось сочетание высокой профессиональной квалификации и творческих способностей, умения быстро осваивать новые технологии, воплощать в металле самые смелые передовые разработки, выпускник Государственных трудовых резервов любой степени дисциплинированности и в любом количестве оказывался не слишком полезен.

Закон 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью» означал не просто преобразование системы Государственных трудовых резервов в систему профессионально-технического образования. Он явился реализацией в системе профессионального образования принципов нового варианта советской модернизации, сводившего к минимуму жесткие мобилизационные механизмы и все больше тяготевшему к робким поискам более эффективных управленческих моделей и способов материальной мотивации к труду.

Кроме того, в системе представлений руководителей хрущевской эпохи о развитии народного хозяйства в целом также значительное место было отведено научно-техническому прогрессу. Проблемы в области качества подготовки молодых рабочих кадров, выявленные первыми высокотехнологическими проектами, означали, что дальнейший научно-технический прогресс, распространение механизации и автоматизации промышленного производства будут сдерживаться квалификационным качеством советского рабочего класса. Поскольку назревавшая реформа системы Государственных трудовых резервов осуществлялась в условиях начавшейся «оттепели», развенчания Н. С. Хрущевым «культы личности» И. В. Сталина, проблема соединения в облике будущего профессионально-технического образования рабочих идеологии и прагматизма становилась весьма сложной, и в конечном итоге не была решена.

Изучение менявшихся приоритетов и динамики модернизационного развития страны, формировавших вызовы и стимулы соединения идеологических установок с практическими задачами развития, позволяет сделать вывод о том, что каждое фундаментальное изменение идеологических установок или прагматических программ развития

в процессе поиска путей их интеграции в области подготовки рабочих кадров неизбежно приводило к формированию новой системы форм такой подготовки.

Переход к НЭПу и допущение ограниченных рыночных отношений в соединении с *прагматической задачей реконструкции разрушенной в годы революции и Гражданской войны промышленности* сформировали систему, включавшую школы ФЗУ как форму подготовки квалифицированных рабочих и специализированные для разных задач профтехкурсы (краткосрочные от 6 до 12 месяцев; курсы повышения квалификации рабочих от 1 до 2 лет; курсы по подготовке мастеров из квалифицированных рабочих от 6 месяцев до 2 лет).

Внесение во второй половине 1920-х гг. в число важнейших идеологических установок «*завершения революции*» (*ликвидации остававшихся «эксплуататорских классов» – нэпманов и кулачества*) и «*необходимости построения материально-технической базы социализма*» приводит к созданию системы форм подготовки, включавшей в качестве формы подготовки высококвалифицированных рабочих школы ФЗУ и профтехшколы на базе семилетки, в качестве формы подготовки квалифицированных рабочих – школы ФЗУ на базе четырехлетки, в качестве формы подготовки полуквалифицированных рабочих – школы ученичества массовых профессий, а также курсы и базы ЦИТа.

Подготовка к назревавшей Второй мировой войне (включая понимание стратегической роли железнодорожных перевозок в ней) вызвала к жизни централизованную систему Государственных трудовых резервов, включавшую формы подготовки высококвалифицированных рабочих кадров (РУ и ЖУ с двухгодичным сроком обучения) и подготовки рабочих массовых профессий (с продолжительностью подготовки 6 месяцев).

Начало высокотехнологичных научно-промышленных проектов (атомного, космического, химического и т. д.) привело к осознанию необходимости подготовки высококвалифицированных кадров молодых рабочих и появлению в системе Государственных трудовых резервов с 1954 г. технических училищ. География их размещения была увязана с местонахождением стратегических предприятий, производивших соответствующую высокотехнологическую продукцию.

Попытка смены модели модернизационного развития со снижением мобилизационного давления на общество и провозглашением

перехода к коммунизму в обозримом будущем на основе активного использования достижений научно-технического прогресса приводит к формированию нового единого типа профтехобразовательного учебного заведения – ПТУ, на единой образовательной базе восьмилетней школы, при этом сроки обучения различным специальностям варьировались от одного до трех лет.

Если на прежних этапах преподавание вполне могли вести приглашенные (командированные) выпускники технических учебных заведений, а с функционалом мастеров производственного обучения более-менее справлялись выпускники созданных с 1943 г. техникумов ПТО, то теперь обострилась проблема педагогических кадров.

На всем протяжении 1960–1980-х гг. существовала острая проблема не только учебных планов и программ, но и качества, и количества педагогических кадров профтехобразования. В связи с увеличением контингента учащихся и значительной текучестью кадров потребность учебных заведений в преподавателях и в мастерах производственного обучения оставалась стабильно большой, а уровень текучести педагогических кадров – высоким.

Одной из последних попыток соединения идеологии и прагматизма стало развитие инженерно-(профессионально-)педагогического образования, в 1990-е гг. сыгравшего важную роль (в том числе за счет осуществления контроля содержания и качества профессионально-технического образования в стране в условиях передачи его управления, финансирования, и даже определения содержания образования на региональный уровень) в сохранении системного характера и содержательного единства подготовки рабочих кадров в стране.

Полученные результаты исследования позволяют научно обосновать на материалах исследуемой области – профтехобразования – условия оптимальной интеграции идеологических установок и прагматических задач развития, позволяющие получить заметные синергетические эффекты.

Прежде всего, задачи развития должны быть четко сформулированы на уровне принципиальных целей и конкретных количественных и временных параметров и зафиксированы в конкретных руководящих документах. Отраслевые приоритеты развития должны взаимовязываться и преследовать общие цели. Указанные цели должны быть понятны целевой аудитории идеологического воздействия, восприни-

маться ею в качестве безусловно полезной этой аудитории и обществу в целом. Традиции российского общественно-исторического развития обуславливают необходимость трансляции таких идеологических установок от лица лидера государства, который, в свою очередь, должен демонстрировать готовность разделить с обществом предполагаемые для достижения целей трудности и усилия. Непосредственным доведением идеологических установок «на места» должны заниматься общественно признанные личности и структуры, пользующиеся общественным уважением и поддержкой. Трансляция идеологических установок должна носить комплексный характер, осуществляться адекватными сознанию целевой аудитории приемами, создавая постоянно работающее однонаправленное поле идеологического воздействия, позволяющее в конечном итоге получить достаточный для реализации прагматических задач развития уровень их «поддержки снизу».

Библиографический список

1. *Алексеев, В. В.* Государство как актор модернизации России на рубеже XIX и XX вв. / В. В. Алексеев. Текст: непосредственный // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 6–15.
2. *Аминов, Т. М.* Периодизация развития начального и среднего технического и ремесленного образования Башкортостана / Т. М. Аминов, Р. М. Асадуллин. Текст: непосредственный // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 3. С. 148–171. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-3-148-171.
3. *Атомный* проект СССР: Документы и материалы: в 3 томах / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Саров: Изд-во Рос. федер. ядер. центра – Всерос. науч.-исслед. ин-та эксперим. физики. Т. 2: Атомная бомба. 1945–1954. 2003. 816 с. Текст: непосредственный.
4. *Ахиезер, А. С.* Россия: критика исторического опыта: в 2 томах / А. С. Ахиезер. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997–1998. Т. 2: Теория и методология. Словарь. 1998. 594 с. Текст: непосредственный.
5. *Баннов, Г. Е.* Ребята из Девятнадцатой: повесть / Г. Е. Баннов. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1973. 216 с. Текст: непосредственный.
6. *Барсукова, В. В.* Русский газетный дискурс тоталитарной эпохи в его обусловленности меняющейся партийной идеологией: на материале статей и заметок экономической тематики: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Вероника Владимировна Барсукова. Пермь, 2011. 21 с. Текст: непосредственный.
7. *Брежнев, Л. И.* О коммунистическом воспитании трудящихся. Речи и статьи / Л. И. Брежнев. 2-е изд. Москва: Политиздат, 1975. 639 с. Текст: непосредственный.
8. *Буравин, Л.* Нам нужен боец, а не автомат / Л. Буравин. Текст: непосредственный // Смена. 1930. № 16–17. С. 29.
9. *Буряк, Е. М.* Пресса конца 1950-х – начала 1960-х гг. как канал формирования общественного сознания в СССР / Е. М. Буряк. Текст: непосредственный // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3. С. 269–277.
10. *Валько, Е. Е.* Формирование основ профессионально-технической системы образования в рамках государственного законодательства в 1920–1940-е гг. / Е. Е. Валько. Текст: непосредственный // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. С. 219–221.

11. *Воспитание* достойной смены: материалы Всероссийского совещания по вопросам трудового воспитания и профессиональной ориентации молодежи. Москва, 10–11 марта 1977 г. / под ред. Г. П. Веселова, А. И. Шустова. Москва: Просвещение, 1977. 206 с. Текст: непосредственный.

12. *Второй* пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Москва: Госплан СССР, 1934. Т. 1. 739 с. Текст: непосредственный.

13. *Декреты* Советской власти. Москва: Политиздат, 1980. Т. 10. Август – сентябрь 1920 г. 412 с. Текст: непосредственный.

14. *Дереглазов, Н. А.* История становления и развития системы начального профессионального образования России: автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Николай Алексеевич Деревлазов. Воронеж, 2006. 26 с. Текст: непосредственный.

15. *Дирвук, Е. П.* Основные этапы становления и институционального развития системы учреждений профессионально-технического образования в Республике Беларусь / Е. П. Дирвук // Вопросы дополнительного профессионального образования педагога. 2016. № 1. С. 1–8.

16. *Директивы* ВКП(б) по вопросам просвещения: Вопросы народного просвещения в основных директивах съездов, конференций, совещаний ЦК и ЦКК ВКП(б) / под ред. И. Д. Давыдова, И. Г. Клубуновского. 3-е изд., пересмотр. и доп. Москва; Ленинград: ОГИЗ, 1931. 496 с. Текст: непосредственный.

17. *Драчиков, Ф. В.* Перестройка системы Государственных трудовых резервов на военный лад в 1941–1943 годах (на материалах Нижнего Поволжья) / Ф. В. Драчиков. Текст: непосредственный // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. 2012. Вып. 51. С. 66–68.

18. *Дубов, Н. И.* Горе одному: роман в 2 книгах / Н. И. Дубов. Москва: Детская литература, 1967. 534 с. Текст: непосредственный.

19. *Евстафьев, Д. Г.* Все решается, а счастья нет / Д. Г. Евстафьев. Текст: непосредственный // Литературная газета. 2021. № 27 (6792). 7 июля.

20. *Евстафьев, Д. Г.* Кремль решился: Консерватизм – этнографическая диковинка или инструмент развития? / Д. Г. Евстафьев. Текст: непосредственный // Литературная газета. 2021. № 45(6808). 10 нояб.

21. *Закон* об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР. Москва: Известия, 1958. 31 с. Текст: непосредственный.

22. *Заседания* Верховного Совета РСФСР (1-го созыва), седьмая сессия (20–25 июня 1946 г.): стенографический отчет. Москва: Издание Верховного Совета РСФСР [Изд. и тип. изд-ва «Известия»], 1946. 368 с. Текст: непосредственный.

23. *Заседания* Верховного Совета СССР (4-го созыва), седьмая сессия (7–10 мая 1957 г.): стенографический отчет. Москва: Издание Верховного Совета РСФСР, 1957. 308 с. Текст: непосредственный.

24. *Захаровский, Л. В.* Механизмы сглаживания (демпфирования) социальных диспропорций и противоречий модернизационных процессов в области подготовки квалифицированных рабочих кадров в системе Государственных трудовых резервов в 1940–1950-е гг. / Л. В. Захаровский, С. Л. Разинков. Текст: непосредственный // Актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания: социальные трансформации и историческая память культуры: материалы 11-й Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 22 нояб. 2019 г. Нижний Тагил: Изд-во Нижнетаг. гос. соц.-пед. ин-та (филиала) РГППУ. 2019. С. 36–40.

25. *Захаровский, Л. В.* Советская модель профессионально-технического образования: актуализация опыта в современных условиях / Л. В. Захаровский. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2015. 104 с. Текст: непосредственный.

26. *Зиновьев, А. А.* Несостоявшийся проект (сборник) / А. А. Зиновьев. Москва: АСТ, 2009. 542 с. Текст: непосредственный.

27. *Зиновьев, А. А.* Русская судьба, исповедь отщепенца / А. А. Зиновьев. Москва: Центрполиграф, 1999. 506 с. Текст: непосредственный.

28. *Золотые руки*: фотоальбом / сост. Б. Лихтер. Москва: Труд-резервиздат. 1957. 312 с. Текст: непосредственный.

29. *История* индустриализации СССР. 1926–1941 гг.: в 4 томах. Москва: Наука, 1969–1972. Т. 3: Индустриализация СССР. 1933–1937 гг. Документы и материалы. 1971. 656 с. Текст: непосредственный.

30. *Каццафи, М.* Зеленая Книга / М. Каццафи. Москва: Международные отношения, 1989. 160 с. Текст: непосредственный.

31. *Кадры* тяжелой промышленности в цифрах. Москва: Сектор общ. изд. Объед. науч.-техн. изд-ва, 1936. 186 с. Текст: непосредственный.

32. *Каиров, И. А.* Идеино-политическое воспитание учащихся / И. А. Каиров. Москва: Трудрезервиздат, 1947. 28 с. Текст: непосредственный.

33. *Карманов, П. К.* Профессионально-техническое образование в Восточной Сибири: 1940–2000: автореферат диссертации ... доктора исторических наук / Павел Кузьмич Карманов. Красноярск, 2004. 47 с. Текст: непосредственный.

34. *Кива, А. В.* Социалистическая ориентация: аномалия или естественная фаза мирового развития? / А. В. Кива. Текст: непосредственный // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 15–25.

35. *Ким Ир Сен.* О чучхе в нашей революции / Ким Ир Сен. Пхеньян: Изд-во лит. на иностр. яз., 1974. 652 с. Текст: непосредственный.

36. *Клинова, М. А.* Модели трудовой мобилизации молодежи (по материалам журнала «Смена» 1946–1953 гг.) / М. А. Клинова, А. В. Трофимов. Текст: непосредственный // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 55–62.

37. *Коган, Л. Н.* Молодой рабочий вчера, сегодня: Опыт историко-социологического исследования образа жизни молодых рабочих 30-х и 70-х годов: на материалах Урала / Л. Н. Коган, Б. С. Павлов. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1976. 175 с. Текст: непосредственный.

38. *Коршунов, М. П.* Подростки: роман / М. П. Коршунов. Москва: Детская литература, 1975. 206 с. Текст: непосредственный.

39. *КПСС* в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1953: в 3 частях. Москва: Госполитиздат, 1953–1954. 7-е изд. Текст: непосредственный.

40. *Крокодил*: журнал. 1931. № 26. URL: <http://krokodil.dlibrary.org/ru/nodes/341-26>. Текст: электронный.

41. *Крупская, Н. К.* Педагогические сочинения: в 10 томах / Н. К. Крупская. Москва: Изд-во Акад. пед. наук, 1957–1963. Т. 10: Рецензии, отзывы, замечания. 1962. 808 с. Текст: непосредственный.

42. *Лавренов, Н. Н.* Государственные трудовые резервы СССР: Материалы для лекторов к 15-летию Государственных трудовых резервов / Н. Н. Лавренов, В. К. Постовойтов. Москва: [Б. и.], 1955. 43 с. Текст: непосредственный.

43. *Ленин, В. И.* Очередные задачи Советской власти / В. И. Ленин. Екатеринбург: Урал. гос. типография, 1918. 31 с.

44. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 томах / В. И. Ленин. 5-е изд. Москва: Политиздат, 1967–1975. Т. 21. Декабрь 1911 – июль 1912. 1968. Текст: непосредственный.
45. *Лимонов, Э. В.* Исчезновение варваров / Э. В. Лимонов. Москва: Глагол, 1992. 277 с. Текст: непосредственный.
46. *Логунова, М. А.* Образ как средство пропаганды на примере «сталинского кино» / М. А. Логунова. Текст: непосредственный // Век информации. 2018. Т. 2, № 2. С. 290–292.
47. *Манхейм, К.* Идеология и утопия / К. Манхейм; пер. М. И. Левиной. Москва: [Б. и.], 1992. 155 с. Текст: непосредственный.
48. *Мао Цзэдун.* О диктатуре народной демократии / Мао Цзэдун. Москва: Госполитиздат, 1949. 16 с. Текст: непосредственный.
49. *Марков, Н. В.* Научно-техническая революция: анализ, перспективы, последствия / Н. В. Марков. 2-е изд., доп. Москва: Политиздат, 1973. 239 с. Текст: непосредственный.
50. *Маршак, С. Я.* Веселое путешествие от А до Я / С. Я. Маршак. Москва; Ленинград: Детгиз, 1953. 108 с. Текст: непосредственный.
51. *Материалы XXV съезда КПСС.* Москва: Политиздат, 1977. 256 с. Текст: непосредственный.
52. *Медведева, Н. Б.* Рекомендательный список художественной литературы: для учащихся ремесленных и железнодорожных училищ / Н. Б. Медведева. Москва: Издатотдел Главтрезервов, 1946. 31 с. Текст: непосредственный.
53. *Мезенцев, Б. А.* Оpoznать отказались: повесть / Б. А. Мезенцев. 2-е изд., доп. Донецк: Донбас, 1975. 230 с. Текст: непосредственный.
54. *Меттер, И. М.* Товарищи: повесть / И. М. Меттер. Москва; Ленинград: Детгиз, 1953. 144 с. Текст: непосредственный.
55. *Михалков, С. В.* Стихи / С. В. Михалков. Москва: Правда, 1946. 48 с. Текст: непосредственный.
56. *Многоуровневые* вариативные модели формирования территориального (регионального) образовательного пространства / Г. М. Романцев, В. А. Федоров, Ф. Т. Хаматнуров, К. Ю. Комаров. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2007. 178 с. Текст: непосредственный.
57. *Народное образование в СССР: Общеобразовательная школа: сборник документов (1917–1973).* Москва: Педагогика, 1974. 559 с. Текст: непосредственный.

58. *Науменко, Т. В.* Массовое сознание и его роль в массово-коммуникативном процессе / Т. В. Науменко. Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2003. № 1. С. 147–157.

59. *Нечкина, М. В.* Читая Маркса ... (Сборник работ) / М. В. Нечкина. Москва: Наука, 1984. 150 с. Текст: непосредственный.

60. *О порядке* выдачи, ношения и хранения форменного обмундирования и обуви учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО Министерства трудовых резервов: приказ министра трудовых резервов СССР от 31.12.1947 г. № 536. Москва: Изд-во Мин-ва труд. резервов СССР, 1948. 43 с. Текст: непосредственный.

61. *О расширении* самообслуживания в общеобразовательных школах, школах-интернатах, детских домах, профессионально-технических училищах, суворовских училищах, в средних специальных и высших учебных заведениях: постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 2.06.1959 г. № 603. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765713642>. Текст: электронный.

62. *Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством:* постановление СНК СССР от 15 июня 1943 г. № 659. URL: https://e-ecolog.ru/docs/3ShDHlv9qocbj_PpxGhMU?utm_eferrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F. Текст: электронный.

63. *О ФЗУ:* постановление [утв. Политбюро ЦК ВКП(б) 05.06.1931 г.] (Прил. 2, п. 4). URL: <https://istmat.org/node/51794>. Текст: электронный.

64. *Павленко, Г. К.* Трудовые резервы Южного Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / Г. К. Павленко. Текст: непосредственный // Инновационное развитие профессионального образования. 2015. № 1. С. 166–171.

65. *Панарин, А. С.* Народ без элиты / А. С. Панарин. Москва: Алгоритм: Эксмо, 2006. 350 с. Текст: непосредственный.

66. *Петрушин, Ю. А.* СМИ как инструмент информационно-пропагандистской политики во время Гражданской войны в Сибири / Ю. А. Петрушин, О. С. Шилова. Текст: непосредственный // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 1. С. 72–80.

67. *Пистоленко, В. И.* Товарищи: повесть / В. И. Пистоленко. Москва: Детгиз, 1963. 352 с. Текст: непосредственный.

68. *Побережников, И. В.* Модернизация: Теоретико-методологические подходы / И. В. Побережников // Экономическая история. Обзор / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 8. Москва, 2002. С. 146–168.

69. *Постников, С. П.* Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. Екатеринбург: Изд-во Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2004. 228 с. Текст: непосредственный.

70. *Постников, С. П.* Подготовка рабочих кадров на Урале (1921–1941 гг.): диссертация ... доктора исторических наук / Сергей Павлович Постников. Екатеринбург, 1991. 516 с. Текст: непосредственный.

71. *Потемкина, М. Н.* Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эвакуационное население на Урале в 1941–1948 гг.: диссертация ... доктора исторических наук / Марина Николаевна Потемкина. Екатеринбург, 2004. 466 с. Текст: непосредственный.

72. *Профессионально-педагогическое* и профессионально-техническое образование в России: к столетию становления и развития: сборник документов: в 3 томах / авт.-сост. Ю. И. Биктуганов [и др.]; под ред. Е. М. Дорожкина, Л. В. Захаровского. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2020. Т. 1, 3.

73. *Пыжиков, А. В.* Корни сталинского большевизма: Узловой нерв русской истории / А. В. Пыжиков. Москва: Концептуал, 2019. 365 с. Текст: непосредственный.

74. *Рабочей гвардии смена*: сборник статей / ред.-сост. О. С. Корякова. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1965. 128 с. Текст: непосредственный.

75. *Речь тов. Сталина* в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года. Текст: непосредственный // Правда. 1935. № 123 (6369). 6 мая. С. 1.

76. *Ряженова, В. С.* Развитие профессионально-технического образования в Восточном Забайкалье в 1940–1991 гг.: историография и проблематика вопроса / В. С. Ряженова. Текст: непосредственный // Январские исторические чтения, посвященные памяти Ю. П. Шагдурова: материалы международной научно-практической конференции, Улан-Удэ, 19 янв. 2017 г. / науч. ред. Н. С. Байкалов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. С. 163–166.

77. *Савельева, О. О.* Идеология / О. О. Савельева. Текст: электронный // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/ideologiya-afd834>.

78. *Сборник пьес* для художественной самодеятельности учащихся трудовых резервов. Москва: Трудрезервиздат, 1957. 318 с. Текст: непосредственный.

79. *Сергеев, А. Ф.* Беседы о Сталине / А. Ф. Сергеев, Е. Ф. Глушик. Москва: Крымский мост-9Д: Форум, 2006. 184 с. Текст: непосредственный.

80. *Сердюков, А. А.* Педагогические кадры профессионально-технической школы России (1959–1985) / А. А. Сердюков. Екатеринбург: [Б. и.], 2001. 147 с. Текст: непосредственный.

81. *Силин, А. В.* Начальный этап создания системы Государственных трудовых резервов накануне Великой Отечественной войны (на материалах Европейского севера России) / А. В. Силин. Текст: непосредственный // Вестник Северного (арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2. С. 27–35.

82. *Синицын, Ф. Л.* Концепция «развитого социализма» как ответ СССР на идеологические и социально-экономические вызовы времени (1964–1982) / Ф. Л. Синицын. Текст: непосредственный // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 29–39.

83. *Скворцова, С. Г.* Система учебных заведений профессионально-технического образования в Башкирии в 1920–1930-е годы / С. Г. Скворцова. Текст: непосредственный // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 231–236.

84. *Солодкая, З. И.* Подготовка молодых рабочих в современных условиях / З. И. Солодкая, Н. К. Деева. Москва: Высшая школа, 1987. 190 с. Текст: непосредственный.

85. *Сталин, И. В.* Ответ товарищу Холопову / И. В. Сталин. Текст: непосредственный // Правда. 1950. 2 авг.

86. *Сталин, И. В.* О политической стратегии и тактике русских коммунистов: набросок плана брошюры / И. В. Сталин. Москва: Госполитиздат, 1954. 40 с. Текст: непосредственный.

87. *Сталин, И. В.* Собрание сочинений: в 16 томах / И. В. Сталин. Ленинград: Ленпартиздат, 1933. Текст: непосредственный.

88. *Сталин, И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР / И. В. Сталин // Правда. 1952. № 277 (12479). 3 окт. Текст: непосредственный.

89. *Субботина, К. И.* Финансирование народного образования / К. И. Субботина. Москва: Финансы и статистика, 1985. 96 с. Текст: непосредственный.

90. *Сухомлинский, В. А.* О воспитании / В. А. Сухомлинский; сост. и авт. вступ. очерков С. Соловейчик. 4-е изд. Москва: Политиздат, 1982. 270 с.

91. *Сушков, А. В.* Империя товарища Кабакова: уральская партноменклатура в 1930-е годы / А. В. Сушков. Екатеринбург: Альфа Принт, 2019. 292 с. Текст: непосредственный.
92. *Съезды советов СССР в постановлениях и резолюциях* / под общ. ред. А. Я. Вышинского. Москва: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1939. 304 с. Текст: непосредственный.
93. *Толстой, А. Н.* Хождение по мукам / А. Н. Толстой. Москва: ОГИЗ, 1946. 514 с. Текст: непосредственный.
94. *Уральское хозяйство в цифрах.* 1926 г. Краткий статистический справочник. 2-е изд. Свердловск: Изд. Урал. обл. стат. упр., 1926. 390 с. Текст: непосредственный.
95. *Фадеев, А. А.* Собрание сочинений: в 4 томах / А. А. Фадеев. Москва: Правда, 1987. Т. 4. Текст: непосредственный.
96. *Федюкин, И. И.* Роль административного предпринимательства в петровских реформах: Навигацкая школа и позднемосковские книжники / И. И. Федюкин. Текст: непосредственный // Российская история. 2014. № 4. С. 80–101.
97. *Филиппов, Ф. Р.* Социология образования / Ф. Р. Филиппов. Москва: Наука, 1980. 199 с. Текст: непосредственный.
98. *Фильцер, Д.* Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны / Д. Фильцер. Москва: РОССПЭН, 2011. 357 с. Текст: непосредственный.
99. *Фурсов, А. И.* О некоторых западных теориях «реального социализма» / А. И. Фурсов. Текст: непосредственный // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 81–93.
100. *Хлевнюк, О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры / О. В. Хлевнюк. Москва: РОССПЭН, 2010. 478 с. Текст: непосредственный.
101. *Хрущев, Н. С.* Воспитывать активных и сознательных строителей коммунистического общества: речь на XIII съезде ВЛКСМ, 18 апр. 1958 г. / Н. С. Хрущев. Москва: Молодая гвардия, 1961. 48 с. Текст: непосредственный.
102. *Хрущев, Н. С.* О Программе Коммунистической партии Советского Союза: доклад на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза, 18 окт. 1961 г. / Н. С. Хрущев. Москва: Госполитиздат, 1961. 143 с. Текст: непосредственный.

103. *Цориева, И. Т.* Развитие системы профессионально-технического образования в Северной Осетии в 1940–1980-е гг. / И. Т. Цориева. Текст: непосредственный // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 16 (55). С. 58–64.

104. *Черненко, К. У.* Решения XXI съезда КПСС – ленинизм в действии / К. У. Черненко // Политическое самообразование. 1981. № 5. С. 3–20. Текст: непосредственный.

105. *Чернова, О. Е.* Концепт «труд» как объект идеологизации: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Оксана Евгеньевна Чернова. Екатеринбург, 2004. 19 с. Текст: непосредственный.

106. *Шаповалов, С. Н.* Советские праздники и политическая социализация молодежи / С. Н. Шаповалов. Текст: непосредственный // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 3. С. 30–33.

107. *Шверник, Н. М.* Задачи профсоюзов в реконструктивный период: доклад и заключит. слово на XVI съезде ВКП(б), 11 июля 1930 г. / Н. М. Шверник. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1930. 96 с. Текст: непосредственный.

108. *Шкайдерова, Т. В.* Советская идеологическая языковая картина мира: субъекты, время, пространство: на материале заголовков газеты «Правда» 30–40-х гг.: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Татьяна Викторовна Шкайдерова. Омск, 2007. 23 с. Текст: непосредственный.

109. *Шумаков, С.* Усталый человек / С. Шумаков. Текст: непосредственный // Киноведческие записки. 1991. № 11. С. 21–28.

110. *Юрчак, А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение: перевод с английского / А. Юрчак; предисл. А. Беляева. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 661 с. Текст: непосредственный.

111. *Якунцов, В. И.* Ленинский комсомол – помощник партии в подготовке квалифицированных рабочих в системе Трудовых резервов на Урале (1941–1945 гг.): диссертация ... кандидата исторических наук / Виктор Иванович Якунцов. Пермь, 1984. 259 с. Текст: непосредственный.

112. *Arnason, J.* Communism and modernity / J. Arnason. Text: print // Multiple modernities / S. Eisenstadt (ed.). New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2002. P. 61–90.

113. *Arnason, J.* The Soviet model as a mode of globalization / J. Arnason. Text: print // Thesis Eleven. 1995. Vol. 41, iss. 1. P. 36–53.

114. *Coumel, L.* L'appareil du parti et la réforme scolaire de 1958: Un cas d'opposition à Hruščev / L. Coumel. Text: electronic // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. 2006. Vol. 47. Iss. 1–2. P. 173–194. <https://doi.org/10.4000/monderusse.9597>.

115. *Fitzpatrick, S.* On Stalin's team: The years of living dangerously in Soviet politics / S. Fitzpatrick. Princeton: Princeton University Press, 2015. 364 p. Text: print.

116. *Holquist, P.* "Information is the alpha and omega of our work": Bolshevik surveillance in its pan-European context / P. Holquist. Text: print // The Journal of Modern History. 1997. Vol. 69, iss. 3. P. 415–450.

117. *Kotkin, S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a civilization / S. Kotkin. London: University of California Press, 1995. 639 p. Text: print.

118. *Kragh, M.* Soviet labour law during the Second World War / M. Kragh. Text: electronic // War in History. 2011. Vol. 18, iss. 4. P. 531–546. <https://doi.org/10.1177/0968344511417501>.

119. *Kucherenko, O.* State v. Danila Kuz'mich: Soviet desertion laws and industrial child labor during World War II / O. Kucherenko. Text: print // The Russian Review. 2012. Vol. 71, iss. 3. P. 391–412.

120. *Late Stalinist Russia: Society between reconstruction and reinvention* / J. L. Fürst (ed.). New York: Routledge, 2006. 287 p. Text: print.

121. *Matthews, M.* Education in the Soviet Union: Policies and institutions since Stalin / M. Matthews. London: Allen and Unwin, 1982. 239 p. Text: print.

122. *Ortega y Gasset, J.* Man and crisis / J. Ortega y Gasset. New York: Norton, 1958. 217 p. Text: print.

123. *The economics of World War II: Six great powers in international comparison* / M. Harrison (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 307 p. Text: print.

124. *XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии.* 10–21 марта 1939 г.: стенографический отчет. Москва: Госполитиздат, 1939. 744 с. Текст: непосредственный.

125. *XX съезд Коммунистической партии Советского союза.* 14–25 февраля 1936 г.: стенографический отчет. Москва: Госполитиздат, 1956. Т. 1. 640 с. Текст: непосредственный.

Сводные данные о количестве молодежи, принятой в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО Свердловской области в 1940–1956 гг., чел.

Год призыва	Всего принято, в учебные заведения трудовых резервов СССР	Призыв в ремесленные, железнодорожные, горнопромышленные, сельскохозяйственные и специальные училища			Призыв в школы ФЗО и горнопромышленные школы		
		СССР		Всего	Свердловской области		
		Всего	В том числе завезено из других областей		СССР	Всего	В том числе завезено из других областей
1	2	3	4	5	6	7	8
1940	602 014	345 009	8 400	–	257 005	8 200	1300 (Башкирская АССР – 1300)
1941	688 034	307 420	11 486	–	380 614	12 291	3449* – 6.750** (Башкирская АССР – 700* – 3800** , Казахская ССР – 1549* – 1600** , Мордовская АССР – 1200)
1942	814 609	226 514	11 700* – 15 148**	2000* – 4499** (Воронежская обл. – 141, Калининская обл. – 2 563, Орловская обл. – 790, Смоленская обл. – 905, Тульская обл. – 100)**	588 095	33 665* – 33 881**	12 760* – 13 950** (Воронежская обл. – 2152, Калининская обл. – 2738, Кировская обл. – 3720, Орловская обл. – 2187, Саратовская обл. – 800, Смоленская обл. – 1653, Тульская обл. – 700)**

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
1943	711 718	230 289	14 135	600*	481 429	24 015* – 24 229**	8730*–9390** (Воронежская обл. – 3390* – 3484**, Кировская обл. – 1050** – 1078*, Марийская АССР – 1834*–2000**, Мордовская АССР – 950* – 972**, Тюменская обл. – 200*, Чувашская АССР – 1878*–1884**, ¹)
1944	440 125	126 157	6 813	–	313 968	20 809	5153 (Белорусская ССР – 4127, Кировская обл. – 348, Чувашская АССР – 678)
1945	446 644	169 530	8 040	–	277 114	14 305	9771 (Алтайский край – 1157, Башкирская АССР – 974, Кировская – 1931, Курганская обл. – 210, Курская обл. – 2030, Молотовская обл. – 595, Новосибирская обл. – 948, Омская обл. – 731, Тюменская обл. – 1195)
1946	638 708	254 023	10 339	–	384 685	13 773	8354 (Башкирская АССР – 861, Марийская АССР – 317, Кировская обл. – 844, Мордовская АССР – 995, Омская обл. – 1383, Татарская АССР – 2584, Чувашская АССР – 1049) ²
1947	1 084 684	250 276	9 385	–	834 408	21 932 ³	9 379 (Башкирская АССР – 762, Воронежская обл. – 1933, Ки-

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
							ровская обл. – 2473, Мордовская АССР – 1575, Пензенская обл. – 1328, Тамбовская обл. – 4638, Чувашская АССР – 840)
1948	849 339	240 401	9 014	–	608 938	20 539	6308*** (Башкирская АССР – 1057, Вологодская – 834, Кировская – 3301, Тамбовская обл. – 594, Чувашская АССР – 522)
1949	610 098	168 982	6462	161**** (Тюменская – 25, Читинская – 86, Чкаловская обл. – 50)	441 116	20 898	16.203 (Брянская обл. – 1349, Владимирская обл. – 388, Воронежская обл. – 739, Кировская обл. – 4238, Марийская АССР – 326, Мордовская АССР – 1755, Пензенская обл. – 2638, Тамбовская обл. – 2609, Удмуртская АССР – 1492)
1950	385 321	148 620	6406	476**** (Курганская обл. – 54, Красноярский край – 182, Томская обл. – 29, Тюменская обл. – 211)	236 701	9099	5791 (Брянская обл. – 1084, Кировская обл. – 1444, Мордовская АССР – 1462, Пензенская обл. – 1801)
1951	341 109	143 672	5545	502**** (Кировская обл. – 257, Тюменская обл. – 245)	197 437	8193	5233 (Брянская обл. – 1095, Калужская обл. – 327, Курская обл. – 1190, Мордовская АССР – 1108, Пензенская обл. – 1.513)

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
1952	330 289	145 584	5524	445**** (Вологодская обл. – 57, Кировская обл. – 40, Коми АССР – 50, Омская обл. – 97, Тюменская обл. – 201)	184 705	8080	5066 (Брянская обл. – 1129, Курская обл. – 1479, Мордовская АССР – 965, Пензенская обл. – 1307, Ульяновская обл. – 186)
1953	–	–	4941	417**** (Алтайский край – 18, Кировская обл. – 214, Мордовская АССР – 20, Омская обл. – 83, Тюменская обл. – 82)	178 088	7836	3839 (Брянская обл. – 922, Воронежская обл. – 429, Курская обл. – 656, Мордовская АССР – 442, Орловская обл. – 183, Пензенская обл. – 466, Тамбовская обл. – 556, Ульяновская обл. – 185)
1954	–	–	–	–	–	10 150	4406 (Брянская обл. – 676, Воронежская обл. – 176, Волынская обл. – 662, Дрогобычская обл. – 206, Липецкая обл. – 37, Орловская обл. – 517, Тамбовская обл. – 807, Тернопольская обл. – 443, Черниговская обл. – 882)
1955	–	–	–	262**** (Белорусская ССР – 85, Вологодская обл. – 94, Тюменская обл. – 83)	–	5074	2537 (Арзамасская обл. – 181, Брянская обл. – 617, Белгородская обл. – 271, Винницкая обл. – 194, Львовская обл. – 94, Мордовская АССР – 202, Орловская обл. – 316, Рязанская обл. – 162,

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
							Тамбовская обл. – 395, Татарская АССР – 105)
1956	–	–	–	–	–	10 68	1492 (Арзамасская обл. – 71, Брянская обл. – 640, Воронежская обл. – 104, Мордовская АССР – 100, Орловская обл. – 101, Тамбовская обл. – 252, Ульяновская обл. – 224)

Примечания:

* По данным Свердловского областного управления трудовых резервов.

** По данным Главного управления трудовых резервов СССР.

*** Неполные данные.

**** Из числа воспитанников детских домов.

¹ Сумма данных о количестве призванных из других регионов (по сведениям Свердловского областного управления трудовых резервов) составляет 9330 чел., 600 чел. из которых были призваны в ремесленные училища.

² Сумма данных о количестве призванных из других регионов составляет 8033 чел., что на 321 чел. меньше итоговой цифры.

³ По другим данным в школы ФЗО Свердловской области в 1947 г. было принято 23 907 чел. (ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 711. Л. 29).

Составлено автором по ГА РФ. Ф. 9507. Оп. 2. Д. 418. Л. 1; Д. 420. Л. 1; Д. 422. Л. 2; Д. 423. Л. 3; Д. 424. Л. 4; Д. 425. Л. 8.; Оп. 5. Д. 48. Л. 13–16, 22–23, 27, 55, 59, 98; Д. 205. Л. 15, 30, 35, 64; Д. 207. Л. 14–16, 29, 49; Д. 209. Л. 119–121, 190; ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 44. Л. 2, 4–7, 59–62, 64–67, 69–70, 86–88.

Научное издание

Захаровский Леонид Владимирович

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ
РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.
1920–1980-е гг.

Монография

Редакторы Н. А. Мезина, Т. В. Шептунова
Компьютерная верстка Н. А. Ушениной
Фотографии Я. Халипа, А. Шишкина, А. Узляна, А. Левина

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета университета

Подписано в печать 13.11.24. Формат 60×84/16. Бумага для множ. аппаратов.
Печать плоская. Усл. печ. л. 11,3. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 500 экз. Заказ № ____.
Издательство Российского государственного профессионально-педагогического университета. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.
